РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

2

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ51
Р465

ИСТПАРТ СРЕДАЗБЮРО
ЦК ВКП (б)

ГБ51
Р465

РЕВОЛЮЦИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

СБОРНИК

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА ВОСТОКА"
Ташкент
1929

Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б).

Революция в Средней Азии

Сборник

2

Издательство „Правда Востока“
Ташкент
1929

Тов. Джура Закиров.
(1894—1929 г.)

Закиров Джура Мухамедович

(Некролог).

В конце января 1928 года на станции Ташкент скоропостижно от паралича сердца умер один из старейших заслуженных работников, член партии с 1918 года. Таджик по национальности Джура Мухамедович Закиров. Умер еще молодым—на 35-м году жизни. Биография Джуры Закирова—это история основных этапов Октября в Средней Азии.

Джура Закиров был одним из первых среди местных трудящихся масс, кто понял и воспринял значение Октября и стал в ряды активнейших борцов компартии.

Сын ходжентского чернорабочего, сам рабочий, товарищ Закиров с раннего детства испытал на себе всю тяжесть колониально-капиталистического гнета. Особо важное значение для оформления его классового самосознания сыграло пребывание во время тыловых работ в 1916 году в России среди рабочих завода Гриза в гор. Бердянске. Здесь тов. Закиров под руководством революционно настроенных рабочих завода еще до февраля 1917 года начинает вести революционную пропаганду среди находящихся там тыловиков, мобилизованных из национальностей Ср. Азии. После февральской революции он уже член Совета рабочих и солдатских депутатов г. Бердянска.

Возвратившись в Среднюю Азию, он в начале 18 года вступает в Красную Армию в числе первых добровольцев из местного населения и принимает активное участие в организации красноармейских отрядов в Ходжентском уезде. С этого времени до 1922 года он непрерывно находится в Красной Армии, участвуя главным образов по подавлению басмачества.

В компартию тов. Закиров вступил в декабре 1918 года. С 1922 года и до дня смерти тов. Закирову партия поручала ряд ответственных и руководящих партийных и советских работ в Ходженте, Самарканде и ряде других районов (отсекр райкома, окружной партколлегии, работал по нацразмежеванию, по земреформе и проч.).

Во всей его работе, т. Закиров проявляет себя стойким, энергичным и выдержанным партийцем. Это отмечено Реввоенсоветом Союза и рядом местных организаций,—тов. Закировым было получено 15 почетных грамот. Кроме того, он был представлен к Ордену Красного Знамени.

Наряду со своей практической работой он находил время и возможность принимать активное участие в работе Истпарта. Мы имеем опубликованными следующие его работы: „Ходжент в революции“ (журн.„Комм. Мысль“ № 5 за 1927 г.) и „Матчинское басмачество“ (в сборнике на узбекском языке), в которых он, как партиец, освещает ход событий и участие партии и масс в ревдвижении, скромно обходя свое немалое участие. Многое мог бы дать тов. Закиров и в этой области, но смерть преждевременно вырвала его из наших рядов.

Г. И. Трофимов (1892—1929 г.)

Г. И. Трофимов

(Некролог)

Умер Георгий Иванович Трофимов—один из активнейших участников всех этапов Октябрьской революции в Средней Азии. Смерть вырвала его из наших рядов неожиданно, на 37-м году жизни, в расцвете сил и деятельности.

Г. И. родился в 1892 году в гор. Аулиэ-Ата в пролетарской семье. Детство Г. И. протекало в чрезвычайно тяжелых условиях. Отец умер, когда Г. И. было всего три года, оставив матери на руках 5 человек детей. Образование Г. И. получил в начальной 3-х годичной школе, после чего 11-летним мальчиком поступил в типографию, где несколько лет работал наборщиком. С 1904 г. Г. И., в силу болезненного состояния должен был от работы наборщика отказаться и перейти на, конторский труд. Во время империалистической войны Г. И. мобилизовали в армию, где он работал фельдшером.

Февральская революция 1917 года с первых же дней втягивает его в свою сферу. Он начинает принимать активное участие в работе армейских комитетов. Целиком уйдя в революцию, Г. И.—и в силу того, что не прошел опыта рабочего крупных индустриальных предприятий, и потому, что в Туркестанских условиях, в годы 1907—1916 почти не существовало социал-демократических организаций—не смог сразу стать на большевистский путь. На первых порах он примкнул к мелко-буржуазному течению левого крыла эсеров. Но опыт развивающейся революции скоро (через три месяца) дал ему возможность порвать с эсерами и перейти к большевистскому пониманию революции. Демобилизация из старой армии конца 1917 года перебрасывает его в Джетысу, где и начинается его широкая деятельность, как большевика.

Как известно, временное правительство в Джетысу просуществовало до марта 1918 года. Вплоть до этого переворота большевики здесь работали в подполье. Г. И. и был одним из активнейших организаторов подпольной большевистской работы в Алма-Ата, затем участником свержения контрреволюционного временного правительства и одним из руководителей работы первой в Джетысу легальной большевистской организации, секретарем алма-атинского комитета партии. С этого момента Г. И. вплоть до 1929 года выдвигался на различные ответственные партийные и советские посты как областного, так и краевого маштаба.

Крепкий, выдержанный партиец, активнейший работник везде, куда его партия посылала, отзывчивый товарищ,—таков был Г. И. везде, где бы он ни работал.

В области сложнейших национальных взаимоотношений в Ср. Азии он никогда ни на одном этапе не впадал в великодержавничество ни теоретически, ни в своей практической деятельности. Чужды ему были и все какие бы то ни было уклоны в ВКП(б). Он был последовательным большевиком-ленинцем. И большая работа над собой по самообразованию дали ему возможность и уменье верно осмыслить все сложнейшие этапы революции.

С каждым днем усложняющиеся задачи борьбы на хозяйственном, политическом и культурном фронте вызывали у Г. И. жажду пополнять свои знания и стать более полезным партии работником, но сильно расшатанное здоровье не дало ему возможности поехать на учебу.

Но все же, не получивши систематического образования, он кроме ценности как практический работник, сумел показать себя и в области научно-исследовательской работы по линии истории ревдвижения в Ср. Азии. В его статье „Из

прошлого компартии Джетысу" дан правильный анализ экономических предпосылок, на основание которого становится ясным весь последующий ход развития ревдвижения в Джетысу и возможностей реакционного сопротивления и контрреволюционной роли местной буржуазии. Задуманная им работа „Дунганы в революции" и ряд записок о роли левых с.-р. в январских событиях 1919 г., над которыми он много работал, показывают его стремления дать правильное освещение и об'яснение событий, участником которых он был. Это же заставило его принять предложенный ему партией пост директора Ср.-Азиатского музея Революции, где он мог бы продолжать свою научно-исследовательскую работу.

Прекрасный партиец, с горячей жаждой деятельности— таким был Г. И. во всей своей деятельности и таким остался после своей преждевременной смерти перед лицом партии.

П. Антропов.

2-ой Краевой С'езд РКП(б) в Туркестанской республике*)

Второй Краевой С'езд РКП(б) в Туркреспублике состоялся в период 17—29 декабря (по новому стилю) 1918 года—через 6 месяцев после первого краевого партс'езда (этот последний был в середине июня 18 года). По своему численному составу 2-ой с'езд был значительно полнее первого: на первом с'езде присутствовало 40—50 делегатов, а на втором—около 180.

Представительство на 2-ом с'езде, по сравнению с первым, территориально было несколько отличное: делегатов от Закаспия не было—по причине образования Закаспийского фронта. Но за то на втором с'езде мы имели представителей от Семиречья, на первом с'езде отсутствовавших.

Заседания происходили во дворце труда. Президиум с'езда был избран в составе семи товарищей: Солькин (председатель), Джурабаев, Воедилов, Войтинцев, Шарыбин, Татаринов и Тим.

Повестка дня с'ездом была утверждена следующая:**)

1. Вопрос о Тоболине.
2. Отчет о деятельности временного Центрального Комитета, фракции ЦИК'а и доклады с мест.
3. Текущий момент.
4. Партийная работа в центре и на местах:
   а) классовое воспитание масс вообще и мусульманских в частности;
   б) работа в профсоюзах;
   в) о сельско-хозяйственных коммунах;
   г) отношение к трудовой повинности;
   д) издание партийного органа.
5. Отношение к советской и не советским партиям.
6. О советской конституции.

---

*) „Первый Краевой С'езд РКП(б) в Туркреспублике" напечатан в Сборнике Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) № 1 „Революция в Средней Азии", стр. 7—20. В следующих №№ этого сборника будут помещены остальные краевые с'езды.

**) Пов. дня с'езда напечатана в „Нашей газете" № 251 и след. №№.

Но прежде, чем приступать к ознакомлению с работами с'езда и анализу его решений, в целях более четкого уяснения этих решений, необходимо, хотя бы кратко, ознакомиться с экономическим и политическим положением в крае к концу 1918 года и состоянием в этот период партийных организаций. В качестве основных материалов по этим вопросам используем отчет на с'езде о деятельности временного ЦЕКА, комфракции ЦИК'а Советов и доклады делегатов с мест и по текущему моменту.

И внутренняя и внешняя обстановка в крае за шесть месяцев, прошедших между первым и вторым партийными с'ездами, чрезвычайно усложнилась. Во вторую половину 1918 года белогвардейские фронты вокруг Туркестана представляли из себя плотно замкнутое кольцо. На Оренбургско-Актюбинском фронте нашим частям приходилось делать чрезвычайно большие усилия, чтобы сдерживать наступление дутовцев. Кулацко-казачьи восстания в Семиречье нашли себе поддержку в появившихся здесь бандах агента Колчака—атамана Анненкова. Закаспий с июня 1918 года оказался в руках, так называемого, "Временного Закаспийского Правительства", образованного меньшевиками и эсерами при помощи международной контр-революции в лице английского генерала Малиссона. Закаспийский фронт представлял из себя чрезвычайно серьезную угрозу. В этот же период сильно разросталось басмаческое движение в Фергане. К Мадамин-беку, об'единившему вокруг себя значительное количество басмаческих шаек, присоединяется джаляльабадская крестьянско-кулацкая армия.

Хива и Бухара были настроены к Туркреспублике сильно враждебно. Особенно серьезную опасность представляла расположенная в тылу Закаспийского фронта Бухара, концентрирующая под крылышком эмирата силы и местной и русской контр-революции.

Внутреннее положение в крае было также напряженнейшим. Лишенный завоза хлеба край голодал. Катастрофически обстоял вопрос с нефтью, углем, железно-дорожным транспортом. Хлопковой промышленности грозил полнейший кризис. В докладе по текущему моменту это положение края тов. Солькин характеризовал в следующих чертах: „Положение оторванной от центра, окруженной со всех сторон врагами части (?) чем дальше, тем больше сгущает атмосферу. Своих собственных запасов становится все меньше и меньше. Производительная деятельность, довольно слабая и раньше, в настоящее время из-за недостатка технических средств и отсутствия трудовой дисциплины, стоит очень низко. Транс-

порт расстроен из-за катастрофического положения с топливом. Необходимо обратить также внимание на чисто туркестанское явление: страшно развившийся голод среди беднейшего мусульманского населения кочевого и оседлого"*). Имеющиеся еще запасы продовольствия и мануфактуры приходилось экономить для Красной армии. „Все, что у нас имелось и имеется,—говорил в своем докладе тов. Войтинцев,—приходится отправлять на фронт"**).

Соотношение классовых сил внутри края в условиях этой экономической разрухи и напряженейшей военной борьбы было чрезвычайно сложным. Основная активная сила революции—тонкая прослойка европейского пролетариата в лице, главным образом, железнодорожников, несла на себе все тяготы момента. Лучшая, активнейшая часть рабочих была брошена в Красную армию, находилась на фронтах, составляла там костяк армейских частей. Менее же классово-активная и сознательная масса в условиях все ухудшавшегося экономического положения, в наиболее трудные моменты борьбы, под влиянием агитации меньшевиков и эсеров и просто обывательских настроений—проявляла неустойчивость, колебания. Так, например, на происходившем в Ташкенте в июне месяце первом с'езде профессиональных союзов Туркестана провокационную резолюцию о посылке на Дутовский фронт мирной делегации удалось отвергнуть с большим трудом. А после 6-го С'езда Советов меньшевики совместно с левыми эсерами, потерпевшими на этом с'езде поражение, на рабочих собраниях Ташкента пытались провести резолюцию о неправомочности с'езда. В начале декабря в Ташкентских железно-дорожных мастерских, под влиянием тех-же сил контр-революции, происходят новые осложнения. Контр-революция при помощи меньшевиков и эсеров и через свои белогвардейские организации использует все средства для того, чтобы взорвать ташкентское революционное гнездо изнутри.

Но в процессе борьбы рабочие массы начинают все больше понимать, кто их друзья и кто—враги. Кредит в их глазах теряют не только меньшевики и правые эсеры, но и „правительственная партия" левых эсеров. 6-ой С'езд Советов показал это довольно наглядно, а январские события 19-го года сбросили эту партию в мусорный ящик истории.

Дифференциация классовых сил становится все более четкой. С каждым днем все усиленнее идет размежевание по двум противоположным полюсам: силы революции и силы откры-

*) 2-й Краевой С'езд РКП(б) в Туркресп. „Наша Газета" от 31 дек. 1918 г. № 278.

**) Там же.

той контр-революции. Внутренняя белогвардейщина находит себе поддержку извне, в первую очередь со стороны английского империализма через агентов в Кашгарии, Персии, Афганистане, Бухаре и тайные организациив самом Туркестане. Деятельность английской миссии в Ташкенте, организации Тишковского, Осипова, Агапова—все они были направлены к одной цели: сконцентрировать вокруг себя внутри края все антисоветские элементы для взрыва изнутри. В таких чрезвычайно-сложных и тяжелых условиях происходил 2-ой партийный с'езд.

Делегат 2 го с'езда т. Н. Ходжаев.

А теперь ознакомимся, в каком состоянии в это время была в Туркестане коммунистическая партия. Характеристику партийных организаций Туркестана ко 2-ому с'езду, т.-е. к концу 1918 года, их состояние и темп роста лучше всего выяснить на сопоставлении докладов с мест на этом с'езде с аналогичными данными из докладов 1-го с'езда. И количественные и качественные изменения в партоорганизациях мест, происшедшие за 6 месяцев между первым и вторым с'ездами (июнь—декабрь 1918 г.), на основе такого сопоставления выступят наиболее рельефно*).

Перейдем к характеристике представленных на с'езде организаций. Начнем с Коканда. Организация и отмежевание большевистской группы от меньшевиков здесь произошло раньше, чем в остальных городах Туркестана. Перед октябрем 1917 года здесь имелась оформленная большевистская группа в 30—35 человек, а к 1-ому с'езду она возросла до 200 членов. Уже тогда здесь велась организационная и аги-

*) Использованные здесь доклады с мест взяты из отчета о с'езде, напечат. в газ. „Туркестанский Коммунист", и „Наша Газета" за период 20—31 дек. 1918 года. Подлинных протоколов 2-го с'езда до сих пор не найдено. Кроме этих с'ездовских докладов с мест, других материалов,—архивных и печатных,—характеризующих местные парторганизации, у нас весьма мало. Это, главным образом, воспоминания участников и несколько дел ячейковых, уездных и областных партийных организаций, хранящихся в истпарте.

тационная работа среди местного населения, и, благодаря этому, партии сочувствовало около десяти тысяч человек из местного населения („Союз трудящихся мусульман", гл. обр.). К декабрю 1918 года в партии было уже 750 человек. На заводах Потеляховском и Андреевском имелись отдельные партколлективы. Прием в партию производился при условии рекомендации двух партийцев. Кокандским советом руководили исключительно большевики. Эсеры в Коканде никакого влияния не имели. Главнейшим тормазом в работе парторганизации было ферганское басмаческое движение.

В Ходженте партийная организация создалась в апреле 1918 года. К первому с'езду в организациии числилось до 20 человек, а ко второму—в городе и уезде было 2117 человек членов партии: в гор. Ходженте 246 чел., железно-дорожной ст. Ходжент—25 чел., станции Драгомирово—36 чел., Копи—36 чел., Половинка—80 чел., Гуляканды—16 чел., Нау—80 чел., Кодаково—80 чел., Сары-Дуган—800 чел., Уральская волость—312 чел., Чапкульская волость—35 чел., Вокальберганская волость—25 чел. и Инфанская волость—60 чел. Словом, за 6 месяцев (июнь—декабрь 1918 г.) парторганизация здесь выросла огромно.

В начале декабря в Ходженте состоялся уездный с'езд партии. В совете к декабрю эсеров уже не имелось, они были удалены. В виду малочисленности в городе состава красной армии, парторганизация играла роль боевой единицы. Ей не раз приходилось выступать в уезд для обороны от появляющихся в том или ином районе басмаческих шаек Иргаша. Одновременно с этим парторганизацией было мобилизовано и отправлено в Самарканд на пополнение красной армии 120 партийцев.

Промысла Санто. Парторганизация создалась уже после 1-го с'езда. Сначала работала совместно с левыми эсерами. Потом отделилась. Ко 2-ому с'езду в парторганизации состояло около 100 человек. Вся организация вооружена и несет охрану промыслов. Связь с другими организациями слабая. Нет сил, литературы.

В Андижанской организации ко 2-ому с'езду состояло не менее 200 человек*). Здесь долго держалась старая власть и учреждения. Так, городская дума была распущена только в начале декабря 18 года. Левоэсеровской организации в городе не было. Но довольно сильны были дашнаки. Парторганизация крайне нуждалась в работниках, литературе.

*) Цифра 200 взята предположительно, судя по числу 2-х представителей на с'езде при норме представительства один от 100.

Ошская организация в декабре насчитывала в своих рядах около 100 человек. Левых же эсеров здесь было больше 200 человек. Свою деятельность партия развертывала по двум направлениям: организация комбедов и работа среди коренного населения.

Первая партгруппа в Намангане сложилась в декабре 17 года из 7 человек. В апреле в ней уже было 180 человек, а в период 2-го с'езда 600 с лишним: 200 европейцев и 400 из местного населения. В совете $^2/_3$ коммунисты. Большую борьбу организации пришлось выдержать с контрреволюционным союзом „Хлопмасмыло".

Скобелевская (Фергана) парторганизация начала свое существование с июля 1918 года. В начале декабря в ней состояло 237 человек и 200 сочувствующих. Кроме того, имелась группа иностранных коммунистов до 100 человек. После произведенной в декабре чистки в партии осталось только 93 человека. Левых эсеров в совете нет. В $^2/_3$ кишлаков партией были организованы комбеды. Значительную долю своего внимания организации приходится уделять на борьбу с басмаческими шайками.

В Кизыл-Кия первая большевистская группа сложилась в феврале 1918 года в составе 7 человек. Но оформилась она только в июне, а в декабре в организации имелось уже 451 человек. В совете одни коммунисты, эссеров нет. Имеется крепкая боевая партдружина. В ней ведутся регулярные военные занятия. Дружина несколько раз выступала против басмаческих банд. Дружинники несут охрану и копей и старого Маргелана. Парторганизация, кроме того, ведет работу и в кишлаках и борется за поднятие производительности по добыче угля на копях. Деятельность партии протекает в тесном контакте со Скобелевской и Ферганской организациями. Делегат Кизыл-Кия на 2-ом с'езде особенно заострил вопрос на необходимости вывода левых эсеров из советов во всем Турккрае.

В старом Маргелане партгруппа существует с конца августа 18 года. Ко 2-ому с'езду в ней было 170 человек. Развертывание деятельности парторганизации связывается басмаческими шайками Мадамина.

От Катта-Кургана на 2-ом с'езде было 3 представителя (что дает возможность предполагать, что численность организации в то время была не меньше 300 человек). Представитель на с'езде в своем докладе остановился только на двух вопросах: на тяжелом продовольственном положении и торможении всей работы близостью фронта.

Джизакская партийная организация имеет 26 человек. Ведется обучение военному делу.

В Ура-Тюбе в парторганизации около 100 человек.

Драгомировская организация сложилась в июне 18 года сначала в 7 человек. Ко 2-ому с'езду в партии было 50—70 членов (в октябре было 26 человек). Из русских и местных рабочих желают записаться в партию около 300 человек. Намечается организовать иностранных рабочих*). Ведется агитационная работа. Есть эсеровская партия, состоящая из „кокардников и саботажников, которые все время шли против советской власти". С эсерами ведется борьба.

В середине сентября в Самарканде состоялся первый областной с'езд, создавший областной комитет. К концу октября в области имелось уже 28 организаций с составом в 3500 членов из русских и, по словам докладчика, „огромным количеством мусульман". На с'езде от Самаркандской области было около 60 человек, т.-е. в среднем от 5—6 тысячной парторганизации (представительство на с'езде от 100 один).

Голодностепская (мирзачульская) организация создалась только 10 ноября 1918 года. В ней 53 человека русских. Из местного населения подало заявления о вступлении в партию около 5 тыс. человек. Но они в партию приняты не были, а записаны „сочувствующими" партии, „считаясь с их несознательностью", как выразился на с'езде докладчик. Литературы у парторганизации нет. Исполком, переизбранный 1 декабря, весь из большевиков. Создаются сельско-хозяйственные коммуны. Партийную работу удалось поставить и двинуть благодаря помощи со стороны комиссии, приезжавшей проводить работу по реализации урожая.

Пскентская организация создалась в сентябре 18 года в составе 55 человек. Левоэсеровская партия, возникшая одновременно с большевистской, была количественно больше: около 800 человек. По словам тов. Ниязова—„в эту последнюю, наряду с деканством, вошла вся кишлачная буржуазия, духовенство и старое чиновничество". В большевистской же ячейке, хотя и оказалось несколько баев, но в основном она состояла из наиболее революционных элементов кишлака-середняка и бедноты". Уже в ноябре большевикам удалось всех эсеров из совета удалить. Но вслед за тем, под влиянием продолжающегося в Ташкенте сотрудничества с эсерами, эти последние вновь вошли в Совет**).

---

*) „Иностранные рабочие"—из военнопленных империалистической войны.

**) Приводимые здесь данные о Пскентской ячейке взяты из подтвержденного документами воспоминания Ниязова и др., напечатанного в

Ташкентская организация к 1-ому с'езду имела 261 человек. 28 из них были из местного населения, главным образом узбеки. Кроме того, в старом городе Ташкенте имелось 125 человек, „идущих за партией".

Тов. Качурнер*) в своем докладе на 2-ом с'езде характеризовал количественный состав ташкентской организации в таких цифрах. Всего членов партии в городе около 2-х тысяч человек: русских—700, из местного населения—900 человек и иностранных рабочих—400. Имелись секции: иностранных коммунистов, латышская, украинская, персидская, татарская, киргизская и железно-дорожная, старогородская и ново-городская организации. Кроме того, во всех этих организациях имелась разветвленная сеть партколлективов (ячеек), организовавшихся гл. образом в середине 18 года. 20 октября в Ташкенте состоялась общегородская партконференция. Так что структура ташкентской парторганизации ко 2-ому с'езду представляла из себя организационно вполне сложившуюся законченную систему. Далее, было отмечено о проводящейся широкой просветительной работе. Имелась партдружина, проводились мобилизации на фронт.

Делегат 2-го с'езда т. Саликов.

Из Перовской (Кизыл-Орда) организации на с'езде было 3 представителя. Сорганизовалась она в первой половине 18-го года. Большая часть членов партии на фронте. К концу 18-го года в партии числилось около 400 человек: 200 русских и 200 из местных национальностей. Вступление в партию ограничено, дабы не засоряться. Сильная нужда в литературе на коренных языках. Левые эсеры пробовали сорганизоваться, но скоро распались. К ним вошли и бывшие жандармы.

сборнике Истпарта № 1 „Революция в Средней Азии" стр. 89—94. Что же касается данных, приводимых докладчиком от Пскента на 2-ом с'езде, то они в отношении состава парторганизации с вышеприведенными расходятся. Докладчик уверял, что сначала „партия состояла из 350 человек, теперь же она в 1100 человек".

*) Погиб во время январских событий 19 года.

№ 1622—2*

Казалинская организация была создана в июне 18 года. Левоэсеровская группа создалась позднее и скоро распалась. Партией была проведена отправка контр-революционных элементов на тыловые работы на фронт. В силу близости фронта, работать приходилось в весьма трудных условиях. К 2-ому с'езду имелись парт'ячейки на ст. Аральское Море и Камышлыбаше.

Туркестанская городская организация создалась в апреле 1918 года. Левые эсеры сорганизовались несколько раньше. К ним записывались из-за „ненависти к большевикам". Левоэсеровская организация количественно превосходила большевистскую весьма значительно.

Аулиэ-Атинская организация сложилась в августе 1918 года. Киргиз в партии к концу 18 года было уже около 1000 человек. Левоэсеровская организация ведет против большевиков травлю, провоцирует. Так, один из левоэсеровских инструкторов в своей агитации говорил о том, что „большевики, дескать, грабители, что они будут делить всех женщин и т. д.".

Докладчик из Пишпека характеристики партийной организации не дал. Он остановился только на одном вопросе—на прошедшем слиянии левоэсеровской организации с большевистской*), результатом чего явилось засорение партии совершенно чуждыми элементами. Непринятые в партию эсеры ведут в кулаческих селах контр-революционную работу—„начинают организовывать свои штабы и захватывать в свои руки власть".

Первая большевистская подпольная группа в Алма-Ата создалась в начале января 1918 года. Легализировалась она в начале марта. Пишпекская партгруппа организовалась также в марте. Ячейки в других городах области появились гораздо позднее: Гавриловская—в августе 18 года, Каракольская—в июле, Джаркентская—в декабре.

Центральной руководящей организацией была Алма-Атинская. В августе 18 года в ней насчитывалось 189 чел., из них из корренного населения 14 человек. В декабре в целом ряде сел Алма-Атинского уезда сорганизовались ячейки: Чимган—22 чел., Восточное—20 чел., Валаамское—88, Алексеевское—6, Анатольевское—3 и Купластовское—91 человек. Тогда же в Алма-Ата организовалась первая ячейка большевиков 70 человек из местного населения. Первые сельские и аульные ячейки в Пишпекском уезде организовались еще в середине 18 года**).

*) Это слияние произошло нл с'езде в г. Верном 31 окт. 18 г.

**) Эти данные о Семиречье взяты из работы т. Трофимова „Из истории компартии в Джетысу" („Ком. Мысль" № 3, стр. 271—298).

Чарджуйская партийная организация создалась в декабре 1918 года. К 2-ому Туркестанскому партс'езду в ней было около 100 человек, а затем она возросла до 200. Но в связи с мобилизацией на фронт часть из партии вышла. И ко 2-ому с'езду в организации числилось только 130 человек. Имелась партийная дружина. Эсеровская партия имела около 400 человек. В ней „преобладало офицерство, купечество, кулаки". В совете за эсерами было большинство, но в исполкоме преобладали большевики.

Представители парторганизаций Закаспия на 2-ом с'езде не присутствовали. Закаспий в это время был отрезан от Ташкента белогвардейской авантюрой.

В заключении попытаемся осветить количественный состав организации Туркестана ко 2-ому с'езду. За 6 месяцев, прошедших между 1-ым и 2-ым краевыми с'ездами, большевистские организации края возросли огромно, как по числу своих членов, так и по числу организаций и коллективов (ячеек). Примеры: Самаркандская (город и уезд)с 500 человек до 1.500, Кокандская с 200 до 550 человек, Ходжентская с 20 чел. до 2.000, Ташкентская с 250 до 2 тысяч и т. д.

Сделать точный подсчет членов партии ко 2-ому с'езду, к сожалению, нет возможности: иных материалов, кроме здесь публикуемых, в архивах не найдено. На основе имеющихся данных можно сделать подсчет только в самых грубых цифрах.

О количестве присутствующих на с'езде делегатов с решающими голосами мы имеем 2 цифры, записанные при голосовании двух различных резолюций: 154 и 180 человек. Норма же представительства на с'езде была в основном 1 делегат на 100 человек. Приняв число делегатов за 180, мы будем иметь по грубому подсчету состав краевой парторганизации в 16—18 тысяч человек.

Другой источник—мандаты делегатов—полностью не сохранились. В архиве имеются мандаты только на 106 человек. Кроме того, среди докладчиков с мест есть 10 делегатов, не перечисленных в этих 106 мандатах, и нет мандатов на Ташкентскую ново-городскую организацию, от которой на с'езде было 12 делегатов и 3 кандидата. Приняв все эти поправки, мы с полной уверенностью можем говорить о 125—130 делегатах мест, т.-е. о том что парторганизация края имела не менее 12—13 тысяч членов. Третий способ подсчетов по цифрам, сообщаемым как докладчиками на краевом с'езде, так и областных (ферганским и самаркандским) и по некоторым другим, и опубликованным в печати и архивным материалам. Этот последний подсчет дает такую картину: Кокандская область—4800—4900 человек, Самаркандская—ок.

5—6 тысяч человек, Сыр-Дарьинская область—3600—4000 чел. и Семиречье—500—600 человек. Всего же в среднем 14—15 тысяч человек.

Общий вывод из этих цифр: Туркестанская партийная организация в декабре 1918 года имела в своих рядах число членов в пределах между 13—18 тысяч человек. Дать более точные цифры на основе имевшихся в нашем распоряжении материалов не представляется возможным.

Остальные выводы итогового порядка на основе докладов с мест мы сделаем в дальнейшем, в связи с разбором соответствующих резолюций с'езда. Теперь же приступим к ознакомлению с решением с'езда и их анализу. Начнем с основного вопроса—оценки движущих сил революции. Известно, что по этому вопросу и в резолюциях 1-го с'езда и в речах его руководителей был проявлен уклон, в основе своей аналогичный троцкизму. Вместо тесного союза пролетариата с беднейшим крестьянством, с'езд говорил о крестьянстве как „временном попутчике" пролетариата. Пессимистической была у с'езда и оценка основной движущей силы революции—пролетариата. Так, в резолюции по текущему моменту говорилось что: „пора революционного под'ема сменилась обычным для всех революций моральным разложением части революционных масс" и что „отступление и маральное разложение, при успехе работы провокаторов, может повлечь за собою, как необходимое следствие, победу реакции*). А такая недооценка роли и пролетариата и крестьянства влекла за собой ставку только на международную революцию.

2-ой с'езд партии хотя целиком и полностью уклона 1-го с'езда в этом вопросе не ликвидировал, но значительный шаг вперед к ленинской оценке движущих сил революции сделал. По резолюции, принятой 2-ым с'ездом по текущему моменту. международная революция уже не является единственным выходом из переживаемой фазы революционной борьбы. „Задачей Российской Коммунистической Партии в такой тяжелый, ответственный для пролетариата и беднейшего крестьянства момент должно быть наиболее тесное классовое об'единение рабочих и крестьян, усиление советской власти, более широким об'единением истинно революционных элементов, поднятие производительности труда и увеличение живой военной силы".**) Здесь уже, как мы видим, был поставлен вопрос и о тесном союзе пролетариата и крестьянства. Формулировку роли союза пролетариата и беднейшего крестьянства мы находим

*) Все приведенные о 1-м с'езде выдержки взяты из моей статьи „1-й с'езд КПТ".

**) „Наша газета" № 278 от 31 дек. (резол. по докладу).

в статье Правдина (псевдоним Качуринера) „К с'езду партии", где говорится, что „только через беспощадную диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства возможно поражение контр-революции и воцарение коммунизма*). Таким образом, вопрос о союзе пролетариата и крестьянства и их роли в революции партией в период 2-го с'езда ставился уже правильно, по ленински. Но в теоретическом обосновании этого вопроса партия все еще грешила прежними ошибками. Тот же автор в цитированной выше статье, посвященной с'езду партии, признавая, „что наша партия до сих пор была партией, главным образом, пролетариата", и вела работу почти исключительно среди пролетариата, „что теперь партия расширила свой базис и стала партией городского и сельского пролетариата и деревенской бедноты", что „при существующих условиях мы можем за собой тащить не только мелкое безземельное крестьянство, но и то среднее, чьи наделы не весьма разнятся от нормы"—вместе с тем все еще считает, что такой шаг есть „вызванное об'ективными условиями отступление от партийной доктрины", шаг против теории. И далее, автор говорит о том, что основное в данный момент „это расширение революционного базиса и грядущая коалиция пролетариата с мелкой буржуазией на национальной почве защиты своего отечества". Ясно отсюда, что ленинской теории о роли в революции крестьянства автор статьи не понимал. Те же самые взгляды просвечивают и в резолюции с'езда „Об отношении к политическим партиям".**). И здесь крестьянство только „революционизированная иностранным вмешательством сила", но не больше, т.-е. те же по существу „временные попутчики".

Делегат 2-го с'езда т. И. Хмыров.

*) „Турк. коммунист" № 2 от 19 дек. 1918 г.
**) „Наша газета" № 278.

Придя на практике к правильному разграничению отношения к деревенскому бедняку, середняку и кулаку, партия теоретически этой разницы и ко 2-ому с'езду еще не осмыслила. Общий вывод по вопросу о движущих силах революции в постановке 2-го с'езда будет таков: пессимизм в отношении пролетариата партия изжила. Необходимость тесного союза пролетариата с деревенской беднотой и привлечение середняка партия практически осознала. Ставка только на международную революцию партией тоже была отброшена. Но прежний уклон в крестьянском вопросе еще частично остался: ленинской теории в крестьнском вопросе партия еще правильно поставить не смогла.

Перейдем к вопросу о том, как партия ставила и разрешала основную проблему колониальной революции—вопрос национальный. Туркестанские большевики в вопросе привлечения местного населения к партийному и советскому строительству значительный период времени стояли на ошибочной, антиленинской позиции: мы знаем, что комфракция 3-го С'езда Советов (в ноябре 17 года) считала, что „включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой власти считается неприемлемым". Недалеко ушла в этом вопросе и комфракция 4-го С'езда Советов (марта 18 года), декларировавшая, что „мы понимаем самоопределение народов, как самоопределение трудящихся" и что „говорить о проведении в жизнь автономии сейчас же, немедленно, нельзя". И только после опыта кокандского автономного движения и настойчивых указаний по этому вопросу со стороны Ленина и Сталина, вопрос об автономии Туркестана был поставлен и разрешен 5-ым С'ездом Советов (в апреле 18 года). А конституция Туркреспублики была утверждена позднее—на 6-ом С'езде Советов (акт 18 г.). Собравшийся в июне месяце 18 года 1-ый с'езд партии, принявший резолюции о „партийной работе среди мусульманского пролетариата", по сравнению с решениями 5-го С'езда Советов сделал значительный шаг вперед в практическом разрешении нацвопроса. Но, на ряду с этим, здесь же все еще сказывался ряд ошибок и уклонов. С'езд брал ставку только на „мусульманский пролетариат", игнорируя широкие дехканские массы. Далее, здесь же проявился правый уклон, выражающийся в так называемой кливлеевщине*), с одной стороны и в применении понятий „мусульманский пролетариат" и тюркский язык"—с другой. Но, несмотря на все ошибки, проявленные в разрешении нацвопроса, доклады с мест на 2-ом партс'езде показали, что симпатии полупролетарских и дехканских масс местного населения скло-

*) См. выше указанную мою статью „1-й с'езд КПТ".

няются на сторону компартии: уже в середине 18 года в парторганизациях имелось значительное количество членов из местного населения. А ко второму с'езду оно возросло огромно. За это говорят все приводимые докладчиками с мест данные. Так, по Коканду из 750 членов на местное население падает 250 чел. (33 %). Пскентская ячейка в 55 чел.—вся из местного населения. В Ташкенте на 700 русских—900 из местного населения. Ходжентская организация, возросшая за 6 месяцев с 20 человек до 1000, увеличилась, главным образом, за счет кишлака. В Андижане старо-городская организация также была в подавляющем своем составе местного населения. Самаркандская парторганизация имела 3500 человек русских и „огромное количество мусульман". В аулиэ-атинской организации состояло около 1000 человек киргиз. В Алма-Ата имелась парт'ячейка в 70 человек исключительно из местных национальностей. И можно с полной ответственностью утверждать, что к 2-ому с'езду в партии из местных национальностей было около 40—50%.

Кроме того, мы имели группы местного населения, близко стоящие к партии, называемые в докладах с мест „сочувствующими" и „идущими за партией". Так, в Самарканде имелось „сочувствующих" 1500 человек в городе и „преобладающее количество в 26 волостях". В Коканде вокруг партии имелось около 10 тысяч человек также из местных национальностей. В старом городе Ташкенте в июне имелась группа „идущих за партией" в 125 человек. Все эти цифры красноречиво показывают, что во вторую половину 18 года, несмотря на чрезвычайно тяжелое в крае экономическое положение и обстановку фронтов, со стороны коренного населения шла стихийная тяга к партии. Вокруг нее начинали концентрироваться значительные массы местного населения: дехканства, батрачества и мелких городских ремесленников, стоящих на стороне проводимых партией мероприятий.

Симпатии трудящихся масс местного населения, несмотря на целый ряд неблагоприятных причин, определенно складывались на сторону партии.

„Со стороны масс росло стихийное движение увязаться с обще-революционным движением"*). Колоссальный размах Российской Октябрьской революции имел огромное влияние на усиление классового расслоения в среде местных национальностей. И хотя этот процесс сильно тормозился и националистической агитацией буржуазной интеллигенции и деятельностью „улемистов", но все эти факторы, вместе взятые, пробуждающегося классового сознания широких трудящихся

*) Ходжанов „К 10-летию автономии Туркестана".

масс приостановить не могли. Разгром кокандского буржуазно-автономистского движения, провозглашение советской автономии края, ряд мероприятий Октября, подрывающих мощь русской, а вместе с ней и местной буржуазии и полоса обостренной внешней и внутренней борьбы в крае в 1918 году— вот комплекс факторов, на опыте которых местные полупролетарские и широкие дехканские массы все более начинали высвобождаться из-под влияния и духовенства, и своей собственной буржуазии. Но, понятно, процесс этот, протекающий в чрезвычайно сложных противоречных условиях, гладко проходить не мог. И причиной этого была не только политическая отсталость и неорганизованность коренных трудовых масс, не только сила влияния буржуазии и духовенства, но и отсутствие надлежащей смычки со стороны российского пролетариата. Русское господствующее в крае до революции колониальное чиновничество и всех сортов колониальная буржуазия, отстраненная Октябрьской революцией от власти и эксплоатации края и раздавленная в кокандском движении, начинает присасываться к советскому строю и разного рода „социалистическим" партиям, неся вместе с собой идеологию великорусского и великодержавного шовинизма и колонизаторского пренебрежения к местному населению. Влияние великодержавного национализма не могло не сказываться и на сравнительно тонкой в крае рабочей европейской прослойке, а отсюда и на парторганизации.

Своеобразное положение в революции семиреченского и отчасти ферганского русского крестьянина-переселенца также не способствовало сближению в революции русского и коренного населения. Помогая советской власти бороться с казачеством и анненковщиной, русский крестьянин-семирек одновременно с этим вел политику грабежа местного населения старался захватить у него все новые и новые земли.

На почве пережитков тех же старых колониальных противоречий мы имели целый ряд других фактов, отталкивающих население от соввласти и партии. Ряд случаев грабежа местного населения в Семиречьи отрядами Мураева и Павлова, действия партии дашнаков во время подавления кокандской автономии; ряд безобразий, допущенных в Фергане во время борьбы с басмачеством некоторыми красноармейскими отрядами—вот факты, сыгравшие на некоторый период весьма отрицательную роль. В комплексе обрисованных выше противоречий нужно искать и причину того, почему партия так долго не могла найти правильного пути к сближению с местным населением. Влияние великодержавного национализма, с одной стороны, и слабость партии и европейского рабочего класса

в Туркестане—с другой—питательные источники и отрицательного отношения к дехканству, боязнь его и недоверие в силу рабочего класса и ставка на мировую только революцию и теория самоопределения только для местного пролетариата. Но опыт усиливающейся внутренней и внешней борьбы приводил и партию и рабочий класс к необходимости итти против сложившейся теории, итти по линии широкого привлечения к сотрудничеству в советском и партийном строительстве местных трудящихся масс.

Делегат 2-го с'езда т. Фотеев.

Какие же сдвиги в этом направлении были сделаны 2-ым с'ездом?

Мы уже видели, что вопрос о крестьянстве, а следовательно, и дехканских массах, с'езд начинал ставить значительно правильнее, чем это было на 1-ом с'езде. Но вопрос о самоопределении здесь все еще понимается своеобразно: как самоопределение только пролетариата и кишлачной бедноты. В резолюции „О проведении в жизнь § 64 Всероссийской Конституции“*) С'езд категорически высказался против предоставления всем без исключения гражданам, не эксплоатирующим чужого труда, права выборов в Туркреспублике. Считая, что „такой опыт может навлечь на себя неисчислимые бедствия для рабочего класса и кишлачной бедноты“, с'езд „считал возможным допущение в исполнительные органы советов исключительно лиц, стоящих на платформе советской власти“. Вполне понятно, что это постановление, хотя и мотивированное наличием борьбы на фронтах, частыми восстаниями контрреволюции в Фергане и Семиречьи и огромнейшей работой темных сил в столице края“, в существе своем вытекало из неправильной постановки и понимания национального вопроса. Оно было направлено к весьма ограничительному привлечению в советы местного населения. Эту же тенденцию мы видим и в передовице „Турк. Коммун.“ за 16 декабря, писавшей: „одним из важнейших вопросов, подлежащих освещению на с'езде партии, является вопрос о

*) „Наша Газета“ № 278 от 31 дек. 1918 г.

классовом воспитании, особенно среди мусульман... Особенно этот вопрос ставится остро в мусульманской среде, где, за отсутствием городского пролетариата, являющегося всегда и всюду вождем революции, тяжесть борьбы за свободу лежит на плечах сельского пролетариата, более оппортунистического, неуверенного и менее сознательного. Мы, марксисты, знаем цену революционности так называемой бедноты. Это пылкий энтузиазм постольку, поскольку это необходимо для его благополучия в данный момент, все сверх этого ему чуждо. *Создать хотя бы небольшое, но качественно сильное ядро из местного населения, вот такова задача компартии"* (*курсив наш П. А.*). Те же пессимистические нотки в отношении кишлачной бедноты, как революционной силы, те же ограничительные тенденции в отношении широких дехканских масс проявляются и еще в одном документе партии. В принятой новым ЦЕКА в заседании своем от 9 января 19 года, разработанной собранием фракции всех советских учреждений резолюции по вопросу создания Совета Обороны, говорится: „В силу того, что пролетарская масса Туркестана, благодаря своей национальной пестроте, с одной стороны, и малосознательности большей части мусульманской бедноты—с другой, не представляет из себя того органически целого базиса, на который можно было бы опираться и посредством которого можно было бы осуществить здравую революционную диктатуру, в силу этих обстоятельств собрание.... высказывается против таковой"*) (т.-е. создания Совета Обороны). Вывод из всех цитированных документов один. Взяв ставку на кишлачный полупролетариат и дехканскую бедноту и сделав этим шаг вперед по пути разрешения нац. вопроса, с'езд своим ограничительным пониманием самоопределения трудящихся коренных национальностей вывести нацвопрос на широкий путь его разрешения не смог. Характерно, что понимая противоречивость такой постановки вопроса, отдельные члены организации пробовали искать союзников, полупролетарским и бедняцко-дехканским массам в местной интеллигенции. Так, уже в цитируемой выше передовице „К с'езду," мы читаем: „Мусульманская интеллигенция в этом смысле (т.-е. в смысле создания среди местного населения ядра, на которое бы партия могла опереться—П. А.) представляет хороший материал. Она не настроена к советской власти враждебно, как российская так называемая трудовая интеллигенция, ибо она не испорчена в достаточной степени насквозь прогнившим буржуазным строем. В ней советская власть и компартия

*) Архив Испарта Средазбюро ЦК ВКП(б), ф. II, д. № 18, прот. № 3/7 засед. коммун всех фракций Ташкента от 9 янв. 1919 г.

должны получить весьма надежного сотрудника". Правда, такая народническая теория своего отражения в решениях с'езда не нашла, но в дальнейшей жизни партии аналогичные взгляды некоторую роль сыграли.

Что же касается конкретных мероприятий с'езда в нацполитике, то они в первую очередь шли по линии усиления „работы в направлении классового воспитания трудящихся масс вообще и в особенности—мусульманских". Они сводятся к усилению издательской деятельности на местных языках и созданию из местного же населения института агитаторов. На ряду с этим с'ездом был принят следующий, чрезвычайно существенный пункт резолюции": „В особенности должно быть обращено внимание на приобщение мусульман к повседневной работе, для чего необходимо давать им опытных помощников, приучать их к административным, хозяйственным и иным должностям" *). Как отсюда видим, партийная конкретная, повседневная практика толкала партию к более правильным мероприятиям в нац. вопросе, чем это сказывалось в теоретических установках партии. Теория отставала, а практическая деятельность толкала партию к ленинским установкам. Таковы решения 2-го с'езда по национальному вопросу.

Перейдем к разбору, стоящего в повестке дня первым пунктом вопроса о Тоболине, возглавлявшем группу так называемых „старых коммунистов". Вопрос этот с'ездом разбирался пять дней. История этой группировки в дос'ездовский период такова. Первые признаки наростающего конфликта между Тоболиным, возглавлявшим и высший партийный и советский органы края (председатель ЦИК'а и ЦЕКА партии) и группой товарищей, возглавлявших ташкентскую организацию, начали заметно проявляться со времени прибытия из центра ряда партийных работников: Качуринера, Мартынова, бр. Равдиных и ряда других. Конфликт начался по вопросу об отношении к рабочим массам и работе среди них. Т. Финкельштейн в своей статье „О прошлом" **) так характеризует новый курс партийной работы: „Внутри ташкентской организации сколачивается выдержанное большевистское ядро. Партия начинает подтягиваться. Она впервые ставит вопрос о разграничении партийно-советских функции, о внутрипартийной работе, о работе в массах". Усиливающаяся на этой почве требовательность к отдельным партийцам и в частности к самому Тоболину и предсовнаркома Колесову вызвали

*) Резол. с'езда „о партработе в центре и на местах" в деле Истпарт „2-й с'езд РКП в Турк.".

**) Ст. в журнале „За партию" № 1(5) за янв. 1928 г., стр. 87—90.

с их стороны резкий отпор. Тоболин заявляет: „Революцию в Туркестане делал я, большевиками вас сделал я и не обязан вам подчиняться". А на предложение организации Колесову отчитаться в своей работе, этот последний заявил: „Я вам не обязан, я выбран краем". Дальнейшим следствием начавшегося конфликта был выход Тоболина из ЦЕКА и отзыв Колесова с работы в Совнаркоме. Свой выход из ЦЕКА Тоболин письмом на имя этого ЦЕКА мотивирует следующим образом: „Принимая во внимание неправильную тактику ЦЕКА партии по отношению к левому ее крылу, и отмечая сильное влияние оппортунизма в Центральном Комитете, я старый член ЦЕКА, избранный общереспубликанским с'ездом, не нахожу возможным оставаться в рядах ЦК, впредь до с'езда партии, который должен, избрав соответствующий состав своего центра, указать ему истинный путь революционного социализма, а настоящим довожу до сведения о выходе из состава ЦЕКА" *).

Вопрос о выходе Тоболина из ЦК обсуждался по инициативе ташкентской организации на комфракции VI Чрезвычайного С'езда Советов Туркреспублики (в середине октября). Тоболин здесь в своем выступлении заявил, что он не останется во фракции до тех пор, пока там будут присутствовать те члены ташкентской организации, против которых он выступает. После этого „фракция решила за невозможностью разобраться в деле" поручить всесторонне выяснить этот вопрос врем. ЦЕКА.

Эта же фракция, выделившая временное ЦЕКА, в виду распада избранного на 1-ом с'езде, предложила ему созвать в ближайшее время 2-ой краевой с'езд.

После VI С'езда Советов Тоболин „выдвинул против организации обвинение в том, что она засорена, что в ее рядах работают агенты бывшего охранного отделения, вышел из партии и опубликовал заявление о новой организации „старых коммунистов" в новой редактируемой им газете „Коммунист". А вслед за этим сторонниками Тоболина публикуется такое заявление: „Ознакомившись с письмом, помещенным в № 47 (от 28 ноября П. А.) газеты „Коммунист", мы, нижеподписавшиеся, не находим возможным оставаться в числе членов ташкентской организации коммунистов-большевиков, о чем доводим до сведения" **). И далее идут подписи 16 человек. И развернутые Тоболиным в „Коммунисте" резкие нападки против партии, и шаги по организации новой партии

*) Показ. Солькина по делу „Стар. Ком.", арх Ср.-Аз. БЦВКП, д. № 54, л. 13).

**) Там же.

(в „Коммунисте“ 1 декабря появилось об‘явление о собрании „старых коммунистов“), заставило временный ЦЕКА газету „Коммунист“ закрыть и в заседании от 4/XII вынести следующее постановление: „1) Не признавать таковую (группу „старых коммунистов“ П. А.), как возникшую явочным порядком, при существовании надлежащих организаций партии, при том еще в уродливой форме—при участии не имеющих никакого отношения к партии элементов. 2) Членам партий предложить не входить ни в какие сношения с вышеуказанной организацией. 3) Всем вошедшим в вышеуказанную организацию членам партии предложить в 3-хдневный срок выйти из таковой, после чего, если эти члены не заявят о выходе, исключаются из партии. 4) Принять все меры предотвращения дальнейшего разложения в партии вообще и в Ташкенте, в частности“ *).

В этот же день Тоболин, явившись в Белый Дом к Малкову, заявил, что он, как руководитель группы „старых коммунистов“, не желает подчиняться закрытию газеты „Коммунист“, что, несмотря ни на что, газета будет выходить. Что он также не подчинится запрещению выезда Колесова в Самарканд, и что поезд для этой поездки будет взят с бою с помощью 27 молодцов. „А если ЦЕКА будет также преследовать группу, то она примет все меры, обладая для отпора необходимой силой“ **).

5 декабря члены группы Гущин и Петров явились на фронтовой с‘езд Красной армии и, назвавшись представителями новой партии „старых коммунистов“ и пред‘явив ряд обвинений ЦЕКА и ЦИК‘у, начали грозить, что в случае неудовлетворения их требований „откроется новый фронт“. В ответ на это с‘езд постановил об аресте руководителей группы и пожелание—о создании следственной комиссии по их вопросу. При аресте Тоболина и Костюка в квартире Зелетдинова все трое оказались вооруженными револьверами и бомбами и, став в позу обороняющихся, категорически отказались сдать оружие, угрожая пустить его против арестовывающих их. Для ареста пришлось применять силу. Сообщив, что Колесов выехал в Фергану, Тоболин заявил: „Завтра явятся войска из Самарканда“ ***).

В дальнейшем, в своих показаниях „Особой следственной комиссии“ Тоболин следующим образом мотивировал свои действия: „Из ташкентской организации коммунистов я вы-

*) Дело № 54. „О стар. коммунистах“, архив испарта Средазбюро ЦК ВКП (б).
**) Там же.
***) Протокол № 1 Особ. Следств. Комисс. от 1 дек. № 2.

шел не по идейным соображениям, а потому, что в среде ее находились определенные провокаторы, разложившие и засорившие ряды партии настолько, что борьба с ними внутри организации стала бесполезной". И далее. „В ташкентской организации я не доверял и не доверяю: Пашко, Самброс (жена Пашко), супругам Качуринер, Троицкому, Рахмилевичу, Муравьеву и многим другим неизвестным мне лицам, появившимся со стороны Оренбурга". „Цель организации нашей—возвращение к работе в массах, организацию масс, наш лозунг в массы и работа через массы". „Наша цель—разложить существующую организацию, привлечь из них лучшие элементы, а темные элементы откинуть и, таким образом, создать единую мощную коммунистическую организацию"*).

Такова платформа, выдвинутая Тоболиным в его показаниях Особой следственной комиссии и затем разбираемая на 2-ом краевом с'езде партии. После пятидневного разбора этого вопроса с'езд большинством 108 голосов при 38 против и 8 воздержавшихся, вынес следующую резолюцию: С'езд признает:

1. Что принципиально идейных расхождений между группой так называемых „старых коммунистов" с ташкентской организацией никаких нет.

2. Что выход группы „старых комунистов" из ташкентской организации, не обоснованный никакими идейными принципами или тактического характера расхождениями, недопустим с точки зрения партийной дисциплины.

3. Что об'яснения руководителя группы „старых коммунистов" тов. Тоболина относительно выхода из ташкентской организации: а) по причине загрязнения рядов ташкентской организации темным и авантюристическим элементом и б) соглашательской политикой ЦК партии—не выдерживает никакой критики.

4. Борьба с временным ЦК партии ташкентской организации, производимая вне партии, недопустима.

Принимая все вышеизложенное, С'езд постановил: предложить группе т. наз. „старых коммунистов" строго подчиниться партийной дисциплине, войти в какую-либо существующую Рос. Коммунист. Партию в Туркестанской республике, бороться с замечаемыми недостатками только внутри партии и работать в этих организациях под контролем ЦЕКА партии. В случае отказа подчиниться сему постановлению члены группы так называемых „старых коммунистов" исключаются

*) Дело № 54 Особ. следств. комиссии.

из Туркестанской организации российск. коммун. партии со всеми вытекающими отсюда последствиями" *).

Таким образом, с'езд строго осудил группировку и предложил ей подчиниться воле партии.

В чем же причины этой группировки, внесшей на некоторый период в жизнь организации острую внутрипартийную борьбу и этим отвлекшую партию от ее сложнейших задач по борьбе с внутренней и внешней контр-революцией?

Делегат 2-го с'езда т. Солькин.

Группировка „старых коммунистов" в своей принципиальной основе есть продолжение тех же уклонов, которые проявились в речах руководителей 1-го с'езда партии и его резолюциях, как своеобразное сочетание троцкизма с левобухаринством. Недооценка роли крестьянских, а следовательно и дехканских масс (только „временные попутчики"), пессимистические нотки в отношении пролетарских масс и ставка только на международную революцию—вот сущность проявленного на 1-ом с'езде уклона. Раз „пора революционного под'ема масс сменилась обычным для всех революций моральным разложением революционных масс" и „отступление и моральное разложение рабочих при успехе работы провокаторов может повлечь за собой, как необходимое следствие, победу реакции" то обязанность туркестанских „вождей", не считаясь с этими массами, итти собственным путем до тех пор, пока не наступит международная революция. Заявление Тоболина о том, что партия совершенно засорена, что в ее среде находятся провокаторы, и что существующую парторганизацию нужно разложить и создать новую партию, целиком и полностью вытекает из приведенной выше установки 1-го с'езда. Таков теоретический путь тоболинско-колесовской группировки**). А теперь перейдем к другому ряду причин, толкав-

*) Архив истпарта Средазбюро ЦКВКП. Дело 2-го с'езда РКП в Туркестане.

**) Характерно также и то, что „старые коммунисты" брали ставку на организацию единого фронта с левыми эсерами. Так, левый эсер Нагайбаков в своем выступлении на 8-м краевом с'езде левых эсеров (в марте 1918 г.)

ших Тоболина и Колесова к разрыву с парторганизацией. Тоболин и Колесов, выдвинувшиеся с началом Октябрьской революции на передовые руководящие партийные и советские посты и принявшие активное участие в создании партии и советов в условиях отсутствия руководства сверху (отдаленность и отрыв от центра) и слабости контроля снизу (слабость рабочей прослойки, ее распыленность и молодость и слабость парторганизации вообще), переоценили свою роль вождей и этим оторвались от масс. А массы росли, воспитывались опытом революции, становились требовательнее, начинали все яснее и четче осознавать свою роль. Поэтому оторвавшиеся от массы общепризнанные ранее „вожди" с таким высокомерно-презрительным тоном мечут стрелы по адресу тех „неизвестных им лиц, которые прибыли со стороны Оренбурга" и здесь в Ташкенте явились организаторами настроений масс. Не имея смелости сознаться в истиных причинах своего отхода от партии, они прикрывают его громкими левыми фразами о полной невозможности бороться внутри партии. Поистине сваливание с больной головы на здоровую. Методы антипартийной деятельности группы „старых коммунистов" имеют также много сходного с троцкизмом. Левая фраза при сугубо-правом мелкобуржуазном содержании, господство театрального жеста и, наконец, организация собственной партии. Но свое принципиальное расхождение с ташкентской организацией Тоболин и Колесов отрицали категорически и в письме на имя ЦЕКА и в показаниях следственной комиссии. Не уяснил этого принципиального расхождения и 2-ой с'езд, в одном из своих пунктов принятой резолюции о „старых комунистах" констатировавшей, что принципиальных расхождений с парторганизацией у группы нет никаких. Причина здесь в том, что и сам 2-ой с'езд целиком и полностью прежних уклонов еще не преодолел. Своими постановлениями с'езд эту группировку ликвидировал совершенно. Тоболин и все остальные члены группы всем решениям с'езда подчинились. Но дезорганизация, которую эта группировка внесла на время в ряды организации, отозвалась на сов-

---

об этом говорит следующее: "Мы помним, что одно время и коммунисты-большевики разделялись на новых и старых и новые коммунисты арестовывали старых. Старые коммунисты-большевики предлагали левым соц.-революц. захватить совместно некоторые правительственные учреждения, но левые соц.-рев. на это не пошли, хотя часть, раньше сбежавшая в большевики, и склонилась к этому". Отдельные указания на это же сближение мы можем найти в показаниях и протоколах по делу „о старых коммунистах". Такое сближение не случайно. И оно еще сильнее подчеркивает антипартийную сущность „старых коммунистов". Эта же сторона вопроса еще больше сближает группировку с левобухаринством.

власти и партии в Туркестане весьма болезненно. Внутренняя контр-революция умело использовала этот момент для подготовки январьского восстания.

Теперь посмотрим, как с'езд ставил и разрешал вопросы организационного порядка.

Сначала остановимся на социальном составе парторганизации конца 18 года. Понятно, что при разборе этого вопроса нельзя ставить на одну доску организации рабочих центров края с организациями кишлачного и деревенского типа. Такие городские парторганизации, как ташкентская, самаркандская, кокандская в своем так называемом европейском секторе уже в тот период были по своему социальному составу достаточно выдержанными. Рабочий состав в них был значителен. Несколько иного характера был состав старо-городских организаций указанных выше городов. Здесь значительное место занимали ремесленники и мелкая интеллигенция. Что же касается кишлачных и уездных парторганизаций, то здесь говорить о социально выдержанном составе того времени, когда организации росли стихийно, весьма трудно. И кишлачные, а кое-где и старо-городские организации зачастую вербовались методами Кливлеева—агитацией от корана. Наряду с этими были нередки случаи, когда в основу организации кишлачных и аульных ячеек клались совершенно антипартийные принципы родовых и племенных группировок. Не требует об'яснения также и тот факт, что при тогдашнем стихийном, почти что никем не регулируемом росте деревенских и кишлачных организаций, в них просачивались и кулацкие, и байские элементы, и лица из ранее господствующих колонизаторских группировок.

Учитывая такое загрязнение организаций чуждыми партии элементами, места сами уже с середины 18 года практиковали партчистки, подчас довольно основательные. Так, например, в Скобелеве из 243 чел. после чистки осталось в организации только 93 человека. По вопросу о чистке газета „Туркестанский Коммунист" в № 5 писала „Чистка партии—вот лозунг, который должен провозгласить с'езд партии, лозунг, который невольно напрашивается после докладов с мест, особенно глухих, заброшенных и забытых", ибо „настоящий момент напряженного революционного творчества прежде всего требует, чтобы во главе движения стояла крепко спаянная, дисциплинированная партия, сильная не количеством, а качеством своей революционной выдержки и дисциплинированности". Такая чистка в парторганизациях 2-м с'ездом была намечена. По линии большевизации партии, ее внутреннего укрепления, с'езд, не ограничиваясь только одной чист-

кой, наметил к проведению и ряд других, весьма важных мероприятий. Так, с'ездом был принят партийный устав, регламентирующий как прием в партию новых членов, так и обязанности каждого партийца. До этого с'езда прием в партию с обязательной рекомендацией двух членов производился только в наиболее крупных и крепких парторганизациях края. В кишлачных же этого правила не соблюдалось.

Принятый с'ездом устав предусматривал и единую организационную структуру для всех парторганизаций: ячейку, районную и уездную организации, областную и краевую и периодичность в них с'ездов и конференций. Такая структура существовала до с'езда только в Ташкенте, Самарканде, Скобелеве и некоторых других крупных организациях. В остальных она еще законченного вида не имела. В Ферганской и Самаркандской областях в октябре—декабре 18 г. создались областные партийные об'единения: состоялись первые областные с'езды, избравшие обкомы. В ряде городов в этот же период состоялись с'езды уездные. Ячейки (коллективы) существовали и в крупных центрах края и на предприятиях: копях, нефтепромыслах, хлопзаводах Ферганы, железнодорожных узлах.

Из других организационных вопросов необходимо остановиться на мероприятиях с'езда по усилению живой связи между парторганизациями. Докладчики с мест в один голос настаивали на введении инструкторского аппарата для обслуживания периферии: связи, помощи, инструктирования, обмена опыта. В резолюции о партийной работе в центре и на местах по вопросам связи мы имеем следующие формулировки. „Центр не должен быть громоздким по своему составу, дабы не задерживалась его работа, и должен иметь самую тесную связь с местами, для чего с'езд вменяет в обязанность всем секретарям организаций присылать регулярно все протоколы и вообще сведения, могущие интересовать центры партии". И далее: „Что-же касается работы на местах, то прежде всего должно признать необходимость централизации и контакта между отдельными организациями. На местах каждая организация должна строго придерживаться директив высшей партийной единицы (уездного, областного комитетов) без всяких ее партийных приемов *). Всеми этими постановлениями с'езд от периода так сказать кустарничества и стихийного творчества вел организации к стройной системе строгой централизации, крайне необходимой в этот чрезвычайно тяжелый и ответственный для партии момент. Весьма значительное внимание с'ездом было уделено и вопросу связи партии с массами

*) Дело. „2-й с'езд РКП в Туркестане".

и работе в профсоюзах. Отрыв верхов от масс, сигнализированный созданием организации „старых коммунистов", не мог не встревожить партии. Начатая ташкентской организацией борьба за истинно большевистскую линию связи партии с массами и усиления работы среди них, с'ездом была поддержана целиком и полностью. Пункт 8-й резолюции о „партийной работе", гласящий, что „ни один член партии, как бы ни был важен его пост, не может отказаться от исполнения партийных обязанностей, внесения членских взносов, посещения собраний (ответственности перед организацией и ее комитетом), был направлен именно против таких отрывов руководителей от масс. Наконец, целый ряд пунктов той же резолюции, говорящих о том, что „ЦЕКА партии должно осуществить самый бдительный контроль над работой правительства, требуя от руководителей отчета и ответственности перед собой", что „на местах должны быть избираемы комитеты партии по возможности не из лиц, занимающих ответственные посты" и, наконец, освобождение секретаря от всех обязанностей помимо партийных и более частое переизбрание лиц, избираемых на партийные и советские посты—все это сводилось к наибольшей гарантии партии и от разрыва с массами, от имеющего место смешения партийных и советских функций. А принятая с'ездом резолюция о работе профсоюзов говорила о необходимости максимального внимания со стороны партии массовой профсоюзной работе. При чем с'ездом подчеркивалась необходимость создания в профсоюзах комфракций, через которые и должно осуществляться партийное влияние.

Большое внимание с'езд уделил и вопросам агитационно-пропагандистской работы. Как мы уже видели, все докладчики с с мест жаловались на отсутствие достаточно политически грамотных работников, агитаторов и пропагандистов, литературы и газет. Оно и понятно. Партия быстро росла. Старых подготовленных кадров на местах не было. Лучшие силы партии шли на работу в центры и на пополнение красной армии. Притока партийных сил из центра России, в силу отрезанности Туркестана, также почти что не было; по той же причине не попадала в край партийная литература из центра. А для издания нужной литературы на местах не было ни нужных людей, ни печатных средств и в первую очередь бумаги. Понятно, что в этих условиях никакой систематической агитпроработы на местах не было. Более или менее сносно она начинала ставиться только в центре края—Ташкенте. Партийный с'езд уже в цитированной выше резолюции о „партийной работе в центре и на местах" наметил по это-

му вопросу целый ряд мероприятий. Там мы читаем: „Избранный с'ездом центр партии в Туркестане должен обратить внимание, главным образом, на агитационно-пропагандистскую работу". Конкретно эти мероприятия сводились к созданию с'ездов по подготовке агитаторов-пропагандистов, изданию партийной ежедневной газеты и литературы на русском и местных языках оригинальной и переводной. И в частности с'езд высказался за немедленно переиздание на ряде языков книги Бухарина „Программа большевиков".

Агитационно-пропагандистская работа, как справедливо отметил с'езд, должна была в дальнейшем занять у партии серьезнейшее место. Влившиеся в партию численно огромные новые кадры нужно было приобщить к большевистскому, ленинскому пониманию задач партии, задач пролетарской революции.

Наконец, несколько слов о военной подготовке парторганизации. По докладам с мест мы знаем, что во многих местах парторганизации представляли из себя вооруженные части, имели партийные дружины, несли караулы, принимали участие в подавлении басмачества, проводили мобилизацию в Красную армию в своих рядах. С'езд придал этим мероприятиям мест организованный характер, высказавшись, что „считая несомненно важным создание сильных военных кадров из партийных масс, с'езд высказывается за безусловное и обязательное военное обучение всех членов партии".

Наконец, остановимся на характеристике взаимоотношений компартии с левыми эсерами. Для этого прежде всего используем те данные, которые по этому вопросу были сообщены в докладах с мест. Если на 1-ом с'езде о борьбе с левыми эсерами делегаты с мест говорили сравнительно мало, то здесь, на втором с'езде, картина резко меняется. Подавляющее большинство докладчиков мест на этом вопросе заостряли свое внимание. Борьба с левыми эсерами велась буквально во всех организациях, при чем в ряде мест эсеры из советов были уже удалены. В процессе обостренной классовой борьбы левоэсеровская организация с каждым днем все сильнее и сильнее обнаруживала перед революционными массами свою истинную мелко-буржуазную сущность. И из партии, так или иначе, но сотрудничающей с большевиками, помогавшей строить советскую власть, начала превращаться не только в тормаз в колесах пролетарской революции, но усиленно проявлять тенденции к превращению в очаг неприкрытой контр-революции. Доминирующее значение в большинстве туркестанских городов мелкой буржуазии и кулацкого типа крестьянина переселенца и казака в русских поселках и

станицах края—вот питательная среда, на основе которой левоэсеровские организации в крае были довольно сильны и многочисленны.

Кроме того, в истории туркестанских левоэсеровских организаций, главным образом, периферийных—второстепенные города, поселки, станицы, кишлаки и мелкие ж. д. станции—имелась еще одна весьма существенная особенность, заключающаяся в том, что большинство организаций сложилось и оформилось в период весьма острой классовой борьбы в крае,—в начале и середине 1918 года. В силу этого обстоятельства в левоэсеровские организации, нередко создающиеся одновременно с большевистскими, шли все те, кто был против большевиков, или, как выразился один из делегатов с'езда, „кто ненавидел большевиков".

Делегат 2-го с'езда т. Ауляни.

В эсеровскую партию, наряду с наиболее отсталой частью рабочей и крестьянской массы, широкой волной шли купцы, торговцы, бывшие чиновники, офицерство, полицейские, кулачество. Оно понятно. Ведь иных легализованных партий, через которые можно было бы вести борьбу с советской властью, не существовало.

В подтверждениие высказанной мысли приведем несколько примеров. Делегат 2-го с'езда из Чарджуя—т. Микиртичев в своем докладе говорил: „Левых социалистов-революционеров (в Чарджуе. П. А.) много (около 400), но сорт их весьма подозрителен—бывшее офицерство, купечество, кулачество". Делегат из Ходжента в своем выступлении говорит: „Наша партия не могла итти рука об руку с партией левых эсеров, в которую постаралось налезть чиновничество, офицерство, крупные и средние собственники всевозможных предприятий и т. д." Представитель туркестанской городской организации т. Зиновьев: „До тех пор (до апреля 1918 года в г. Туркестане. П. А.) были только левые эсеры, но такие, что кричали все больше об учредилке. В партию у них входили все те элементы, которые бежали из Ташкента и других

крупных центров... Публика записывалась в их партию не из-за принципов, а единственно из ненависти к большевикам". Возьмем другой источник, не с'ездовский. В статье „Революция в кишлаке" мы имеем такую характеристику тов. Ниязова пскентских эсеров: „В большевистскую организацию сразу вступило 55 человек, а в эсеровскую около 800. В последнюю, наряду с дехканством, вошла вся кишлачная буржуазия, духовенство и старое чиновничество. В большевистской же ячейке хотя и оказалось несколько баев, но в основном она состояла из наиболее революционных элементов кишлака—середняка и бедноты". Джура Закиров в своем воспоминании „Ходжент в революции" пишет: „В феврале и марте здесь (в Ходженте в 1918 г. П. А.) организовалась партия левых эсеров и подавляющее большинство местного населения (в том числе баи, манапы и бывшие чиновники) входят туда". Возьмем еще одно свидетельство. Тов. Трофимов в своей статье: „Из прошлого компартии Джетысу" пишет: „Ячейки социалистов-революционеров (вернее группы враждебно настроенных против большевиков обывателей, зажиточных крестьян и интеллигентов) стали расти в области, как грибы после дождя". И таких фактов, характеризующих, главным образом, периферийные эсеровские организации 18 года, можно было бы привести еще много.

Несколько иной состав левых эсеров мы имеем в тех наиболее крупных городах края, где имелись пролетарские кадры и где эти организации сложились в сравнительно более ранний период. Здесь в левоэсеровские организации входила значительная масса еще недостаточно классово осознавших себя рабочих. Наиболее ярким примером здесь являлся Ташкент, где в Среднеазиатских, например, мастерских левых эсеров из рабочих в 18 году было значительно больше, чем большевиков.

А теперь посмотрим, как квалифицировано отношение к левоэсеровской организации 2-ым партс'ездом. В резолюции „Об отношении к политическим партиям" мы по этому вопросу имеем следующее: „Что касается советской партии левых социалистов-революционеров, то, констатируя, что она до сих пор является попутчиком коммунистической партии, приходится сейчас с тревогой отметить, что она переживает трагедию своей бабушки—„Всероссийской партии соц.-революционеров (не левых), которая пополнялась и увеличивалась до тех пор, пока не обратилась в организацию контрреволюционную. „Учитывая такое положение вещей, партийный с'езд высказывается за самую широкую, идейную борьбу против тех элементов, которые, спекулируя на... (нераз-

борчивое слово. П. А.) левых социалистов, об'единяют вокруг себя все относящееся недоброжелательно к большевизму, а следовательно и к идее советской власти. „Учитывая неустойчивость тактики партии социал-революционеров (левых), а равно их безответственную оппозицию, которой они придерживаются ныне, уйдя из правительства, партийный с'езд высказывается за ограничительный допуск лев. соц.-революционеров на ответственные исполнительные посты в советах."

„Принимая во внимание стремление левых соц.-революционеров опереться на Красную армию, как вооруженную силу, с'езд высказывается за безусловную необходимость заполнения рядов Красной армии своими лучшими силами, дабы не сделать ее слепым орудием политической партии или, что еще хуже, ее некоторых бонапартистски настроенных представителей, находящихся на ответственных постах в армии".

Из всех приведенных здесь данных и докладов с мест и с'ездовских резолюций вывод один: партия левых соц.-революционеров к концу 18 года и по своему составу и по проводимой ей линии все больше и больше себя дискредитировала и становилась силой явно контрреволюционной*).

Но, признав эту партию скатившейся в контр-революцию, с'езд от „ограничительного" участия ее в советах все-таки не отказался. Основная причина такой недостаточно решительной постановки вопроса несомненно в том, что в вооруженной силе Туркреспублики—в Красной армии—влияние эсеров было еще весьма значительно. Весьма характерно, что с'езд в своей резолюции упоминанием о том, что лев. эсеры стремятся опереться на армию, сделать ее своим слепым орудием в руках „бонапартистски настроенных представителей,—предугадал роль этой партии в будущих событиях—Январском восстании.

И глубоко неправ тов. И. Сольц, когда в своей статье „К истории КПТ" писал: „По существу никакой разницы между этими двумя советскими партиями (большевиками и левыми эсерами. П. А.) не было. Скорее, это были две группировки, боровшиеся за власть и в этой борьбе не стеснявшиеся совершенно в средствах". Бросить такую необоснованную фразу—значит ничего не понять в истории революции Туркестана и совершенно извратить тот путь, по которому здесь шел процесс большевизации компартии. Сольц, очевидно, не взял на себя труда продумать даже такого простого вопроса, как причина, почему же эта, равная коммунистиче-

*) „Наша газета" № 178 от 31 дек. 1918 г.

кой, эсеровская партия после январских событий быстро катилась в мусорный ящик истории.

Таково в основном состояние коммунистической организации в Туркестане ко 2-му партс'езду и наиважнейшие постановления с'езда по линии большевизации партии—по вопросам и организационного и идеологического укрепления ее рядов.

С'езд, продолжавшийся 11 дней, закончился 29 декабря вопросом избрания нового ЦЕКА в составе следующих 7 товарищей: 1) Ауляни, 2) Джурабаев, 3) Ермолов, 4) Нахматуллин, 5) Новицкий, 6) Солькин и 7) Шакиров.

Резюмируя кратко состояние парторганизаций края ко 2-ому с'езду и основные решения этого с'езда, мы приходим к следующим выводам:

Парторганизации края в период между первым и вторым с'ездами численно громадно выросли. Весьма незначительная в период первого с'езда партийная прослойка из местного населения к концу 18-го года составляла 40—50% всей парторганизации. Но такой стихийно быстрый, чрезвычайно слабо регулируемый рост партии в крае со слабыми пролетарскими кадрами, отсталым культурно и политически дехканством, при наличии приспособленческих тенденций со стороны ранее господствующих колонизаторских, чиновничьих и буржуазных группировок и националистических у буржуазии местной, давал возможность, особенно вне районов с рабочим составом мелких городах, кишлаках, аулах, поселках—проникать в партию чуждым для нее элементам, засоряющим ее ряды. Поэтому то с'езд в своих решениях и остановился на необходимости партчистки. При чем здесь еще раз нужно оговориться, что состав парторганизации крупных городов и рабочих центров края был рабочий по преимуществу.

Под влиянием, с одной стороны, стихийной тяги в партию и к советам полупролетарских и дехканских масс, а с другой—влияние на руководящие кадры партии центра (письмо и телеграмма Ленина и Сталина) и просачивающиеся сюда новые работники, а равно практики рев. борьбы, парторганизация края вынуждена была пойти „против собственной теории" на признание революционной роли за крестьянством, вообще, и дехканскими массами, в частности. И хотя 2-ой с'езд в своих резолюциях, в противовес первому с'езду, признает и теоретически революционную роль за крестьянскими и дехканскими массами, не отзывается пессимистически об основной движущей силе—пролетариате и не поддерживает ставки только на международную революцию, несмотря на все это, старая антиленинская теория на движущие силы ре-

волюции и национальный вопрос еще некоторое время остается господствовать в умах части состава парторганизации. А старые колонизаторские тенденции, великодержавный шовинизм, десятилетиями взращиваемый царизмом, еще длительный период просачиваются в партийные ряды и особенно в аппарат советской власти и этим не дают возможности правильно решать национальные взаимоотношения на практике. И если сюда еще добавить влияние на трудящиеся местные массы националистической пантюркистской и панисламистской интеллигенции, то картина всех дальнейших перепитий в разрешении нацвопроса, всех уклонов и правых и левых в этом вопросе будет понятна. Так называемая группа „старых коммунистов", занявшая у с'езда целых пять дней, в теоретической основе своей была наиболее ярким проявлением уклона от ленинской теории о движущих силах революции, отраженной в резолюциях Первого краевого парт-с'езда. Практически же эта группировка проявилась в том разрезе, который в силу целого ряда специфических местных условий революционного процесса произошел между небольшой группой оторвавшихся от партийной массы возглавлявших парт. и сов. организации края товарищей (Тоболин, Колесов) и ташкентской организацией, взявшей курс на поднятие партдисциплины и приближения к массам. С'ездом группировка старых коммунистов была признана антипартийной и строго осуждена.

Вопросы усиления связи с местами, поднятие партийной дисциплины, уставная регламентация партийной жизни—вот ряд вопросов, которыми с'езд также занимался и по которым вынес ряд постановлений, способствующих качественному усилению и укреплению парторганизаций края, способствующих большевизации ее рядов.

С'езд воочию показал также, что партия левых социалистов-революционеров из партии, сотрудничающей с большевиками скатилась и по своему составу, и по своим действиям в организацию, тормозящую революцию, и в силу этого с каждым днем все более и более теряющую влияние в массах. И хотя тяжелая политическая и экономическая обстановка края (голод, фронты, внутренняя контр-революция), не дала возможности сосредоточить партии достаточное внимание на проведении в жизнь всех принятых постановлений, несмотря на все это, с'езд свою положительную роль и в организационном и в идеологическом укреплении парторганизации сыграл. К истинно большевистскому, ленинскому пониманию задач и путей революции 2-ой с'езд стоял значительно ближе, чем 1-ый. В этом его основная заслуга.

ПЕРЕЧЕНЬ

использованных для работы материалов

I. Дела архива Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б): фонд 1; дела №№ 671, 873 и 1104; ф. 2-й: д. № 1, 5, и 19; фонд 4-й: д. № 54; фонд 6-й: д. № 227; фонд 8-й: д. № 2 и 3.

II. Печатные источники: Сафаров Г.—Колониальная революция. Федоров—К Истории КПТ. Финкильштейн—Январские события. Ее же—О прошлом. Трофимов Г.—Из истории компартии в Джетысу. Ходжанов—К десятилетию автономии Туркестана. Козловский—За красный Туркестан. Антропов П.—I-й С'езд КПТ. Сольц—К истории КПТ. Билик—Октябрь в Самарканде. Джура Закиров—Ходжент в революцию. Пэн—Революция в кишлаке.

III. Газеты: „Наша Газета“ и „Туркестанский Коммунист“ за 1918 год.

П. Алексеенков.

Кокандская автономия.

II.

Масштаб Кокандской автономии.

Кокандская автономия есть движение далеко не местное—кокандское или даже ферганское, это—общетуркестанское движение, охватившее собой его районы и втянувшее в себя всю туркестанскую буржуазию независимо от национальности, и на разных этапах своего развития присоединяющее к себе и некоторые другие слои населения Туркестана.

Рассмотрим отношение буржуазии разных районов Туркестана к этой Кокандской автономии.

Что это движение охватило собой не только Коканд, но и другие города Ферганской области, доказывает, например, то обстоятельство, что в состав правительства Кокандской автономии входил ряд крупнейших андижанских капиталистов. Андижанские адвокаты вместе с Ненсбергом принимали участие в разработке конституции Кокандской автономии, а андижанский биржевой маклер Тиц являлся виднейшим агитатором Кокандской автономии.

Что Наманган не был в стороне от Кокандской автономии, это видно из следующей резолюции намангайской буржуазии, помещенной в газете „Щит народа“ от 14 января 1918 года:

— „Общее собрание мусульман Намангана, осведомившись о занятии крепости насильственным образом рабочими вопреки распоряжению начальника гарнизона и о том, что рабочие разобрали находящееся в крепости оружие, и имея в виду, что вооружение рабочих неизбежно вызовет нежелательные последствия,—постановило: 1) Выразить протест против занятия крепости рабочими и их вооружения при наличии гарнизона и настаивать на том, чтобы немедленно очистили крепость и сдали гарнизону все взятое оружие. Если настоящее требование не будет удовлетворено, то ответственность за последствия возлагается на главарей—местных большевиков, и мусульмане будут считать, что рабочие вооружились против них. 2) Выразить пожелание, чтобы на посту начальника гарнизона оставался прапорщик Орбелов. 3) Предложить товарищам-рабочим возвратиться к мирной работе. Сообщая изложенное постановление, просим немедленно сделать соответствующее распоряжение“.

Председатель собрания *Акрамханов.*

Таким образом, мы видим, что ферганская буржуазия принимала в Кокандской автономии активное участие.

Но наиболее активную роль в деле подготовки Кокандской автономии и затем в работе по агитации за нее играла Ташкентская как национальная, так и русская буржуазия. Самая идея Кокандской автономии зародилась именно в Ташкенте. Для осуществления ее виднейшие ташкентские контр-революционеры специально для этого выехали в Коканд, а оставшаяся часть продолжала вести активнейшую агитацию за Кокандскую автономию и даже пыталась от агитации перейти к действию. Особенно ярко это проявилось во время демонстрации 13 декабря 1917 года в Ташкенте, когда ташкентская буржуазия, собрав многотысячную, недостаточно разбиравшуюся в происходивших событиях толпу, принимала все меры к тому, чтобы использовать ее в своих интересах для свержения советской власти.

В Самарканде также была развернута самая широкая агитация за Кокандскую автономию. И, пожалуй, здесь эта агитация национальной буржуазии имела наибольший успех. В Самарканде имелась полурабочая организация „Иттифак". Насколько широко и успешно была поставлена агитация в Самарканде, свидетельствует тот факт, что даже этот союз в решительные минуты заколебался и одно время выступил в качестве сторонника Кокандской автономии.

Не была в стороне от этого контрреволюционного движения и киргизская буржуазия и интеллигенция. Об этом свидетельствует следующая телеграмма представителей „краевого мусульманского" и „киргизского" советов, посланная из Самарканда и напечатанная в газете „Знамя Свободы" от 10 ноября 1917 года.

> „...Указанные организации насильственный захват власти Ташкентским Исполнительным Комитетом и Краевым Советом Рабочих и Солдатских депутатов считают узурпацией народной воли над мусульманским большинством края, считающим переход власти Советам, об'единяющим ничтожную кучку населения, недопустимым в условиях Туркестанского края".

Отмечая этим документом участие казак-киргизской буржуазии в подготовке к осуществлению Кокандской автономии, мы в то же время считаем необходимым отметить, что именно киргизский и казакский районы Туркестана были меньше всего втянуты в это движение.

Закаспийская область также не осталась в стороне от этого контр-революционного движения. Об этом свидетельствует т. Н. Захаров в своей статье „Из истории одного революционера", помещенной в № 12 сборника „Красная Летопись Туркестана". Он пишет:

— „Миллер приехал в Асхабад и имел связь с Кокандской автономией, о чем прямо или косвенно можно было заключить из его разговоров".

Что Миллер в Закаспийской области далеко не оставался в одиночестве, доказывает тот факт, что 26 декабря 1917 года общее собрание служащих военно-народного управления (организация чиновников губернаторской канцелярии) вынесло резолюцию, в которой оно признает Кокандскую автономию единственно законной властью.

Но почему же центром этого контрреволюционного движения стал Коканд, а не Ташкент, не Самарканд или какой-нибудь другой город тогдашнего Туркестана.

Понятно, что автономистское движение стремилось обосноваться в наиболее экономически сильном центре края. Возьмем Ташкент, но он был центром революционных сил края. Здесь был наиболее сильный и организованный пролетариат и революционные воинские части. Ташкент был центром победившей в октябре революции. Контрреволюционное движение здесь было обречено на верную неудачу.

Так, несмотря на все усилия буржуазии и буржуазной интеллигенции, несмотря на пущенную в ход контр-революционную агитацию, самую низкую клевету и ложь, несмотря на использование всех пружин, имевшихся в распоряжении буржуазии, сколько-нибудь серьезного контрреволюционного выступления в Ташкенте в день демонстрации 13 декабря создать ей все-таки и не удалось. Достаточно было из'ять главаря контр-революции Доррера, достаточно было кушкинскому красно-гвардейскому отряду дать один залп по толпе, как в головах ташкентской буржуазии испарился весь контрреволюционный угар, все планы буржуазии рассыпались и из широко задуманного выступления получился только контрреволюционный пшик.

Совершенно иначе обстояло дело в Коканде. Здесь были сосредоточены все главнейшие банки, через которые производились хлопковые операции. Эти банки в руках главарей контр-революции могли обратиться в великолепнейший „агитационный" аппарат. Коканд был центром наиболее экономически мощной для всего Туркестана области. Владея Кокандом, контр-революция рассчитывала владеть всей Ферганой и влиять на все остальные области Туркестанского края. Хотя Коканд являлся экономическим центром Ферганской области, он вовсе не являлся ее промышленным центром. Заводов и фабрик в Коканде было меньше, чем в каком нибудь другом крупном городе Туркестана. Следовательно, именно в Коканде главари контр-революции рассчитывали встретить наименьшее сопротивление со стороны пролетари-

ата. Кроме того, Коканд почти не имел своего гарнизона. Те несколько десятков солдат старой армии, которые еще не успели разойтись по домам и оставались в кокандской крепости, конечно, не могли считаться серьезным противником.

Буржуазия великолепно учитывала, что одна, без надежных союзников, она не может рассчитывать на успех. Поэтому она попыталась перетянуть на свою сторону дехканство. А чтобы среди дехкан иметь наибольший успех, она решила пойти на заключение союза с духовенством и вообще со всеми остатками старых феодальных слоев, в глазах которых Коканд, как столица старого Кокандского ханства, имел громадное значение. Вот причины, почему именно Коканд мог стать центром контр-революционного автономистского движения.

Участие русской буржуазии в Кокандской автономии.

Как до, так и после февраля русская буржуазия стремилась удержать Туркестан на положении колонии.

Чтобы не быть голословным, считаю полезным привести некоторые доказательства этого положения.

Наиболее характерна в этом отношении статья некоего К. Тимаева „Автономия Туркестана", помещенная в газете „Туркестанский курьер" от 15 апреля 1917 г. Статья эта написана под впечатлением специального совещания по этому вопросу, которое созывалось Туркестанским Комитетом и отражает в себе не только мнение самого автора, но и другие настроения, выявившиеся на этом совещании. Эти мнения автор статьи передает следующим образом:

— „По поводу устроенного на днях совещания из представителей разных политических партий для обсуждения вопроса об автономии Туркестана, мне в самых различных слоях населения пришлось услышать упреки, сводящиеся к одному мнению: бросьте подобного рода суждения и препирательства, ибо они теперь не по времени, т. к. главная задача переживаемого момента состоит совершенно в ином...

„Вопрос об автономии Туркестана не так прост, чтобы его можно было выяснить в 2—3 часа в заседании собрания, уполномоченного вынести свое решение. Он требует значительной затраты времени на предварительное обследование и изучение...

„Исключительное положение Туркестанского края... делает невозможным *введение в нем полной политической автономии*. (Курсив мой. П. А.).

„В этом, по крайней мере, соглашались представители всех партий на упомянутом мной совещании. Приходится в силу необходимости поступиться основными положениями программ наших политических партий".

И дальше:

„Подобных вопросов при обсуждении вопроса об автономии Тур-

кестана возникает много, и все они заставляют отнестись отрицательно к желательности построить теперь же жизнь свободного Туркестана на автономных политических началах.

„А Бухара и Хива?

„Деспотическое управление этими странами не может быть оставлено в силе. Дать и им автономию? Но что из этого получится?".

Таковы те мнения, которые автору этой статьи пришлось слышать на этом совещании и в связи с ним. Но каково же его собственное мнение по данному вопросу? На этот вопрос К. Тимаев отвечает следующим образом:

„В общем Туркестанский край представляет собой ярко выраженную колонию по отношению к России, которая является для нашего Туркестана метрополией. Говорить и писать об этом при прежнем строе управления запрещалось неизвестно по каким соображениям, вероятно, из опасения сепаратизма.

«*Как колония, Туркестан должен быть устроен в отношении самоуправления наподобие английских и французских колоний.* При этом нужно иметь в виду громадную разницу, которая безусловно наблюдается между культурным населением Канады и Австралии и туземным населением Туркестана, а также и количеством туземцев в сравнении с нашим Туркестаном". (Курсив мой. П. А.)

Здесь К. Тимаев, разделяя мнение своих старших братьев кадетов, во главе со Щепкиным, вполне членораздельно говорит о том, что Туркестан должен быть русской колонией и не такой, конечно, как Канада или Австралия, где население обладает высокой культурой и где много европейцев. До такого положения Туркестан, мол, еще не дорос, он должен занять, примерно, такое положение, в котором находятся английские и французские колонии в Азии или Африке.

На этот же счет имеется еще один чрезвычайно интересный документ. Это письмо присяжного поверенного И. Б. Чертова и Б. А. Ваксина на имя Керенского.

„...Крайне важно знать, какую политику вы будете поддерживать по отношению к Туркестанскому краю: федеративную или же колониальную.

„По нашему мнению, Туркестанский край должен быть русской колонией, хотя бы временно, ибо невозможно ожидать, чтобы мусульмане отрешились теперь же от религиозной, национальной и племенной нетерпимости. Если предоставить мусульманам при настоящих условиях возможность самоопределиться, то картина недалекого будущего рисуется нам в виде борьбы отдельных племен и родов за власть, что несомненно примет характер кровавой бойни, предотвратить и прекратить которую мусульмане не будут в состоянии без помощи извне".

Позиция меньшевиков в этом отношении в очень незначительной степени отличалась от позиции буржуазии и буржуазных партий.

Но вот произошла Октябрьская революция. И уже теперь русская буржуазия решительно меняет свою позицию по это-

му вопросу. Она вдруг на всех углах с пеной у рта стала кричать о необходимости автономии Туркестана.

Так, уже 12 ноября 1917 года в газете „Знамя свободы" помещается статья меньшевика Г. Павлюченко, в которой автор усиленно агитирует за автономию Туркестана. Там мы можем прочитать следующее:

> „Свобода, добытая после массы жертв и напряжений, должна одинаково распространяться на все народы и давать им возможность определить самим свою судьбу, устраивать свою жизнь.
>
> „Мы, европейцы, попавшие в Туркестан, где живут огромные массы азиатских народов, должны учитывать основной принцип демократии—самоопределение народов".

Примеров подобных агитационных выступлений меньшевиков и буржуазии, ратовавших за немедленную автономию Туркестана после Октября, можно было бы привести изрядное количество.

После того, как лозунг автономии Туркестана национальная буржуазия, во главе с Мустафой Чокаевым, подхватила и приступила к его осуществлению, русская буржуазия и русская буржуазная интеллигенция во главе с меньшевиками и социалистами-революционерами стали словом и делом помогать национальной буржуазии в ее борьбе за осуществление этой автономии.

Примеров такой активной помощи национальной буржуазии со стороны буржуазии русской и ее подголосков можно привести довольно много. Мы остановимся на нескольких, наиболее интересных фактах.

В Ташкенте часть русской буржуазии, офицерства, меньшевиков и эс-эров в первые дни после Октября скрывалась в старом городе. Там они строили всевозможные контр-революционные планы, вели контр-революционную агитацию и в том числе агитацию за автономию Туркестана. Неизвестно, кто является инициатором манифестации 13 декабря в Ташкенте—национальная или русская буржуазия,—но участие в подготовке этой манифестации со стороны русской буржуазии было весьма значительное. Особенно отличался в этом отношении офицер Ташкентской школы прапорщиков капитан Фролов.

Дальше, уже в день манифестации русская буржуазия и буржуазная интеллигенция тысячными толпами отправилась в старый город на митинг и там особенно решительно подзуживала население старого города своими выкриками по адресу присутствовавших на митинге народных комиссаров к активному выступлению.

Наконец, уже в новом городе, у сквера, именно провокационные речи русских контр-революционеров толкнули толпу

на выступление, при чем и в этом выступлении русские контр-революционеры были все время в первых рядах.

В непосредственной подготовке самой Кокандской автономии русская буржуазия также принимала активнейшее участие. Например, конституцию, принятую правительством Кокандской автономии, разрабатывал присяжный поверенный Нензберг, совместно с другими русскими юристами. Как только было сформировано правительство Кокандской автономии, на службу к нему поступило много русских офицеров. В качестве примера мы можем сослаться на Кожухова, который был инструктором в „армии" автономистов, а после того, как Иргаш арестовал военного министра полковника Чанышева, он был даже военным министром, правда, всего лишь одни сутки.

Особенно активное участие в Кокандской автономии приняла партия социалистов-революционеров.

Н. Захаров в статье „Из истории одного революционера", помещенной в сборнике „Красная летопись Туркестана" № 1—2, пишет следующее:

> — „Миллер (ташкентский эс-эр), как видно, руководил автономией. Он ловко вел с'езд. Щупал нас всех умелой рукой авантюриста. Я некоторым членам с'езда говорил, что Миллер сильно похож (и его жена) на американских авантюристов Нат Пинкертонов, что он хочет использовать с'езд, чтобы пройти в правительство. Миллер как-то боком, между прочим, поставил этот вопрос. Я резко выступил против вхождения. Рабочие (их из 18—20 членов с'езда было большинство) поддержали меня и Миллер отрекся, заявив, что он нарочно сказал это и т. д...
>
> ...Миллер приехал в Асхабад и имел связь с Кокандской автономией, о чем не прямо, а косвенно можно было заключить из его разговоров".

Но нам думается, что показание Н. Захарова не совсем верно, ибо у нас имеются сведения, что именно на том с'езде партии социалистов-революционеров, о котором он рассказывает, от партии социалистов-революционеров был дан официальный представитель в состав правительства Кокандской автономии.

В узбекской газете „Улуг Туркестан" от 19 января 1918 года имеется следующая корреспонденция из Коканда.

> „7—10 января в городе Коканде состоялся 2-й общий с'езд социал-революционеров всего Туркестана. На с'езде присутствовали представители из Коканда, Скобелева, Андижана, Мерва, Самарканда, Асхабада, Кизил-Арвата и нефтяных промыслов. *На с'езде единогласно постановили о присоединении к Туркестанской автономии, представителем на заседание Совета был выбран ИСКУМАРОВ.* (Курсив мой. П. А.).
>
> Нашли необходимым проводить выборы в Туркестанское учредительное собрание не позже 10 марта. Открытие учредительного

собрания было назначено 20 марта. Было постановлено выпускать в Коканде одну газету, как орган партии".

Таким образом, представитель партии социалистов-революционеров в правительство Кокандской автономии был дан и именно Искумаров. Самый созыв эсеровского с'езда не где-нибудь, а именно в Коканде, где в то время находилось правительство Кокандской автономии, нужно рассматривать, как факт стремления социалистов-революционеров установить организационную связь с Кокандской автономией.

Вот еще один документ, подтверждающий причастность партии социалистов-революционеров к Кокандской автономии. Это коротенькая записка ферганского областного комиссара с.-р. Маевского на имя члена правительства Кокандской автономии А. Уразаева.

„Многоуважаемый т. Уразаев.

Конечно, Вам понятно, как горячо я приветствую Вас и, вероятно, известно, что наша с.-р. фракция также, но почему Вы молчите? Позвоните хотя по телефону; не делаю этого сам, ибо не знаю, где Вы. Меня все еще не освобождают от моей проклятой службы, хотя чую, что час скоро пробьет, а пока мрачны виды. Привет всем.

Ваш Маевский.

16 декабря 1917 года.

О том, что русская интеллигенция в Туркестане наряду с русской буржуазией всемерно поддерживала Кокандскую автономию, говорит следующая резолюция Ташкентского учительского союза, принятая общим собранием 10 декабря 1917 года по вопросу об автономии Туркестана:

— „Признавая провозглашение Великой Российской Революцией право национальностей на самоопределение и принимая во внимание территориальную и культурную особенность Туркестанского края, Ташкентский Учительский Союз приветствует автономию Туркестана и считает необходимым немедленный созыв Туркестанского Учредительного Собрания для окончательного укрепления автономии в единении со Всероссийским Учредительным Собранием".

В своих воспоминаниях о Кокандской автономии т. Сазонов рассказывает о том, что Кокандский поп Багрянский передал правительству Кокандской автономии 60 рублей церковных денег на приобретение оружия, а когда правительство действительно приступило к формированию своих воинских частей, то кокандские власти временного правительства, сравнительно долго державшиеся после Октября, передали правительству Кокандской автономии 120 винтовок.

Но Кокандская автономия имела связь не только с русской туркестанской буржуазией, у нее была связь с русской контр-революцией внутри самой России.

Вот документ, который с полной ясностью устанавливает связь автономистов с генералом Дутовым.

„Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска. 30 декабря 1917 года.

Председателю военной секции при временном правительстве автономного Туркестана прапорщику Заведееву.

„Препровождая копию постановления своего от 29-го сего декабря, Войсковое правительство просит непосредственно снестись со следующими через Туркестанский край строевыми частями Оренбургского казачьего войска по вопросу о временной передаче этими частями имеющегося у них оружия в распоряжение временного правительства автономного Туркестана, в случае невозможности казачьим частям прибыть в войска неразоруженными войсками совета народных комиссаров Туркестанского края.

Войсковой атаман Дутов. Члены Войскового правительства: Репников, Шайгин, Анисимов, Мыдрин и Половников".

Чем же об'ясняется такой решительный поворот русской буржуазии в вопросе об автономии Туркестана?

Причиной такой решительной перемены в убеждениях русской буржуазии послужила Октябрьская революция, лишившая буржуазию и экономического и политического значения. Чтобы вернуть себе свои прежние позиции господствующего класса, буржуазия искала союзников. Одним из таких союзников российской буржуазии в данном случае могла явиться национальная туркестанская буржуазия.

Но всякий союзник требует уступок. И русская буржуазия вынуждена была пойти на значительные уступки национальной туркестанской бужуазии, на признание за последней права на автономию Туркестана. Такая уступка могла создать и действительно создала единый фронт двух национальных капиталистических классов для борьбы с их общим врагом—Советской властью.

Деятельность правительства Кокандской автономии.

Перед созданным IV чрезвычайным краевым мусульманским с'ездом временным правительством встала чрезвычайно трудная для него задача—завоевать симпатии дехканства и многочисленного слоя ремесленников.

Обстановка этому благоприятствовала. Благодаря вызванному войной экономическому кризису, завоз всевозможных товаров фабрично-заводского производства в Туркестан был совершенно ничтожен, а со времени выступления Дутова завоз вовсе прекратился, что привело к увеличению спроса на кустарные изделия и повышению на них цен. Все это временное правительство автономии могло и пыталось использовать в своих интересах.

Значительно труднее для временного правительства было перетянуть на свою сторону дехканство. В течение последних десятилетий дехканство в массе своей нищало, безземелье и парцелизация возросли до крайних пределов. Для того, чтобы сделать дехканство своей действительной опорой, нужно было реально облегчить бедственное положение кишлака.

Но такой мерой могла быть только земельная революция—передача земли в руки дехкана-землероба, на что временное правительство, защищавшее интересы своих хозяев, пойти, конечно, не могло. Единственная мера для завоевания дехканства, имевшаяся в распоряжении правительства Кокандской автономии, была голая агитация. Подкрепить ее действительно выгодной для дехканства экономической и особенно земельной политикой главари Кокандской автономии совершенно не могли.

Для агитации в широких трудовых массах коренного населения временное правительство использовало имевшиеся в кишлаках и городах местные интеллигентные силы и духовенство. Школы всех категорий, мечети, чайханы, базары и т. д. превратились в места, где энергично велась агитация сторонников Кокандской автономии.

Основными темами для агитации за Кокандскую автономию и против Советской власти были следующие моменты: 1) решительно надвигавшийся голод, 2) насилия и зверства большевиков, 3) безбожие большевиков и прочие связанные с ним ужасы, 4) большевистский империализм, 5) националистическая проповедь и т. д.

Голод в то время действительно надвигался на Туркестан. Но положительно все причины этого голода лежали вне воли Советской власти, а многие из них, например, восстание Дутова в Оренбурге, были направлены именно против Советской власти. Сторонники Кокандской автономии, конечно, замалчивали эти обстоятельства и всю вину за надвигавшийся голод пытались возложить на Советскую власть. Они говорили, что если бы не было в Ташкенте Советской власти, то можно было бы привезти хлеб из Оренбурга, и что, мол, атаман Дутов, который является сторонником Кокандской автономии, обещает прислать необходимый для Туркестана хлеб.

Буржуазия обвиняла большевиков в жестокости, зверствах, насилии. Клевета на Советскую власть, самая разнузданная ложь заполняли собой газеты того времени как русские, так и национальные.

Безбожие большевиков также пытались использовать против Советской власти. Особенно усердствовала в этом отно-

шении „улема“, видевшая в этом главную угрозу для своего существования. И нужно отметить, что именно этот момент сбивал с толку темные малограмотные ряды дехканства. Дехкане не имели земли, дехкане были окончательно разорены всей системой многолетней капиталистической эксплоатации. Большевики и Советская власть ставили перед собой задачу разрешить земельный вопрос и уничтожить капиталистическую эксплоатацию. Поэтому дехканство готово было пойти за большевиками. Но с другой стороны дехканство находилось под вековым организованным воздействием многочисленного духовенства.

Особенно упорно использовывалась сторонниками Кокандской автономии ошибка нашей партийной организации в национальном вопросе. Они на всех углах кричали, что большевики—империалисты что большевики проводят такую же колониальную политику, какую проводило царское правительство, что большевики хотят попрежнему превратить Туркестан в свою колонию.

С этим обстоятельством тесно связывалась националистическая агитация. Лозунг „Туркестан для туркестанцев“, всевозможные пантюркистские идеи пропагандировались самым настойчивым образом.

К этому нужно добавить, что для руководства агитационной работой руководителями Кокандской автономии были куплены и организованы три газеты: одна на русском языке („Свободный Туркестан“), другая на казак-киргизском и третья на узбекском языке („Эль-байрак“, что по-русски означает „Знамя“). Кроме того, к услугам автономистов была узбекская газета „Улуг Туркестан“ („Великий Туркестан“), а издававшаяся в Скобелеве газета „Знамя Свободы“ под флагом нейтралитета фактически обслуживала тоже автономистов.

Чувствуя, что трудовые массы коренного населения Туркестана—дехкане и ремесленники, несмотря на всю агитацию сторонников Кокандской автономии, далеко не на их стороне, главари Кокандской автономии решили созвать краевой с'езд рабочих и дехканских депутатов, который состоялся в первых числах января 1918 года.

Цель, которую правительство Кокандской автономии преследовало при созыве этого с'езда заключалась в том, чтобы:

1) продемонстрировать перед Советской властью симпатии к нему со стороны трудящихся слоев коренного населения и

2) создать такой орган, который был бы связующим звеном между правительством Кокандской автономии и трудящимися массами.

Существовавший в Фергане „Союз трудящихся мусульман“ уже несколько месяцев фактически был под запретом, так как контр-революционное мусульманское духовенство, с которым „Союз трудящихся мусульман“ во время выборов в местные органы самоуправления и в учредительное собрание вел решительную борьбу, выпустило против него запретительную фетву, в которой члены этого союза об'являлись изменниками религии, неверными и т. д. и т. д.

Созданное на IV с'езде Шура-и-ислами правительство Кокандской автономии хотя и не признало „Союз трудящихся мусульман“ легальной организацией, но при подготовке к с'езду рабочих и дехканских депутатов фактически должно было считаться с его существованием.

На созванном правительством Кокандской автономии „С'езде рабочих и дехканских депутатов“ подавляющее большинство принадлежало „Союзу трудящихся мусульман“. Членов этого союза было так много, что некоторые товарищи склонны считать его, как с'езд „Союза трудящихся мусульман“.

Но все же этот инсценированный с'езд нельзя считать за настоящий с'езд рабочих и дехканских депутатов. Для этого есть две причины. Первая заключается в том, что при выборах представителями правительства Кокандской автономии настолько широко применились всевозможные методы нажима, что на с'езды было избрано значительное количество людей, не представляющих собой интересы трудящихся масс.

Вторая причина этого заключается в том, что „Союз трущихся мусульман“, в рядах которого наряду с рабочими и дехканами были и мелкие и средней руки предприниматели, к этому времени раскололся на две фракции,—правую и левую. Правительство Кокандской автономии, стараясь использовать авторитет „Союза трудящихся мусульман“ в глазах широких масс коренного населения страны, особенно в городах, в то же время всемерно старалось, чтобы на с'езд были избираемы представителй правого, наиболее соглашательского крыла этого „Союза“.

Для характеристики классовой физиономии этого с'езда полезно привести выдержку из статьи неизвестного автора статьи „Кокандская автономия“, помещенной в сборнике „Красная летопись Туркестана“.

„Само собой разумеется, вся эта процедура инсценирования рабочего с'езда и демонстрирование его симпатий правительству не обошлась без комических моментов. На этом бутафорском с'езде, который разошелся, избрав из своей среды краевой мусульманский рабочий совет, выступал с обширной программной речью покойный Полторацкий. Для ответной речи от имени с'езда и в защиту автономии выступал некто М..., который произнес длинную историческую лек-

цию на тему... об убиении Гуссейна на берегу Ефрата и демократизме ислама. Эффект был колоссальный, если не сказать грандиозный. Часть „рабочих" депутов во главе с известным Н. Х. впала в истерику и умиленно плакала под ликующими взорами тех, кто был заинтересован прежде всего в политическом закреплении положения автономного правительства. Лишь один скептически настроенный депутат из киргизской оппозиции, при виде этой религиозно-политической свистопляски под дудку мусульманской буржуазии, недовольно пробурчал: „Опять старые песни".

Все же автор этой статьи не совсем прав в оценке этого с'езда. Далеко не все участники с'езда рыдали при воспоминании о трагической кончине семейства Алия. Многие в это время думали о продолжении решительной борьбы с буржуазией и с теми, кто ради ласкового взгляда буржуазии и буржуазного правительства Кокандской автономии предает интересы рабочего класса и дехканства.

На с'езде организовалась, правда, небольшая группочка левых членов „Союза трудящихся мусульман" и „Иттифак", которая решила разоблачать контр-революционную сущность Кокандской автономии. Потерпев поражение на самом с'езде, эта группа левых послала в Петербург телеграмму, в которой выражала протест против Кокандской автономии. Это все, что она могла сделать.

Правительство Кокандской автономии достигло той цели, которую оно ставило перед собой при созыве этого с'езда. Умело подобранные буржуазные подпевалы на этом с'езде весьма ярко продемонстрировали свою солидарность с контр-революционым правительством Кокандской автономии. А для того, чтобы буржуазное правительство и в дальнейшем имело опору в широких массах трудящихся, на с'езде был избран „Краевой мусульманский рабочий совет".

Внешне картина получалась весьма убедительная. „Шура-и-улема", „Шура-и-исламия", „Краевой мусульманский рабочий Совет"... Одним словом, казалось, вся нация, все классы, все народы Туркестана решительно требуют себе автономии под главенством туркестанской буржуазии. Но уже через несколько недель для всех стало ясно, что за этими громкими вывесками, пытающимися представить все население Туркестана, выглядывает только одна физиономия буржуазии.

Одновременно с этим правительство Кокандской автономии всеми силами стремилось подчинить себе весь низовой государственный аппарат страны. Строить новый государственный аппарат оно не пыталось, да пожалуй, в этом оно не видело никакой необходимости. После Октябрьской революции советская власть довольно быстро перестроила государственый аппарат лишь в новых городах. Государственный же аппарат в старых городах и в кишлаках в это время оставался преж-

ний. Поэтому правительству Кокандской автономии, во всем пытавшемуся подчеркнуть свою преемственность от прежнего Временного правительства, выполнить задачу подчинения низового государственного аппарата было сравнительно легко.

Несмотря на то, что Кокандская автономия представляла собой интересы буржуазии финансовое положение Кокандской автономии никогда не было блестящим. Первое время правительство Кокандской автономии существовало на те незначительные средства (несколько сот тысяч рублей), которые были собраны по подписному листу. Но эти средства, благодаря высоким ставкам находившихся у правительства на службе чиновников были весьма быстро исчерпаны, а новых доходов оно не имело.

К этому времени приезжавший в Коканд на так называемый „С'езд рабочих и дехканских депутатов" т. Полторацкий, убедившись, что без открытой и решительной борьбы с автономистами нам не обойтись, национализировал Кокандское отделение государственного банка, в котором имелись крупные вклады местных капиталистов.

Сведения о национализации т. Полторацким отделения государственного банка быстро разнеслись, как по Коканду, так и по другим городам, создавая настроение недовольства слабостью правительства Кокандской автономии. Особенно волновались вкладчики, потерявшие свои капиталы. Сгустившаяся политическая атмосфера проявилась министерским кризисом. Вместо Танышпаева у власти встало правительство более решительного Мустафы Чокаева.

Как только Мустафа Чокаев очутился у власти, он приступил к проведению внутреннего займа в размере 30 миллионов рублей на тогдашние деньги. Заем проводился при помощи решительного административного нажима. Просто на квартиру или в лавку купца или ремесленника являлся кто-нибудь из чиновников правительства Кокандской автономии и говорил ему, что он должен подписаться на заем в сумме такой-то, и лавочник должен был выполнять волю начальства, чтобы не навлечь гнев на свою голову. Всякая попытка отказаться от подписки на заем истолковывалась, как сочувствие Советской власти и нежелание поддержать правительство.

Но главную и самую трудную задачу для правительства Кокандской автономии представляло формирование вооруженных сил. Никакими национальными кадрами для формирования воинских частей это правительство совершенно не располагало.

Выход из этого трудного положения был найден следующий. В качестве командного состава и инструкторов было решено пригласить офицеров из русских и татар, а также из среды пленных турецких офицеров. В качестве солдат принимались добровольцы из местного населения, но таковых нашлось весьма незначительное количество. Нанимались преимущественно кавказцы и выходцы из Персии. Судя по некоторым данным, набрать больше 60 человек солдат правительству Кокандской автономии так-таки и не удалось. На должность военного министра и главнокомандующего был назначен полковник Чанышев.

Когда выяснилось, что набрать необходимое количество добровольцев не удастся, правительство Кокандской автономии решило пригласить себе на службу главаря басмаческой (грабительской) шайки Иргаша вместе с его шайкой.*)

Сам Иргаш к этому времени за бандитизм успел побывать на каторге и вообще вся его шайка была укомплектована каторжанами, сумевшими использовать сумятицу революционного времени и бежать из Сибири.

Официально Иргаш был назначен на должность начальника кокандской милиции, а его джигиты были зачислены милиционерами; как только грабитель Иргаш сделался начальником милиции, он немедленно приступил к развертыванию своей шайки, принимая в нее все поддонки старого города. Точно установить численность отряда Иргаша не представляется возможным. Некоторые источники говорят, что у него во время боев было до 4.000 джигитов, но это безусловно преувеличение.

Каковы же в общем результаты деятельности правительства Кокандской автономии? Внешне некоторые из его мероприятий имели успех. В действительности же результаты всей его деятельности нужно рассматривать, как полный провал автономистского движения. Начнем с агитации. Развернута она была довольно хорошо, все доступные правительству средства были использованы, но невозможность разрешить земельный вопрос и т. д. совершенно парализовали всю агитационную работу агентов Танышпаева и Мустафы Чокаева. Это особенно ярко сказалось во время кокандских боев и во время улемистского переворота.

Созыв краевого с'езда рабочих и солдатских депутат тоже дал только видимые результаты, так как избранный на этом с'езде „краевой мусульманский рабочий Совет“ в действи-

*) По другим сведениям Иргаш был начальником милиции старого города Коканда до об'явления автономии, и на этот пост его пригласило прежнее правительсто для борьбы с бандитизмом (примеч. редакции).

тельности не отражал интересов и настроений рабочего класса и дехканства и не имел на них никакого влияния.

Финансовые мероприятия правительства Кокандской автономии дали, конечно, некоторые средства для существования правительства, но метод проведения внутреннего займа оттолкнул от него широкие массы мелкой буржуазии, поддержка которой для правительства Кокандской автономии имела, пожалуй, решающее значение.

Но самые незначительные результаты имело правительство в отношении строительства вооруженных сил. Регулярной армии, как мы видим, ему создать совершенно не удалось, ибо 60 человек, хотя бы и под командой стольких же офицеров, никак не могут считаться армией, а иррегулярные войска, которыми по существу являлась басмаческая шайка Иргаша, хотя были созданы, но, как мы в дальнейшем увидим, послужили главной причиной неудачи всего автономистского предприятия.

Демонстрация 13 декабря.

О подготовке к этой демонстрации органам советской власти стало известно еще примерно недели за две.

План организаторов демонстрации был следующий. Сначала предполагалось под видом демонстрации собрать возможно более значительную толпу и затем, наэлектризовав ее, арестовать народных комиссаров и одновременно освободить из тюрьмы Доррера и других арестованных контр-революционеров. Завершением всего этого плана являлось создание своего правительства во главе с Доррером.

В тюрьме, в камере, где находился Доррер, был найден текст воззвания к „мусульманам“ от имени „русской группы“, в котором „мусульмане“ призывались стать во главе восстания.

Привести в исполнение этот план предполагалось в день демонстрации 13 декабря.

Вопрос о подготовлявшейся в Старом Ташкенте демонстрации был поставлен на обсуждение и в Совнаркоме. Протокола этого заседания Совнаркома нам не удалось найти, но о том, какую позицию занял Совнарком по данному вопросу, мы можем судить по докладу т. Тоболина на заседании Ташкентского Совета Солдатских и Рабочих депутатов. В отчете об этом заседании, напечатанном в „Нашей Газете“ от 9 декабря 1917 года, мы можем прочитать следующее:

— „Товарищ Тоболин, ознакомив Совет с постановлением Испол. Комит. о манифестации, заявил, что Совет Народных Комиссаров вместе с Исполнительным Комитетом решил *принять участие в манифестации. быть на митинге и приветствовать собравшихся*

и об'яснить отношение Совета к автономии края, но вследствие возможности провокационных выступлений отдельных безответственных лиц, он не считает *возможным устраивать манифестацию в русской части города*» (Курсив наш. П. А.).

Из этого заявления т. Тоболина, стоявшего тогда во главе нашей туркестанской партийной организации и одновременно Совнаркома, мы можем заключить, что и в руководящих кругах нашей партийной организации и в Совнаркоме, как по вопросу о Кокандской автономии вообще, так и относительно подготовлявшейся 13 декабря демонстрации была полная растерянность.

Уже в то время многие, если не все, понимали, что руководители контр-революционного движения учли популярность лозунга автономии Туркестана в широких массах, учли нашу ошибку в этом отношении и решили сыграть на этом. Понимали это, конечно, и члены партийного комитета и члены Совнаркома и все же не смогли исправить своей ошибки. Выступить против лозунга автономии они считали невозможным, ибо это, им казалось, слишком противоречило бы положению партии о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Поэтому т. Тоболин предлагает „принять участие в манифестации, быть на митинге и приветствовать собравшихся" и также „об'яснить отношение Совета к автономии края", то-есть раз'яснить тем, кто собирется на митинг, что национальная буржуазия при активной поддержке русской буржуазии выбрасывает лозунг автономии не ради самой автономии, а исключительно ради того, чтобы свергнуть власть пролетариата и самим снова сесть на шею рабочих и дехкан.

Но если т. Тоболин предлагал пойти на митинг для того, чтобы вскрыть всю лживость, весь обман того политического хода буржуазии, который называется Кокандской автономией, то кого же он хотел приветствовать? Неужели обманутых ремесленников старого города и дехкан окрестных кишлаков? И по поводу чего приветствовать он собирался старогородских ремесленников, неужели по поводу того, что национальная буржуазия так ловко обманула их? Нелепость такого предложения, которое, кстати сказать, было принято и проведено в жизнь, особенно наглядно доказывает, что наша туркестанская партийная организация в то время не доросла еще до настоящего большевизма, что у нас в то время было еще слишком много мелко-буржуазного налета, который атрофировал некоторые чувства русской части рабочего класса Туркестана.

Получив сведения о подготовке демонстрации, Совнарком решил, во избежание эксцессов, не пропускать 13 декабря

в старый город русских, так как уже в то время было известно, что именно группа русских офицеров во главе с Фроловым старается довести демонстрацию до столкновения с Советской властью.

Проведению самой демонстрации и митинга в Старом городе было решено не мешать, так как всякое вмешательство могло бы привести к столкновению, во время которого неизбежно погибло бы значительное количество совершенно безвинных людей. В то же время из Старого города в Новый было решено не пропускать местное население. Для этого перед рассветом (в 5 часов) 13 декабря район Урды и другие места стыков Старого и Нового Ташкента были заняты советскими войсками.

Руководство всем порядком этого дня было возложено на начальника гарнизона Стасикова.

При об'езде города утром 13 декабря т. Стасиков заметил большую группу русских интеллигентов, двигавшуюся по направлению Старого города. Группа имела плакат, на котором значилась „Автономия Туркестана". т. Стасикову эта группа заявила, что она является делегацией в старую часть города для приветствия местного населения.

Несмотря на принятое решение, эта группа т. Стасиковым была пропущена, для сопровождения ее был командирован конный разведчик.

В 9½ часов утра было получено сообщение о том, что около Урды стоит громадная толпа русских в 2—3 тысячи человек, требующая, чтобы ее пропустили в туземную часть города для присоединения к демонстрации.

Начальник гарнизона и начальник охраны города поехал на Урду и „убедившись, что манифестанты настроены воинственно, решили пропустить манифестацию, представители которой уверили, что никаких агрессивных действий они предпринимать не намерены*).

Таким образом, план, только что принятый Совнаркомом, был нарушен.

Здесь мы считаем необходимым отметить, что подготовка к демонстрации всполошила весь Старый город. Положительно во всех организациях Старого города, во всех чайханах, на улицах вопрос о демонстрации обсуждался около двух недель. При этом нужно подчеркнуть, что в существовавших тогда профессиональных организациях Старого города долгое время замечалось колебание, итти или не итти на эту демонстрацию. В конце концов почти во всех профсоюзах было решено пойти на демонстрацию. Исключением в этом

*) Интервью т. Стасикова.

отношении оказался только союз строителей, который категорически решил, что ни один член союза не должен быть на демонстрации, так как эта демонстрация направлена против Советской власти.

В 10 часов утра народные комиссары вместе с начальником гарнизона и начальником охраны города поехали в Старый город. На месте митинга они были пропущены на почетные места, где уже стояла группа интеллигентов из русской части города. Между прочим, толпа, при появлении народных комиссаров, приветствовала их криками „ура".

Речи выступавших на митинге ораторов были совершенно спокойны, хотя со стороны русских контрреволюционеров раздавались провокационные возгласы и выкрики против народных комиссаров.

Получив известие, что по русской части города движется большая процессия казак-киргиз, комиссары покинули митинг и отправились в Новый город.

Киргизы были встречены около Первушинского моста. Прибывших к ним навстречу народных комиссаров они приветствовали криками „ура". По всему было видно, что ничего против Советской власти они не замышляют.

Опять-таки во избежание кровопролития, не желая обострять отношений с мирной демонстрацией казак-киргиз, было решено не препятствовать их продвижению. Демонстрация киргиз двинулась в Старый город по Воронцовской (ныне Сталина) улице, при чем урдинской военной заставе было отдано распоряжение пропустить киргиз в Старый город.

Приблизительно в 2 часа дня около Белого дома собралась толпа киргиз в 2—3 тысячи человек. Криками „ура" киргизы вновь приветствовали народных комиссаров, которые ответили им на приветствие. Здесь группа членов СНК, приехав на автомобиле, приветствовала демонстрантов, а эс-эр Успенский об'явил, что СНК постановил об'явить Туркестан Автономной Республикой.

Настроение киргиз было совершенно мирное, хотя из толпы раздался какой-то одинокий провокационный выкрик. Характерно, что киргизы хотели было задержать и арестовать провокатора, но представители Советской власти предложили оставить его в покое.

После этого киргизы совершенно спокойно двинулись дальше по русской части города. В полном порядке они подошли к памятнику Кауфмана в сквере. За киргизами шла громадная толпа узбеков и русских.

Здесь необходимо заметить, что из Старого города в Новый пошли далеко не все, кто был на митинге в Старом

городе. Как мы уже отмечали, на старогороднем митинге вместе с торговцами, духовенством и интеллигенцией были и рабочие организации Старого города, за исключением союза строителей, но когда демонстрация, несмотря на об'явленное заранее запрещение, направилась в Новый город, рабочие организации не, пошли вместе со всеми и в демонстрации, митинге, а также и во всех дальнейших событиях никакого участия не принимали.

Подойдя к памятнику, демонстранты хотели было разойтись по домам. Но тут на сцену выступили русские контр-революционные ораторы, которые в зажигательных речах стали призывать собравшихся к свержению Советской власти и к освобождению из тюрьмы арестованных контр-революционеров.

Группа старых чиновников во главе с капитаном Фроловым и еще какими-то двумя неизвестными полковниками в это время арестовала начальника охраны города Гудовича и, сопровождаемая частью демонстрантов, двинулась к тюрьме.

Когда эта контр-революционная толпа подошла к тюрьме, красногвардейцы, охранявшие тюрьму, растерялись.

Окружившие Гудовича вожаки контр-революции заставили его отдать приказание открыть ворота тюрьмы, после чего толпа проникла в тюрьму и освободила арестованных Доррера и других.

Выпущенные из тюрьмы были посажены в автомобиль Гудовича. Толпа, сопровождавшая автомобиль, двинулась по направлению Урды, то-есть в Старый город. Остальная часть освобожденных из тюрьмы контр-революционеров замешалась в толпе или просто разбежалась по городу.

Начальник гарнизона, не успевший выслать войска для защиты тюрьмы, двинул навстречу направлявшейся к Урде толпе отряд кушкинцев, прибывших в Ташкент еще в дни Октябрьской революции.

Один из солдат (по другой версии это был командир роты) ворвался в толпу, вскочил в автомобиль, в котором находился Доррер и другие контр-революционеры, наставил дуло револьвера на шоффера и приказал ему ехать к гауптвахте. Шоффер подчинился.

После задержания автомобиля с Доррером, из толпы в красногвардейцев было произведено несколько провокационных выстрелов неизвестными лицами.

На раздавшиеся провокационные выстрелы красногвардейцы ответили залпом, в результате которого был убит генерал Смирницкий, ехавший верхом на лошади во главе толпы, и

пятнадцать человек из местного населения. С нашей стороны был убит один красногвардеец.

После первого же залпа толпа разбежалась, и в городе наступило полное спокойствие.

Над арестованными контр-революционерами, освобожденными толпой из тюрьмы и затем снова вместе с автомобилем отбитыми кушкинским отрядом, после того, как они были доставлены на гауптвахту, красногвардейцы, возбужденные за день происходившими событиями, учинили самосуд и расстреляли их всех. В том числе погиб и один из виднейших организаторов контр-революции Доррер.

Члены Исполнительного Комитета и Совнарком принимали все меры к тому, чтобы успокоить красногвардейцев, был даже отдан категорический приказ о недопущении самосуда, но остановить их не удалось.

Буржуазия и мещанская интеллигенция впоследствии всячески использовывала этот момент, чтобы очернить Советскую власть.

Так прошла и так закончилась демонстрация 13 декабря в Ташкенте. Тех целей, которые ставила перед собою кучка ташкентских контр-революционеров, в смысле свержения Советской власти, в смысле контр-революционного переворота, она, конечно, не достигла, но роль ее во всей истории Кокандской автономии безусловно велика, так как эта демонстрация надолго создала в Ташкенте весьма тревожное настроение и отвлекла собою внимание центральных органов сов. власти и компартии в Туркестане от того, что происходило в Коканде.

Борьба с Кокандской автономией.

В период Октябрьской революции и в ближайшие после нее месяцы туркестанская партийная организация в узловом, основном вопросе—национальном, допустила ряд ошибок, которые сказались и в процессе борьбы с Кокандской автономией и другими контр-революционными выступлениями, с нею связанными, и на всем дальнейшем ходе революции.

Мы проявили тогда недостаточную чуткость и излишнюю подозрительность по отношению многомиллионной массы коренного населения. Мы в то время убедили себя в том, что культурно-отсталое и недостаточно политически зрелое коренное население страны не может принять активное участие в революции, и решили продолжать революцию без него.

В Ташкенте еще с лета 1917 года на ряду с „Советом мусульманских депутатов" существовал „Совет мусульманских рабочих", который по своей классовой сущности напоминает

„Совет трудящихся", рекомендуемый Коминтерном для стран Востока с недостаточно развитой индустриальной промышленностью. Этот „Совет мусульманских рабочих депутатов" после Октябрьской революции, несмотря на имевшуюся недооценку его со стороны нашей ташкентской партийной организации, послужил почти единственной опорой советской власти в Старом Ташкенте.

Нам нужно было использовать уже готовую, стихийно возникшую форму вовлечения трудящихся коренного населения страны в дело строительства Советской власти и завершения Октябрьской революции. Мы этого не сделали, мы ничего не предприняли, чтобы в других городах выделить трудящиеся массы коренного населения страны из „Шура-и-исламия" в „Советы трудящихся мусульман".

На ряду с этим необходимо отметить еще одну ошибку. Заключалась она в чрезвычайно нерешительном наступлении на власть Временного правительства. В то время, как в Ташкенте государственная власть фактически перешла в руки Советов несколько раньше даже, чем в Петрограде, в других городах Туркестана: Скобелеве, Асхабаде и т. д. переход власти к Советам произошел только в первых числах января 1918 года.

Отказашись от привлечения к делу строительства советской власти пролетарские и полупролетарские слои коренного населения страны, наша туркестанская партийная организация не чувствовала под собою достаточно твердой почвы для того, чтобы вести решительное наступление на власть Временного правительства во всем Туркестане и долгое время продолжала барахтаться в самом Ташкенте.

Между тем эта наша медлительность наступления на государственный аппарат Временного правительства являлась весьма благоприятным условием для контр-революции. Пользуясь нашей нерешительностью, она использовывала аппарат Временного правительства для организации своих сил, для распространения всевозможных сплетен и слухов в местных официозных газетах, находившихся на содержании правительственного аппарата и потому слепо выполнявших его волю. Государственная машина в Фергане, возглавлявшаяся правым эсэром Маевским, государственный аппарат Закаспийской области, возглавлявшийся Москаленко, газеты „Знамя Свободы" и „Асхабад" в период от Октября по первые числа января являлись организационным и идеологическим средоточием местной контр-революции, той реальной силой, которая подготовляла и потом поддерживала Кокандскую автономию.

Кокандская автономия уже была об'явлена, угроза серьезной контр-революции решительно нависла над Советским Туркестаном. Требовались решительные действия против быстро оформлявшейся контр-революции в Коканде. Но действовать решительно советская власть не могла уже не только в силу своей основной ошибки, но и в силу выдвигавшейся другой контр-революционной грозы. Этой второй контр-революционной силой были казачьи полки, возвращавшиеся из Персии на соединение с атаманом Дутовым, поднявшим восстание в Оренбурге.

Вполне естественно, что немедленно наступать на Кокандскую автономию советская власть не могла. Нужно было сначала покончить с более организованным и прекрасно вооруженным противником в лице казаков. Обвинять, следовательно, советскую власть в нерешительности борьбы с Кокандской автономией в этот период совершенно не приходится.

Но признавая совершенно правильной ту линию поведения, которой держалось советское правительство в период декабрь—январь, необходимо все же отметить, что мы в то время недооценивали Кокандскую автономию, как контр-революционную угрозу. Свидетельством этого может служить та оценка положения, которая была дана военным комиссаром Перфильевым после его поездки по некоторым областям тогда еще Туркестанского края.

Вот, что сказал он о Кокандской автономии:

> — „Что касается общего настроения мусульман, то можно отметить полное спокойствие и лойяльность. Трудовая часть идет вместе с русским пролетариатом и высказывается только за пролетарскую автономию.
>
> В „Кокандской автономии" мусульмане меньше всего принимали участие; *подавляющее большинство их не имеют о ней ни малейшего представления.*

„Кокандскую автономию", как и манифестацию в Ташкенте 13 декабря, выдумали русские чиновники и офицеры и вообще русские контрреволюционеры, конечно, не без участия сартовских мулл и баев.

Под флагом этой „автономии" скрывается желание *некоторых лиц*, русских и туземцев, стать у кормила власти, чтобы успешно и выгодно обделывать свои дела.

Туземцы уже раскусили эту „автономию" и начинают относиться к ней „должным образом".

Эта затея мусульманских и русских контрреволюционеров, с таким шумом начатая, начинает умирать естественной смертью. (Курсив мой.—П. А.). Ошибочность такого отношения к Кокандской автономии заключается прежде всего в

том, что она представляется всего—лишь только затеей нескольких „отдельных лиц". Тов. Перфильев, выражавший, конечно, мнение Совнаркома, не хотел видеть в ней серьезное общественное движение, имевшее под собой солидную социально-экономическую почву.

Что Перфильев, давая такую оценку Кокандской автономии, выражал мнение Совнаркома, а не только свое личное, доказывают следующие строки т. Сазонова в его воспоминаниях — „Кокандская автономия", помещенных в сборнике „Красная летопись Туркестана".

> — „Во время с'езда приезжают ко мне из Коканда 2 солдата с поручением от Бабушкина (председателя Кокандского совета) получить от Ташкента помощь с оружием, ибо кокандское правительство уже наготове к выступлению. И если помощи таковой не будет, он, Бабушкин, выезжает в Ташкент. Пошел я к Тоболину, рассказал в чем дело. Вижу, *Тоболин не придает серьезного значения*. Пригласил тогда и приехавших солдат. Тоболин тогда уже не ободрял нас, а вызвал коменданта крепости Якименко и договорился выдать нам 300 винтовок, пулеметы и прочее". (Курсив мой.—П. А.).

Доказывать ошибочность такой оценки Кокандской автономии руководителями Советской власти в Туркестане не приходится, ибо она понятна без всяких пояснений.

Другая ошибка, которую допускал и вместе с ним весь Совнарком, заключается в следующем. Он говорит, что „подавляющее большинство их (коренного населения—П. А.) не имеет о ней ни малейшего представления и считает это явлением положительным, думает, что это очень хорошо.

Полное отсутствие широкой агитационной работы характерно не только для Ферганы, Закаспия и т. д., но и для Ташкента. Достаточно указать, что в те дни, когда в Ташкенте сторонники Какандской автономии вели активнейшую агитацию не только в Старом Ташкенте, но и во всех окрестных кишлаках, призывая всех принять участие в подготовляемой ими демонстрации, которую они рассчитывали использовать для выполнения переворота, в эти дни величайшего напряжения в Ташкенте решили ограничиться только тем, что выслали в Старый город несколько товарищей для наблюдения, то-есть для наиболее пассивной роли, вместо того, чтобы бросить туда все свои наличные агитационные силы и постараться вскрыть перед ремесленниками Старого города и дехканами окрестных городов всю контр - революционную сущность Кокандской автономии.

Бросив все свои наличные силы на Оренбургский фронт и против выступивших из Персии казачьих полков, и не чувствуя в себе достаточной силы для открытой борьбы с Кокандской автономией, Совнарком решил попытаться договориться с ее главарями мирным путем.

С этой целью, когда в первых числах января 1918 года правительство Кокандской автономии созвало знаменитый „с'езд рабочих и дехканских депутатов", Совнарком послал в Коканд т. Полторацкого в надежде, что им будет нащупана почва для соглашения с автономистскими лидерами.

Чем, как не попыткой соглашения, звучат следующие слова из резолюции Ферганского областного с'езда Советов в первых числах января 1918 года:

> — „Совместная работа с организующейся властью автономного Туркестана возможна лишь при условии внесения в конституцию автономии положений, ограждающих права демократии, при чем эти положения должны быть закреплены юридически созданием особых общероссийских органов, гарантирующих их неприкосновенность".

Это значит, что если главари кокандской буржуазной автономии дадут нам некоторые гарантии в том, что они не пойдут очень далеко, то мы готовы признать их правительство и пойти с ними на соглашение.

И только тогда, когда на „С'езде рабочих и дехканских депутатов", созванном в Коканде главарями Кокандской автономии, выяснилась полнейшая невозможность договориться с правительством кокандской автономии, т. Полторацкий признал необходимым начать решительную борьбу и сделал весьма разумно, конфисковав наличные денежные средства и ценные документы, имевшиеся в кокандских банках, поставив этим правительство Кокандской автономии в весьма невыгодные для него финансовые условия и этим самым вызвав министерский кризис.

Начало Кокандских событий.

В первых числах февраля в Коканде положение было уже чрезвычайно тяжелое. Глухая борьба между Кокандским Советом и правительством Кокандской автономии изо дня в день нарастала все более и более и грозила превратиться в открытое столкновение.

Власть Кокандского Совета совершенно не распространялась на старый город. Там безраздельно царило правительство Кокандской автономии. Но и в Новом городе власть Кокандского Совета опиралась только на сравнительно небольшую прослойку рабочих железнодорожников, хлопкоочистительных заводов и несколько городских предприятий. Вооруженной силы, имевшейся в распоряжении Кокандского Совета, было всего на всего 16 человек солдат крепостной роты. Этим 16 человекам предстояло отразить первый, подготовлявшийся совершенно открыто удар автономистского правительства.

Кокандский Совет учитывал всю трудность своего положения. Тяжесть эта усугублялась еще нисколько не меньшей тяжестью общего положения всего Туркестана. С 1 января 1918 года Туркестан был совершенно отрезан от России восставшим в Оренбурге атаманом Дутовым.

В Семиречьи нарастала глухая борьба казачества и русского кулачества, грозившая не сегодня завтра вылиться в открытое восстание. В районе Асхабада—Самарканда происходили бои с казачьими полками, требовавшими крайнего напряжения всех сил Туркестана. Ожидать поддержки из других городов Туркестана в случае начала открытых столкновений с правительством Кокандской автономии было почти совершенно невозможно.

В дополнение картины необходимо еще добавить, что в это время около Самарканда, в лагерях, находилось около 8000 военно-пленных чехо-словаков, которых охраняло всего лишь 8 человек солдат. Так как никакая политическая работа среди них совершенно не велась, то Кокандский Совет совершенно не мог быть уверенным в том, что правительство Кокандской автономии не использует военно-пленных в интересах борьбы с Советской властью.

Единственное средство, которое могло бы быть в распоряжении Кокандского Совета—это, не надеясь на помощь со стороны, самим приступить к сколачиванию необходимых для отпора и для борьбы с правительством Кокандской автономии вооруженных сил. Но Кокандский Совет не имел необходимое для этого оружие. Имевшееся даже в крепости оружие было передано автономистам городской думой еще до перехода власти в руки Советам. С большим трудом удалось набрать некоторое количество винтовок, чтобы увеличить гарнизон до 33 человек и вооружить некоторое количество рабочих.

Но этого было все же недостаточно. Тогда Кокандский Совет решил просить Ташкент, что если он не может помочь людьми, то дал бы некоторое количество оружия для вооружения кокандских рабочих.

Правительство Кокандской автономии великолепно знало о положении дел в Коканде. Учтя все эти обстоятельства, оно решило действовать. Но чтобы действовать в полном смысле наверняка, оно вошло в соглашение с комендантом крепости, бывшим офицером Зинченко о сдаче крепости без боя.

Обстановка весьма благоприятствовала этому. Так как в Коканде, благодаря прекращению жилищного строительства за время войны, наблюдался кризис, а крепость, вследствие роспуска армии, почти совершенно пустовала, то в ней было

поселено много лиц, ничего общего с армией и крепостью не имеющих, людей совершенно посторонних. В условиях весьма пониженной дисциплины проживание в крепости частных лиц привело к тому, что в крепость ходил всякий, кому это вздумается и тогда, когда вздумается. Этим обстоятельством решил воспользоваться Зинченко.

В ночь с 11 на 12 января, вернее—под утро (в 3 часа) 12 января группа неизвестных лиц подошла к воротам крепости и постучалась с просьбой пропустить их к знакомым. Часовой, находившийся по ту сторону ворот, открыл дверь, совершенно не подозревая о возможности нападения.

Часовой немедленно был убит. Крепость, безусловно, была бы взята совершенно незначительным отрядом противника, если бы солдаты этого автономистского отряда были настоящими солдатами, а не набранными на скорую руку любителями легкой наживы в мутной воде. Очевидно, некоторые из нападавших совершенно не умели владеть оружием, так как один из солдат нападавшего отряда сделал нечаянный выстрел.

Разбуженные этим выстрелом защитники крепости, спавшие в это время в казарме, быстро выскочили из казармы и открыли огонь по группе контр-революционеров, уже ворвавшихся в крепость. После некоторого сопротивления белогвардейцы, разочаровавшись в возможности взять крепость без сопротивления, решили отступить.

Крепость, фактически уже находившаяся в руках противника, была очищена от неприятеля. Ворота снова были закрыты. Из казармы был вытащен и установлен на крепостной стене пулемет. Не зная точно, куда отступил и где находится противник, защитники крепости открывают пулеметный огонь по старому городу.

В тот же день утром в крепости был задержан член правительства Кокандской автономии Шаги-Ахмедов. Оказалось, что во время нападения на крепость, он был в крепости у коменданта Зинченко.

Почти одновременно с этим белогвардейцы произвели нападение на квартиру председателя Кокандского Совета т. Бабушкина.

Квартира т. Бабушкина охранялась одним красногвардейцем. Неслышно подкравшись к дому, белогвардейцы убили часового и стали ломать дверь в квартиру Бабушкина.

Бабушкин не растерялся. Находившегося с ним своего ребенка он спрятал под кровать, жене дал револьвер и так в течение 3 часов они вдвоем отстреливались от пытавшихся ворваться в квартиру белогвардейцев и в конце концов вы-

держали осаду. На рассвете белогвардейцы, нападавшие на квартиру Бабушкина, отступили.

Тогда Бабушкин вместе с женой и ребенком вышли из квартиры с целью пробраться куда-нубудь к рабочим. В это время по улице города в пролетке проезжал Потеляхов с доверенным одной хлопковой фирмы Смирновым. Бабушкин наставил на него револьвер, приказал остановиться и выйти, затем сам сел в освободившийся экипаж и уехал на станцию к железно-дорожным рабочим.

Одновременно же с наступлением на крепость и с нападением на квартиру Бабушкина белогвардейцы ворвались на телефонную станцию и приказали выключить Новый город. Перепуганные телефонистки вынуждены были подчиниться. Новый город оказался раз'единенным и защитники Советской власти не имели возможности связаться между собой. В ту ночь белогвардейцы перерезали телефонные провода, соединявшие Коканд с другими городами и разобрали железно-дорожный путь как в сторону Ташкента, так и в сторону Андижана. Наманганская ветка также была разрушена на несколько верст. Железно-дорожные мосты были сожжены или разрушены.

Этим белогвардейцы хотели отрезать Коканд от других городов и лишить его возможности сноситься с ними и получить оттуда помощь.

Таким образом, план правительства Кокандской автономии сводился к следующему. Оно рассчитывало одновременно: 1) захватить в свои руки крепость, 2) захватить телефонную станцию, 3) арестовать председателя Кокандского Совета Бабушкина и этим самым обезглавить Совет и 4) разрушить железно-дорожные пути, чтобы отрезать Коканд от других городов. Совокупность этих мер составляла первый ход правительства Кокандской автономии. Нужно думать, что в дальнейшем они рассчитывали, опираясь на сочувствовавшие им группы буржуазии, бывших чиновников и интеллигенции, захватить в свои руки Скобелев и Андижан, а потом уже, держа в своих руках всю Фергану, вести наступление на Ташкент и итти на соединение с Дутовым.

Но план этот сразу же не удался.

Хотя белогвардейцы и перерезали провода, но несколько поздно. Как только в городе началась ружейная стрельба, все поняли, что это—контр-революционное выступление и об этом было немедленно телеграфировано в Ташкент, Скобелев и в Андижан.

Утром на станции собрались наиболее активные сторонники Советской власти и, наспех обсудив положение, решили

организовать Ревком и вручить ему всю полноту власти. В состав ревкома были избраны: Бабушкин, Месхе, Коновалов, Рылов, Николаенко и Сазонов.

Чтобы узнать, в каком положении находится город, было решено послать туда Николаенко и Сазонова. Прежде всего они поехали на телефонную станцию, где потребовали вновь включить Новый город, а старый—выключить.

Телефонистки несколько помялись, но потом приказание исполнили. Для того, чтобы белогвардейцы вновь не захватили телефонную станцию, туда поставили караул в числе 12 человек.

Одновременно с тем, как железно-дорожники собирались на станции, колокольным звоном и несколькими холостыми выстрелами городские рабочие были созваны к крепости. Здесь им было роздано оружие, за день до этого привезенное из Ташкента. Таким образом, количество защитников Советской власти, прилично вооруженных, уже набиралось до 400 человек.

В 4 часа дня т. т. Сазонов и Николаенко поехали в Старый город для переговоров с правительством Кокандской автономии по поводу происшедшего ночью выступления.

Эти переговоры интересны в том отношении, что они до некоторой степени проливают свет на политическую программу этого правительства. В основном его программа сводилась к следующему:

1) Туркестан должен быть автономным.

2) Власть в Туркестане должна быть передана в руки Временного правительства, то-есть правительства Кокандской автономии, созданного буржуазией.

3) Частная собственность на землю и орудия и средства не должна нарушаться.

4) Судопроизводство должно вестись по шариату и, наконец.

5) Женщины должны оставаться закрытыми.

Вот главнейшие пункты программы правительства Кокандской автономии.

Интересы каких классов эти требования отражали?

По существу, эти лозунги необходимо подразделить на две группы. К первой группе нужно отнести первые три лозунга, а ко второй группе—два последних.

Лозунги первой группы являются программными лозунгами буржуазии. По ним можем судить, что правительство Кокандской автономии времен Танышпаева и Чокаева стремилось установить типичную буржуазно-демократическую республику.

Совершенно иное значение имели два последних лозунга. Буржуазии нужно было чем-то заинтересовать духовенство в начатой ею контр-революции, ей нужно было использовать влияние духовенства на дехканство и ремесленников и именно с такой целью были выдвинуты эти два последние лозунга.

В таком именно виде выявилась политическая физиономия Кокандской автономии в тех переговорах, которые велись т. т. Сазоновым и Николаенко с Мустафой Чокаевым 12 февраля.

Хотя с утра 12 февраля общими усилиями защитников Советской власти удалось проделать громадную организационную работу по защите города, в воздухе все же чувствовалась тяжелая атмосфера. Сторонники Кокандской автономии распространяли всевозможные слухи, говорили, что десятки тысяч коренного населения окружили Новый город и ведут наступление на крепость, утверждали, что Советская власть, почти совершенно не имеющая вооруженной силы, не сможет устоять против такой массы. Тем, которые хотели защищать Советскую власть, они предсказывали жестокую расправу и т. д. Цель всех этих слухов заключалась в том, чтобы запугать население города и склонить рабочих к прекращению борьбы.

Улемистский переворот:

Утром 13 февраля в Коканд прибыла поддержка из Скобелева и Андижана общей численностью около 120 человек, а еще несколько позже из Перовска прибыло 80 человек. Таким образом, численность кокандского гарнизона, по сравнению с тем, что было всего лишь несколько дней тому назад, возросла довольно значительно.

Прибывший в это время в Коканд из Скобелева Дориомедов, при всей его ненависти к большевикам, пишет о защитниках Советской власти следующее:

> „В этот момент защитники крепости были действительно героями.
>
> Небольшая горсточка людей, отрезанная от всякой помощи со стороны, благодаря порче железнодорожных путей, телефонов и телеграфа, угрожаемая голодом, не спавшая уже несколько суток, окруженная хотя и плохо вооруженными, но бесчисленными и озлобленными врагами, постоянно получающая все более тревожные известия о своей полной отрезанности, о восстании всего населения, в ответ на все пред'явленные ультиматумы о сдаче отвечает сама ультиматумами, требующими капитуляции противников".

Хотя кокандская крепость в современном смысле не имеет никакого значения, хотя, располагая весьма незначительным

количеством артиллерии, ее можно взять совершенно свободно, для правительства Кокандской автономии, в распоряжении которой не было артиллерии, эта крепость приобрела громадное значение, так как население привыкло считать хозяином положения того, в чьих руках находилась крепость. Поэтому Чанышев напрягал все силы на то, чтобы овладеть крепостью. После ряда неудачных попыток захватить крепость силой, он пытался подкупить солдат гарнизона крепости, обещая свободный проезд на родину и даже денег на дорогу, но никто из защитников крепости на это не пошел.

Случайного характера переговоры между представителями Советской власти и представителями Кокандской автономии велись с самого начала Кокандских событий, но уже с 17-го февраля начались переговоры официальные. По предложению Ревкома, стремившегося по возможности оттянуть момент решительной схватки, чтобы дождаться подкреплений из Ташкента и Самарканда, на прибытие которых Ревком рассчитывал, правительство Кокандской автономии и поддерживавшие его организации прислали своих представителей и, таким образом, открылась мирная конференция, на которой присутствовало с нашей стороны 27 человек и со стороны правительства Кокандской автономии 24 человека.

Но не успела конференция приступить к деловой работе, как от Чанышева поступил ультиматум следующего содержания:

— „В Военно-Революционный Комитет. Не имея возможности сдержать массу, сильно возбужденную, если до четырех часов не будет об'явлено о сдаче крепости или иные мирные условия, народ прорвет плотину дисциплины, я не отвечаю за мирное еврейское и армянское население.

2 часа дня 1918 года.

г. Коканд.

Командующий мусульманскими войсками Чанышев".

Дело в том, что правительство Кокандской автономии, и в том числе Мустафа Чокаев и Чанышев, создав краевой Совет рабочих и дехканских депутатов, для того, чтобы иметь в нем связующее звено с широкими массами трудящихся, должно было считаться с его мнением. А Совет этот если не совсем, то по крайней мере в этом отношении, выражая действительное мнение народа, старался избежать бойни и разрешить вопрос мирным путем. Именно этим об'ясняется до некоторой степени нерешительная осада крепости и города. Под давлением того же Совета Чанышев и Чокаев согласились на посылку делегатов на мирную конференцию.

Но кроме этого давления слева на буржуазное правительство Кокандской автономии было еще другое давление, справа, со стороны улемистской группировки.

Эта последняя не хотела никакого примирения. Она требовала решительных действий, общего наступления на крепость и Новый город.

Когда Чанышев послал представителей на мирную конференцию, Иргаш, окруженный улемой, подзадориваемый ею и рассчитывающий на свою, хотя и плохо вооруженную, но многочисленную банду, потребовал от Чанышева прекращения переговоров и решительного наступления. Прижатый к стене улемой и начальником милиции из бывших бандитов Иргашем, Чанышев вынужден был согласиться. Так родился этот ультиматум.

Ультиматум этот был полной неожиданностью не только для представителей Советской власти, но и для большинства представителей Кокандской автономии.

Многие представители Кокандской автономии заявили, что, несмотря на этот ультиматум, переговоры вести нужно и что они искренно хотят мира.

Хаиталышский произносит горячую речь, призывая пролетариат, как русский, так и национальный, немедленно принять меры к прекращению кровопролития, от которого страдают исключительно пролетарии и бедные крестьяне. Он находит, что Чанышев превысил свои полномочия, пред'явив свой ультиматум от имени Совета рабочих и дехканских депутатов.

Решено было послать к Чанышеву делегацию, но не от имени мирной конференции и не от имени Советской власти, а от имени Краевого Совета рабочих и дехканских депутатов, большинство членов которого было в это время на конференции.

Кроме того, Чанышеву был написан тоже своего рода ультиматум от имени того же Краевого Совета следующего содержания:

„Краевой Совет рабочих и дехканских депутатов и воинов мусульман Туркестанского края требует от командующего мусульманскими войсками Чанышева немедленного взятия пред'явленного Военно-Революционному Комитету ультиматума обратно и установить нейтральную зону, следующую, начиная с угла Базарной и Комитетской улиц, около номеров „Россия" вдоль Сая до помещения фирмы „Треугольник" по правому берегу Сая, или же вообще немедленно отодвинуть войска назад.

В противном случае переговоры вести невозможно.

Подлинное подписали: Федоров и Хаиталышский".

В 10 ч. 30 м. 17 февраля заседание мирной конференции было прервано до получения ответа от Чанышева. Утром

18 февраля от последнего был получен ответ, в котором он давал согласие на ведение переговоров.

Иргаш, под влиянием улемы так упорно добивавшийся от Чанышева решительных действий, и до того почти не подчинявшийся своему „командующему войсками", решили теперь действовать самостоятельно.

Улема принимала все меры к тому, чтобы накалить атмосферу, чтобы до возможных пределов обострить развернувшуюся борьбу. В мечетях все время происходили моления и читались проповеди, в которых правоверные призывались к началу священной войны (газават).

В то же время улема внимательно следила за всеми действиями буржуазного правительства автономии.

Недовольная нерешительностью, которую проявляло правительство Кокандской автономии, возглавляемое Мустафой Чокаевым, и постоянными колебаниями полковника Чанышева, улема решила использовать момент для того, чтобы захватить в свои руки руководство движением.

Переворот произошел весьма быстро и легко. Иргаш, располагавший несколькими тысячами головорезов, хотя и очень слабо вооруженных, но слепо ему подчиняющихся, арестовал военного министра Чанышева и некоторых других министров. Затем были арестованы русские офицеры, находившиеся в отряде полковника Чанышева. Самому Мустафе Чокаеву и некоторым другим членам его правительства удалось бежать. Уже за городом, в одном из кишлаков, Чокаев был задержан дехканами и едва не был отправлен в Коканд, но случайно встретивший арестованного дехканами бывшего премьер-министра прежний его знакомый помог Чокаеву бежать.

С момента падения прежнего буржуазного правительства Кокандской автономии Мустафы Чокаева вся полнота политической власти внешне перешла к Иргашу, а фактически—к союзу „Улема", руководители которого все время стояли за спиной Иргаша и действовали им, как марионеткой.

Политическая программа правительства Иргаша после улемистского переворота за весьма короткий срок своего существования не успела выявиться с достаточной полнотой. Но уже то обстоятельство, что улема пыталась об'явить Иргаша кокандским ханом, указывает на то, что после улемистского переворота Кокандская автономия скатилась до самой крайней реакции. Дальше уже итти было некуда.

Улемистский переворот внутри Кокандской автономии имел громаднейшее значение в смысле влияния его на ход развертывания дальнейших событий.

Туркестанская национальная буржуазия была весьма молода и слаба, нити ее экономического влияния еще недостаточно опутали широкие массы дехканства. Поэтому у нее было достаточно силы на то, чтобы начать контр-революцию, но нехватало сил для того, чтобы довести до конца...

Что же нового внес улемистский переворот в соотношения классовых сил?

Буржуазное правительство Мустафы Чокаева отражало собою интересы промышленной буржуазии. После улемистского переворота лидеры промышленной буржуазии частью были арестованы, а частью вынуждены были бежать.

Весь же слой промышленной буржуазии и та часть торговой буржуазии, которая обслуживала туркестанскую промышленность и, следовательно, была под ее идеологическим влиянием, отошел от движения и занял позицию нейтралитета.

Другая часть торговой буржуазии, находившаяся под идеологическим влиянием улемы, перешла на ее сторону и стала поддерживать Иргаша.

Значительно труднее охарактеризовать позицию дехканства. Выше мы уже говорили, что дехканство было недовольно Временным правительством Керенского, но после Октябрьской революции оно в массе своей активно не выступило на сторону Советской власти. В этот период происходило своего рода „самоопределение“ дехканства. Часть его становилась на сторону Советской власти, а другая часть все еще оставалась на положении „свидетеля“ происходившей вокруг борьбы, но во всяком случае активным сторонником Кокандской автономии при правительствах Танышпаева и Мустафы Чокаева оно не было.

Для характеристики отношения дехканства к Кокандской автономии приведем показания участника этой автономии Махдия Чанышева:

> „Здесь необходимо сказать о том, что временное правительство Туркестанской автономии перед народом не пользуется никаким авторитетом и не имеет никакого влияния. Поэтому и в случае передачи ему вооруженных сил, оно не сможет водворить порядок. Против русских у мусульман враждебности нет“ *).

Процесс классового самосознания должен был ускориться улемистским переворотом. Часть дехканства, наиболее эксплоатировавшаяся и хлопковыми предпринимателями и ростовщическим капиталом, еще более ясно осознала свое положение и свои интересы. Другая же часть кулацкая, наиболее близкая к духовенству и вообще старым феодальным

*) Газета „Улуг Туркестан“ № 68 от 3 марта 1818 года.

слоям, стала на сторону нового улемистского правительства Иргаша.

Некий Шарипов, который был во время переворота в Коканде говорит:

„Стремление Иргаша создать национальную вражду оказалось безрезультатным. Мусульмане остались в дружеских отношениях к русским".

Эти слова Шарипова свидетельствуют о двух вещах: во-первых, о том, что основная масса населения то-есть дехканство не пошло за Иргашем и, во-вторых, о том, что Иргаш пытался использовать в своих интересах национальный антагонизм.

Несравненно более определенна и ясна роль городских ремесленников. Весьма показательно в этом отношении выступление представителей Старого города в Ташкентском Совдепе 22 декабря.

В отчете об этом заседании, напечатанном в „Нашей Газете" говорится о том, что с агитацией за автономию выступал некто Ормелли, только что приехавший с кавказского фронта. И далее мы там читаем следующее:

„Выступившие затем мусульмане Ариф-джан и Мулла-бахрам заявили, что движение к автономии чисто буржуазное, ибо во главе его стоят баи и муллы, преследующие лишь свои интересы. Трудящемуся же народу нужно не автономии, а хлеба, мануфактуры и вообще улучшение материального положения. Протестуя против этого движения, они всецело на стороне Совета и готовы поддержать его всегда".

На том же заседании т. Черневский *) говорит следующее:

„Что трудовой мусульманский народ далеко не приветствует автономию, доказывается хотя бы тем, что мусульмане, входящие в состав Совета Рабочих Депутатов, просят им помочь в их борьбе со своей буржуазией, ставшей во главе движения. Вообще трудовой мусульманский элемент не участвует в движении, *и один из представителей этого движения даже арестован буржуазией*" (курсив мой—П. А.).

Этот последний факт весьма интересен. Он с достаточной убедительностью говорит о том, что еще во время правительства Танышбаева и Чанышева городские трудовые слои коренного населения были настолько серьезно настроены против буржуазной контр-революции, что помимо всевозможных агитационных приемов буржуазии приходилось прибегать к помощи террора.

*) Черневский—эс-эр, б. чиновник, играл весьма подозрительную роль в Январьских событиях в 1919 г.

Еще более решительно стали городские трудовые слои коренного населения на сторону Советской власти после улемистского переворота. В Фергане даже правое крыло „Союза трудящихся мусульман“ снова перешло на сторону Советской власти. Точно также и в Самарканде.

В начале Кокандской автономии союз „Иттифак“, вообще державшийся более правой ориентации, чем „Союз трудящихся мусульман“, почти целиком стал на сторону Кокандской автономии. На одном из собраний союза „Иттифак“ была принята резолюция, в которой он решительно выступает против Советской власти. Но улемистский переворот резко изменил позицию союза „Иттифак“, — несмотря на все свои соглашательские тенденции, он не мог и не стал поддерживать самую крайнюю реакцию, возглавляющуюся улемой и осуществляющуюся Иргашем.

Так, т. Билик в своих воспоминаниях „Октябрь в Самарканде“, напечатанных в 6 книге „Коммунистической мысли“ пишет следующее:

> „Несмотря на контр-революционное выступление Кокандской автономии, несмотря на провокацию и угрозы со стороны Бухары... деятельность „Иттифак“, как массовой организации, деятельность „Иттифак“ в Совете сначала в городском, а затем в областном, роль, которую играл „Иттифак“ в организации Советов в старом городе Самарканде, роль его членов в обложении местной буржуазии контрибуцией, ясно показывает, что „Иттифак явился силой, значение которой никак нельзя преуменьшать, а тем более игнорировать“.

Таким образом, мы видим, что улемистский переворот произвел решительную передвижку общественных сил: промышленная буржуазия, как реальная сила, временно отошла в сторону, ремесленники, об'единявшиеся „Союзом трудящихся мусульман“ и союзом „Иттифак“, более решительно стали поддерживать Советскую власть и лишь часть торговой буржуазии перешла на сторону улемы. Все это вместе взятое было не чем иным, как началом разложения контр-революционного движения изнутри.

Разгром Кокандской автономии.

К этому времени руки советского командования в Туркестане были развязаны ликвидацией казачьей авантюры в Самарканде. Хотя это обстоятельство и не освободило особенно много воинских сил, но оно позволило произвести мобилизацию рабочих в Ташкенте без особого риска для последнего получить удар с тыла.

В ночь с 18 на 19 февраля из Ташкента стали прибывать эшелоны с воинскими частями и наспех вооруженными таш-

кентскими рабочими во главе с военным комиссаром Перфильевым.

Переговоры в это время все еще продолжались, но с каждым часом затягивались все более и более. Улемистский переворот внутри Кокандской автономии привел к тому, что сама делегация противника не могла договориться об условиях мира.

Перфильев, принявший на себя командование всеми сосредоточенными в Коканде советскими войсками и вооруженными рабочими отрядами, пришел к выводу, что ожидать конца мирных переговоров не приходится, что нужно силой оружия ликвидировать банды Иргаша.

В 10 часов 15 минут 19 февраля советское командование пред'явило Иргашу ультиматум, в котором предлагало сложить оружие к известному сроку. Мирная конференция прекратила свои заседания. Все с напряжением ждали ответа Иргаша.

Срок ультиматума истекал в 1 час дня. В 12 часов 45 м. был получен ответ Иргаша, в котором он отказался выполнить пред'явленные советским командованием требования.

В 1 час дня начался артиллерийский обстрел Старого города, который с перерывами продолжался до темноты.

Утром 20 февраля началось наступление пехоты на Старый город, при чем советские войска почти не получили никакого сопротивления. Банды Иргаша при первом же появлении наших войск немедленно же отступали. Большая часть иргашевской шайки, припрятав у своих знакомых оружие, просто пряталась, где кто мог. Сам Иргаш с началом наступления нашей пехоты, видя свое бессилие отразить наступление, бежал из города с небольшим отрядом. Все старания наших частей разыскать его не дали никаких результатов.

Несколько слов о моментах, на которых впоследствии сильно играла контр-революция.

В наступлении на Старый город принимала участие боевая дружина армянской националистической партии дашнакцутюн, которая в то время внешне признавала Советскую власть и которую в то время мы считали своим союзником.

Войдя в Старый город, дашнаки, вместо того, чтобы вылавливать вооруженных джигитов Иргаша, занялись поголовным грабежом мирного населения. Зараженные провокаторским примером дашнаков грабежом занялись даже некоторые красногвардейцы и рабочие.

Здесь наша ошибка заключается в том, что мы допустили союз с дашнаками, буржуазно-националистической организа-

цией. Второе — мы не смогли против начавшихся грабежей Старого города принять своевременно соответствующих мер.

После бегства Иргаша из Коканда к советскому командованию явилась делегация из Старого города, предложив снова начать мирные переговоры. 21 февраля снова началось заседание мирной конференции, которая очень скоро пришла к соглашению. Вот текст этого соглашения:

„В виду того, что после вооруженного столкновения, вооруженные силы так называемого Временного правительства Автономного Туркестана были разбиты и рассеяны революционными войсками, мирное же население изъявило полную покорность и желание подчиниться власти Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, мирная конференция, заседавшая в г. Коканде, по Розенбаховской улице, в здании Русско-азиатского банка в заседании своем 22 (9) февраля 1918 года в составе... (далее идет перечень участников конференции, которые мы для краткости опускаем—П. А.) пришла к следующему мирному соглашению:

1. Население, как мусульманское, так и русское, не имеющее письменного разрешения Советской власти, обезоруживается.

Отобранное оружие сдается в места и сроки, указанные командующим войсками Ферганской области.

2. Население признает власть Краевого Совета Народных Комиссаров и все местные советские учреждения.

3. Население обязуется выдать властям всех известных ему организаторов происшедших кровавых событий, а также главарей и участников вооруженных шаек.

4. Тайный ввоз оружия в край и его распространение среди населения признается актом подготовки к вооруженному восстанию и будет караться по всей строгости революционных законов.

5. Население по требованию военной и советской власти всеми силами способствует восстановлению железных дорог, телеграфов и их охране и вообще восстановлению нормальной жизни.

6. Краевой Совет Народных Комиссаров оказывает помощь беднейшему населению, пострадавшему во время гражданской войны.

7. Действие сего соглашения распространяется на весь Туркестанский край".

Так кончилась начатая об'единенной буржуазией Кокандская автономия. Затея эта лопнула, как мыльный пузырь. Но прежде, чем умереть самой, Кокандская автономия успела вызвать к жизни новую силу—басмаческие шайки Иргаша, которые в свою очередь послужили началом нового контр-революционного движения в значительной мере превосходящего по своему размеру все это кокандское автономистское движение.

Перечень литературных источников, использованных автором:

1) „Красная летопись Туркестана“ № 1—2. Издание Туркгосиздата 1923 год. 2) Газета „Знамя свободы“ за 1917 год и 1918 год. 3) „Наша Газета“ за те же годы. 4) Газета „Туркестанский курьер“ за те же годы. 5) Газета „Улуг Туркестан“ за те же годы. 6) Газета „Вакт“ за 1917 год.

Хронология

Кокандской автономии

6— 7 декабря.—Ферганский областной с'езд Советов.
9—11 „ —IV Чрезвычайный краевой мусульманский с'езд.
11 „ —Об'явление кокандской автономии.
21—24 „ —Всетуркестанский с'езд социалистов-революционеров в Коканде.
27 „ —Демонстрация в Ташкенте.
12 февраля.—Нападение на кокандскую крепость.
12 „ —Организация Военно-революционного Комитета в Коканде.
13 „ —Прибытие в Коканд подкрепления из Скобелева и Андижана.
13 „ —Первые переговоры с правительством кокандской автономии.
14 „ —Вторые переговоры с правительством кокандской автономии.
14—16 „ —Попытки Иргаша атаковать крепость.
15 „ —Решение Скобелевского Совета Городской Думы выслать в Коканд мирную делегацию.
17 „ —Прибытие мирной скобелевской делегации в Коканд.
17 „ —Открытие мирной конференции.
17 „ —Пред'явление Чанышевым ультиматума.
18 „ —Улемистский переворот.
19 „ —Прибытие Ташкентского отряда в Коканд.
19 „ —Пред'явление ультиматума штабом советских войск.
19 „ —Начало бомбардировки Старого города.
20 „ —Бегство Иргаша из Старого города.
22 „ —Подписание мирного договора.

№ 1622—6*.

П. Галузо.

Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими.

Если принять за критерий периодизации истории национальной борьбы в Средней Азии расстановку классовых сил, то всю историю этой можно разделить на 4 больших периода. Период первый—это эпоха завоевания. Он, если исключить из изложения Туркмению, укладывается в хронологические рамки с начала 20-х и до конце 70-х годов XIX века; период второй—от завоевания и до Андижанского восстания 1898 г.; период третий—от Андижанского восстания и до восстания 1916 и период 4-й—революция 1917 года.

В настоящем очерке будет дан беглый обзор национально-освободительного движения в первый из указанных периодов. При этом очерку ставится единственная и очень скромная задача—дать более или менее систематическое изложение событий национально-освободительной борьбы этой эпохи с соответствующей оценкой этих событий. Ни на изложение истории завоевания, ни даже полноту анализа всего того сложного переплета национальной и классовой борьбы описываемого периода, который мы имели в это время, очерк совершенно не претендует.

I Первый период.

А. Султаны Касым и Кенисара.

Первое, что нас особенно должно интересовать, это эпоха борьбы киргиз-казаков под предводительством султана Касыма, а затем его сына Кенисара.

Начало движения падает на 20-е годы XIX века. Его причиной был административный зажим со стороны русских, стеснение самостоятельности казакского народа, принижение роли казакской знати и стремление русских постепенно превратить эту знать в винтик государственного аппарата царской России.

Когда Средняя и Малая орды казакского народа в 1732-34 годах приняли русское подданство, это еще не было колониальным подчинением казаков России. Ханы этих орд Абдул-Хаир (Малая орда) и Шемяка (Средняя орда) просто искали покровительства у более сильного царя—царя русского —против своих соседей. При этом, если Шемяка в своем решении быть под властью русских колебался, то Абдул-хаир попытался использовать и использовал свои связи с Россией для укрепления своей власти, для создания, если можно так выразится, централизованной казакской монархии. От России он получил право считаться единственным ханом казакского народа и передавать свой престол по наследству, что было для казакской степи того времени большим новшеством.

Уже в этом были заложены истоки борьбы киргизской знати против хана. Простая борьба мелких феодалов против централизации ханской власти переростала в борьбе против надвигавшихся с севера русских. Но борьба эта не приняла сколько-либо заметной окраски нац.-освободительной борьбы до тех пор, пока подчинение казакских ханов России не потеряло окончательно своих феодальных черт, черт подчинения вассального.

Поворотом в этом отношении был устав Сперанского 1822 г. по управлению киргизами. Ханская власть по этому уставу была совершенно уничтожена, степь разделена на 3 полосы, которые были вручены султанам-правителям. Эти же последние из вассалов были превращены в простых русских чиновников. Им даже были приданы отряды русских казаков по 200 человек для воздействия на своих подчиненных „в русском духе“.

1824 год—год введения в действие устава был, таким образом, поворотным годом в политике России по отношению к казакской степи. С этого времени степь в подлинном смысле этого слова начинает „прибираться к рукам“. Непосредственной реакцией на это и была первая волна восстания киргиз-казаков под руководством султана Касыма с 1824 по 1837 год.

„В сентябре 1824 года Касым Аблайханов писал генералу Капцевичу, требуя уничтожения приказов и удаления русских отрядов из степи“ *)—так характеризует официальный источник требования Касыма в начале его восстания.

*) Полковник А. Г. Серебренников „Туркестанский Край“. Сборник материалов для истории завоевания. Изд. 1914 г., стр. 9, „Записка о действиях султана Канисары Касымова“.

То, против чего протестует Касым, как-раз и было основными щупальцами проникновения русских в степь—отряды войск и чиновный аппарат власти. Борьба Касыма была борьбой против нового порядка управления в степи, за старое вассальное подчинение казак-киргизских ханов России, за порядки, которые были, по выражению другого документа, „при Аблай хане", т.-е. в конце XVIII века.

Борьба Касыма с перемежающимся успехом и поражением длилась вплоть до конца 30-х г. г., до гибели его двух старших сыновей—Саржана и Исенгельды (в 1836 г.), а затем и его самого (1840 г.).

Гибель их, однако, чрезвычайно показательна. Она вскрывает новую и очень важную черту во всей истории его борьбы, черту, которая имела колоссальное значение и потом в истории борьбы его сына Кенисары и несколько меньшее значение в борьбе внука Садыка.

Касым и его сыновья погибли от руки номинально подвластного Коканду ташкентского правителя Беглер-Беги. „Беглер-Беги, предполагая, что султаны Сарджан и Исенгельды (поступившие к нему на службу с целью воспользоваться в его влиянием для своих целей П. Г.) никогда не будут преданными ему людьми, а напротив, только возмутят и перетянут на свою сторону местных киргизов, которые не преминут принять их сторону, как потомков Аблай-хана, злодейски убил их в городе Аулиеата. В то же время был захвачен и убит Касым-хан", *)—так расценивает этот момент в своей биографии Кенисары и Садыка сын Кенисары Ахмет. Мотивы убийства, таким образом, принадлежат к мотивам чисто феодального порядка.

Кокандский хан и его получиновник, полувассал ташкентский правитель убили претендентов на об'единение киргизского народа под своею властью в одну державу, убили своих феодальных соперников, которых трудно было превратить в вассалов.

Наличие борьбы Касыма и ташкентского бека, как и сама гибель его старших сыновей, свидетельствует нам о характере тех задач, которые стояли перед Касымом. Отстаивать независимость киргизского народа от русских и в то же время, с другой стороны, об'единить разрозненные роды киргизов в единую всекиргизскую самостоятельную державу при сопротивлении этому своих более сильных средне-изиатских соседей, хотевших вассального подчинения киргиз,—вот та двуединая и, я бы сказал, непосильная задача,

*) Султаны Кенисары и Садык. Ташкент, 1889 г., стр. 4.

которая совершенно четко обрисовалась пред султаном Касымом. И это очень показательно, что борец против русских погиб не в борьбе с русскими, а в борьбе со своими феодалами-соседями за об'единение всех киргиз для борьбы с русскими. Непосильной оказалась не только борьба против русских, но даже борьба за возможность организовать эту борьбу.

Со смертью Касыма его дело продолжал его сын Кенисара. Собранием родичей Средней и Малой орды он был провозглашен казакским ханом *).

„С этого времени Кенисара стал называться ханом. Он надеялся, что русский царь предоставит управление киргизами ему и заключит с ним такой же договор, как и с Аблай-ханом. Кенисары желал и надеялся, что, опираясь в тылу на Россию, он отомстит Коканду за убийство отца и своих братьев, отделит от Коканда большую орду и даже завоюет это ханство. С расчетом завести сношение с русскими он перекочевал на низовья р. Иргиза ближе к г. Оренбургу. Но цель не была достигнута. По распоряжению генерал-губернаторов Оренбурга и Омска, с оренбургской и сибирской линий выступили отряды для поимки Кенисары хана. Тогда волей-неволей хану опять пришлось сражаться против России“ **).

В этом отрывке с полной четкостью рисуются те задачи, которые стали пред Кенисарой с самых первых дней его полулегального ханства. Он, как и его отец до него, стоял за вассальное подчинение России, за такого рода подчинение, которое было в конце XVIII века (при ханстве его деда Аблай-хана), он как подлинный феодал полагает, что опершись на такого могучего сюзерена, как Россия, он сможет победить своего соперника, сможет отделить от Коканда Большую орду, и тогда все три орды киргизского народа будут в его власти и он останется единым всекиргизским ханом.

В этом смысле он и обратился в сентябре 1840 года со своею программною „нотою“ к русскому царю.

„Сим покорнейше об'ясняем, что во времена деда нашего хана Аблая, именовались: государь старейшим братом, а хан Аблай—младшим; также в свое время и дядя наш, хан Вали,

*) Точно установить дату этого провозглашения очень трудно. По официальным источникам это произошло после 1841 г., свидетельство же „биографии“, написанной Ахметом Кенисариным, заставляет думать, что это было значительно раньше, но первое время этот факт держался в секрете.

**) „Султаны Кенисары и Садык“, стр. 8-9.

был младшим братом царя; но в наши времена ваше величество равно признаем мы нашим государем,—и потому, если соизволите принять нас в меньшие братья, то и мы признаем вас старейшим братом. А как пребывающие в Сибири генерал-губернаторы и генерал-майоры, насильно присвоив себе подведомственных нам, еще со времен деда нашего хана Аблая, киргиз, водворили на нашей земле диваны (округи), то мы, признавая это не за царскую волю, а собственно за самовольство генералов, сражались, дрались, с находящимися в Сибири русскими людьми*).

Округа, внедрение русской администрации, превращение киргизской степи в одну из губерний „единой" царской России—это для Кенисары неприемлемо. Остаться же на правах „младшего брата", то есть, подчиненного, находящегося под покровительством вассала—это для него совершенно приемлемо, за это он борется. Дальше этого, в случае успешности борьбы „герой" киргизского народа, очевидно, никогда не пошел бы**).

Но у России были расчеты совершенно иного порядка. Она, конечно, не могла отступить ни на один шаг в своей линии на все более и более прочное подчинение киргизской степи русской администрации. Из этого же вытекало, что: „создавать в киргизских степях сильного государя, который мог подчиняться только номинально, было бы большой ошибкой: это шло бы в разрез с задачами русского правительства на этой окраине. Кенисары был об'явлен бунтовщиком и подвергся сильному преследованию" ***).

Да. „Кенисара был об'явлен бунтовщиком". „Волей неволей—повторяем конец приведенной выше цитаты—хану опять пришлось сражаться против России".

Сражался впрочем скорей не хан против России, а Россия против хана, при чем не столько сражалась, сколько гонялась за убегающим ханом, отбивала у него скот и грабила имущество. Ведь двигался то в Туркестан в эту эпоху не промышленник, а „первоначально накопляющий" торговый капитал. Не рынок и сырье для промышленности здесь искали в это время, а возможность „накоплять" при помощи прямого грабежа.

*) Полковник Серебренников. „Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края", т. II, стр. 225.

**) Очень характерно для феодальной идеологии Кенисары, что в конце документа он, как настоящий феодал, даже угрожает: не примешь, мол, „то мы удалимся в Ургенч (в Хиву)". Хочешь, мол, получить вассала—бери, иначе мы найдем другого сюзерена.

***) „Султаны Кенисары и Садык". Примечание редактора, стр. 9.

Таких грабежей сам Кенисара за период с 1825 по 1841 год насчитал 15 с точным указанием места и времени, а в большинстве случаев и фамилии начальника отряда. Но его данные были далеко неточны. Например, за 1839 г. Кенисарой не указан ни один случай грабежа, а, между прочим, в донесениях о действиях русских отрядов в степи упоминается 7 случаев. За 1840-й год Кенисара перечисляет 3 случая, а по тем же донесениям их было 4.

При этих грабежах тысячами угонялся скот, дочиста расхищалось все мало-мальски ценное в домашнем скарбе.

Все эти налеты лицом к лицу ставили русских хищников и казакскую скотоводческую массу. Избавление от русского хищничества превращалось поэтому в общенациональную задачу казакского народа. Кенисара, ставивший себе, как видели, достаточно узкие политические задачи, задачи, в общем не выходившие за рамки собственных интересов и интересов окружавшей его знати, в силу того обстоятельства, что он все же боролся против русских хищников, превращался в общенационального героя. Об'ективно своей борьбой он отражал интересы всей нации.

В 1839 и 40 годах одна за другой посыпались экспедиции в степь в погоню за Кенисарой. Грабежи этих экспедиций и бои с ними сильно подорвали не только внешнее могущество, но и личное благосостояние Кенисара. Это обстоятельство особенно рельефно показало, что для борьбы с русскими у Кенисары слишком ничтожны силы, что для того, чтобы получить хотя бы ничтожные возможности что-то противопоставить России, нужно сначала решить вторую задачу из двух, ставших еще перед Касымом задач: об'единить киргиз, создать единую централизованную всекиргизскую или хотя бы только казакскую державу. Но приступить серьезно к решению этой задачи нельзя было, не выключив себя из борьбы с Россией. В 1841 году Кенисара поэтому старается это сделать и на время достигает цели. Он прежде всего сбавляет тон. В переписке с оренбургским генерал-губернатором в 1841 году он уже не пред'являет своих максимальных требований. Он просто жалуется на грабежи со стороны сибирского генерал-губернатора, указывает, что единственная причина борьбы против русских—это грабежи, и просит прекратить их и возвратить пленных, а взамен обещает полную покорность.

Оренбургский генерал-губернатор Перовский был, в противовес сибирскому генерал-губернатору Горчакову, сторонником мирной политики в степи. Это и дало возможность Кенисаре добиться себе прощения. Дело с Кенисарой Перов-

ским для Петербурга было изображено таким образом, что якобы его покорность не только успокоит степь, но и даст возможность использовать самого Кенисары для укрепления там русского влияния. Петербург, введенный, таким образом, в заблуждение Перовским и Кенисарой насчет подлинных намерений последнего, дал ему прощение.

Кенисара получил передышку. Этой передышкой он и воспользовался тотчас же для решения своей второй задачи.

Для борьбы с Кокандом в 1841 году он заключил союз с Бухарой. Победа Бухары в этом году была победой и Кенисары. И как только в этом направлении задача была решена, Кенисара опять приступает к об'единению казаков и киргиз под своей властью.

В 1842 году опять одна за другой начинают поступать жалобы на то, что Кенисара делает набеги на подвластных России киргиз-казаков. В то же время совершенно ясно обнаруживается его стремление всячески поддержать мирные отношения с русскими, показать, что он покорен, слово держит.

Причины этих набегов на подчиненных России сородичей очень ярко вскрываются в следующем письме Кенисара к подвластным России биям, посланным им летом 1843 года.

„Храброго, победоносного, отца величия, Кенисары хана биям: Байтюре, Бачику, Кызылу, Айчундыю, Сулейману, Каракучеку и прочим почетным ордынцам Назаровского отделения. По воле всевышнего состоит на вас кровь некоторых человек наших. Раскайтесь в этом деле, признайте меня ханом, будьте моими; я хочу сблизиться с вами; вы не побоялись бога, не почли покойников; ваши поступки показали Тлявовцев. Ежели раскаетесь в делах ваших, то пусть лучшие из вас прибудут ко мне. Я много милостив к вам. Ежели не явитесь, то я, прожив в ожидании вас 30 лет, 30 же лет буду карать вас. Надеюсь на бога. Посылаю к вам слугу своего Бавбука; верьте словам его“ *).

Письмо послано после набега Кенисары на упомянутый в нем род Тлявовцев. По терминологии автора это не набег, а наказание за непокорность всеказакскому хану. Кенисары требует от биев признать его ханом и прислать своих послов. Неисполнение влечет за собой великие кары.

В другом же письме такого рода, относящемуся к 1845 году, он пишет: „Если же вы признаете нас ханом своим, то отдавайте дани и дары ваши, тем и покажете преданность вашу“ **).

*) Полк. Серебренников, цитир. сборник, 1842, 1843 г., стр. 172.

**) Там же 1844, 1845 и 1846 г., стр. 59.

Совершенно ясно, что все набеги Кенисары на своих сородичей вовсе не являлись простой барантой, как это изображается в русских официальных документах и официальной литературе. Это было стремление об'единить всех киргиз-казаков под своей властью, создать великую всеказакскую и киргизскую державу. Кенисары, несмотря на покорность русским, несмотря на прощение, не отказался от этой своей задачи и на этом пути с неизбежностью опять столкнулся с Россией. В начале 1843 г. вновь начинаются военные действия против него в степи.

Кенисары терпит опять поражения и разграбления. Русские же в то же время надвигались все дальше на юг, строя укрепление за укреплением.

„Киргизов, кочевавших в то время с ханом Кенисарой, было около 20.000 кибиток. Видя, что народ умножается день ото дня, а пространство кочевий, вследствие постройки в степи русских укреплений, сузилось и кочевать стало тесно, Кенисара задумал сблизиться с китайским ханом. Кроме того, у него была еще следующая цель: упрочившись где-нибудь и оперев тыл на какую-нибудь сильную державу, подчинить себе всех киргиз“ *).

Несмотря на поражения и на сильное вследствие этого ослабление, и к середине 40-х годов цель у Кенисары осталась старой. Только выполнить он ее своими силами не мог: потребовалась опять опора на сильного хана.

С целью сближения с Китаем, во-первых, и покорения кара-киргиз, кочевавших по реке Или и верховьям реки Чу, во-вторых, Кенисара и отправился в эту сторону в 1845 году.

Но бои с кара-киргизскими манапами Урманом, Карибусом и Джантаем в 1845—46 г. г. были его последними боями. Он потерял здесь не только все свое войско и имущество, но и свою жизнь. Взятый в плен и переданный в распоряжение манапа Ходжамбека Таштамбекова, который мстил ему за гибель в боях с ним своих двух братьев, Кенисара погиб ужасной смертью. „Манап Таштамбеков получив пленника, жестоко отомстил ему за смерть братьев: он отрезал у султана Кенисары Касымова нос, вырвал правый ус, затем, после целого ряда пыток снял голову, вложил ее в распоротый живот замученного“.**)

И Кенисара, как и его отец Касым, погиб не в непосредственной борьбе с русскими, а в борьбе за об'единение всех

*) „Султаны Кенисары и Садык“, стр. 12.

**) К. Степняк „Материалы к истории султана Кенисары Касымова“, изд. 1023 г., стр. 10.

киргизов под своей властью, т.-е. в конечном итоге при подготовке широкой организованной борьбы с русскими.

История киргиз-казакского и кара-киргизского народов сложилась так, что процесс об'единения их в одно централизованное государство еще не закончился, как уже на них надвинулась Россия. Пред борцами за его самостоятельность в первой половине XIX века стояла поэтому непосильная задача: об'единить, отбиваясь от русских, об'единить, чтобы лучше отбиться от русских. Период с начала XVIII и до начала XIX века, еще был периодом, когда казалось, что в своих об'единительных стремлениях ханской власти в киргизской степи можно опираться на русских. Но XIX век принес стремления русских превратить степь в свою колонию, об'единительные тенденции здесь столкнулись с этим стремлением. Герои борьбы за двуединую задачу—об'единить и отстоять самостоятельность—погибли под непосильной ее тяжестью.

Со смертью Кенисары борьба в такой широкой постановке, в какой она ставилась этим последним, фактически прекратилась, поскольку с его гибелью погибли последние зародыши всекиргизской центральной государственной власти. Не нашлось сил, да и возможности, поскольку русские слишком глубоко проникли в степь, чтобы вновь воскресить вопрос о единой центральной государственной власти. Но зажим централизованной русской власти оставался зажимом. Русское государство все сильнее и сильнее давало себя чувствовать. Эта причина волнений в степи оставалась, мы имеем поэтому и после Кенисары все новые и новые вспышки вооруженной борьбы против русских.

Б. Восстание Джан Гуджи Нурмухамедова.

Ближайшей вспышкой борьбы этого рода было восстание сыр-дарьинских киргиз-казаков под руководством манапа Джан Гуджи Нурмухамедова—в 1856-57 году. Оно наступило примерно через 10 лет после окончания борьбы Кенисары, но, как и борьба этого последнего, оно было ближайшей реакцией на изменение порядков в степи в связи с проникновением русских: Ак-мечеть (Перовск) была занята в 1853 году, а восстание Джун Гуджи в его окрестностях вспыхнуло через 3 года. Достаточно было 3-х лет власти русских над сыр-дарьинскими казак-киргизами, чтобы они были доведены до крайности.

Господином на Сыр-Дарье в течение этих трех лет оказался типичный герой первоначального накопления „состоящий при чиновнике министерства иностранных дел перевод-

чик Ахмеров". Его хищничество, насилия, поборы и целый ряд других злоупотреблений и были непосредственной причиной восстания Джан Гуджи.

Официальный документ заявляет, что „в злоупотреблениях Ахмерова нельзя сомневаться", а эти злоупотребления в том же документе перечисляются следующим образом:

„...Ахмеров оглашается (т.-е. надо читать „обвиняется" П. Г.).

1. Во взяточничестве с киргиз лошадьми за содействие к предоставлению им должностей по местному ордынскому управлению; так, например, за назначение бием выбежавшего из Хивы преступника киргиза Дюрткаринского рода Айткула взял с него аргамака, узду с серебряной насечкой, 30 баранов и 3 халата; за дозволение Кичкене-Чиклинцу Асанову отделения Сатыку Альди-Джакову прикочевать с аулами к Сыр-Дарье с него гнедого мерина и проч.

2. В самовольных распоряжениях по замещению ордынских должностей, устраняя от оных людей, известных своей честностью, и назначая их за подарки ордынцев неблагонадежных.

3. В сборе в свою пользу с киргиз хлебопашцев подати хлебом (усур).

4. В вымогательстве от киргиз лошадей и халатов по разным случаям.

5. В изнасиловании жен и девиц киргизских.

6. Во взыскании с киргиз кибиточной подати от 4 до 5 раз в год без выдачи квитанций и

7. В удержании в свою пользу денег, следовавших киргизам за поставку верблюдов для перевозки казенных тяжестей".*)

Все, что только можно придумать для героя первоначального накопления, „оперирующего" в только что занятой новой области, все это налицо в этом сухом и сжатом перечне. То, что развернулось потом „в общетуркестанском" масштабе, то мы можем наблюдать здесь в масштабе, так сказать, „ахмеровском".

Когда грянул гром, власти постарались всю вину свалить на „татарина": виновата, мол, не система, а татарское происхождение Ахмерова. Но нет, конечно, никакого сомнения, что художества Ахмерова были только особенно ярким проявлением системы. Нельзя допустить, чтобы к ним не были причастны и „чиновник министерства иностранных дел", при ко-

*) Дело Штаба Турк. Воен. Округа № 1—1856 г. Опись 26, пачка 12, л. 79—80.

тором Ахмеров состоял переводчиком, и еще кто-либо повыше. Если бы этого не было, „художества“ Ахмерова были бы известны и пресечены гораздо раньше, чем они довели до открытого восстания.

Восстание началось зимою 1856 г.

Для описания фактической стороны восстания дадим слово сотруднику „Туркестанских Ведомостей“.

„Только зимой 1856 года начались неприязненные действия, и шайки киргиз появились в окрестностях русских фортов на Сыр-Дарье, грабя и угоняя скот, сжигая запасы сена, саксаула, уводя в плен жителей, и т. п. В день рождества Христова 1856 года форт 1-й был совершенно окружен мятежными шайками. Генерал-майор Фитингоф поспешил на помощь осажденным с отрядом из 665 человек, при 3 орудиях и 1 ракетном станке, и 9-го января 1857 года при урочище Арык-Балык сошелся со скопищем Джан-ходжи. Киргизы живо атаковали слабый русский отряд; сам Джанходжа, с белым знаменем в руке, был впереди и воодушевлял нападающих. Но когда русский отряд, выдержав почти целый день натиск нестройной толпы, перешел, наконец, в наступление, киргизы не выдержали и рассеялись. Поражение мятежников было полное, и киргизы не скоро оправились после этого удара. Мятеж Джан-ходжи стоил им многих убитыми и ранеными; много погибло в степи от голода и разных лишений, и кроме того, отбито было при поисках и преследовании шаек до 21.365 голов скота.

Приверженцы Джан-ходжи удалились после того на левый берег Сыр-Дарьи, между низовьями Куван-Дарьи и Яны-Дарьи, и не имели уже никакой силы и значения. Здесь престарелый батырь Джан-ходжа был убит в 1860 году своим врагом, султаном Ирмухамедом Касимовым, напавшим на его аул совершенно неожиданно“*).

И здесь знатный вождь восстания погиб от руки знатного же своего соперника. Борьба феодалов между собою положительно довлела над казакским народом в эпоху борьбы за свою самостоятельность против русских и мешала этой борьбе.

К этому сходству между борбой Кенисара и Джан-Гуджи прибавляется и другое сходство: и Джан-Гуджи, как и предшественник, пытался искать покровительства и помощи у своих более сильных мусульманских соседей:

„Бий Алтыбаева и Кулукова отделений зауряд хорунжий

*) „Турк. Ведомости“, № 3—1871 г. ст. М(аева), „Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 г.“.

Улбубек Таимов сего же числа пред'явил, что этот самый Джан Гуджа Нурмухамедов посылал к Хивинскому хану в первых числах сего месяца двух киргиз, прося помощи 2000 людей; на это Хивинский хан с возмутительными словами прислал тоже от себя 2 послов к Нурмухамедову, чтобы сей последний сделал бы нападение на русскую крепость, и в случае неустойки его Нурмухамедова Хивинский хан вышлет прямо от себя в помощь войско столь, сколь понадобится Нурмухамедову" *). Так доносил сам Ахмеров еще 30 ноября 1856 г.

Своего обещания, если оно только было в таком виде, как сообщает об этом Ахмеров, хан не выполнил, но факт сношения все же остался фактом. Мы еще увидим потом и на других примерах, что мелкие вспышки борьбы подобно описанной, всегда искали и много раз находили себе поддержку у еще самостоятельных, еще непокоренных Россией ханов. Стремления Кенисары к всекиргизской державе превращали такого рода обращения в обращения хана, ведущего свою „самостоятельную" „внешнюю" политику иногда союзника, иногда соперника. Мелкие же вспышки, не имея этой политики, обращались просто за поддержкой, выдвигая идею, что в борьбе против неверных все мусульмане должны помогать друг-другу. Это уже зародыш лозунга „газават", как лозунг революции, который в своем полном виде впервые, насколько нам известно, в борьбе с русскими в Ср. Азии был выброшен только в 1866 году во время восстания в Самарканде.

Итак: восстание Джан Гуджи Нурмухамедова типично, как сравнительно мелкая вспышка, реакция на изменение порядков в степи после проникновения русских. Для него характерны поиски опоры у соседей—еще непокоренных мусульманских ханов.

Но если борьба Кенисары против „округов", т.-е. против закрепления всего управления степью в руках русского чиновного аппарата власти, имела свое продолжение в восстании Джан Гуджи, то другое звено его борьбы, борьба с отдельными манапами за подчинение их своей власти, осталась как борьба манапов и родовичей между собою. В том случае, когда эта борьба была борьбою между уже покоренными и еще непокоренными родами, в нее, конечно, вмешивались и русские. „Наказание" баранточей, нападавших на подчиненных России киргиз, было постоянным предлогом для все новых и новых экспедиций в степь.

*) Цитировано дело Штаба Турк. Военного округа № 1—1856 г. лист 11.

Приблизительно в это же время, когда развертывалась борьба Джан Гуджи, близь укрепления Верного имел место и пример такого рода борьбы. Шла борьба между неподвластными России родом Сарыбагиш и подвластным России родом Богу. Их нападения и грабежи друг друга были взаимными. Но русские, конечно, вмешались на стороне Богу. В 1856 году из Верного был назначен русский отряд в 125 ч., который в свою очередь „наказал" сарыбагишцев, отняв у них 2000 лошадей, 1000 штук рогатого скота и 3000 баранов.

Сарыбагишцы же с своей стороны на такого рода налеты отвечали мелкими нападениями на отдельных русских казаков или на маленькие группы. Борьба родовая сплеталась с борьбой национально-освободительной.

В. Адаевский бунт 1870 года.

Следующим по времени моментом нового под'ема национально-освободительной борьбы эпохи завоевания было восстание в Самарканде и связанное с ним восстание в Шахризябском бекстве Бухарского ханства в 1868 г. Но это восстание по своему характеру значительно отличалось от движения кара-киргиз и киргиз-казаков и очень близко приближается к восстанию в Коканде 1875—76 г. Тут целая новая полоса—ее описание мы сделаем несколько ниже, а сейчас продолжим описание борьбы киргиз-казаков. Здесь же хронологически очередным моментом является бунт киргиз-казаков адаевского рода на Мангишлакском полуострове в 1870 г.

Мангишлакский полуостров и кочевавший на нем адаевский род киргиз-казаков поступил в русское подданство еще в самом начале XIX века, а окончательно же русские закрепились там только в период от начала 30-х и до начала 40-х годов, когда было построено укрепление Александровское.

Первые десятилетия русского владения полуостровом род адаевцев, значительно обособленный от всех киргиз-казаков, пользовался большей или меньшей свободой. Он в значительной мере был даже волен сводить свои феодальные счеты со своими соседями туркменами и другими родами казак-киргизов, а против проникновения на берег Каспийского моря русских рыбопромышленников, стеснявших промысы адаевцев, они боролись грабежами и набегами на этих последних. Более или менее серьезно эти грабежи начали преследоваться русскими только с 40-х годов, когда укрепление Александровское уже было закончено. Но и после этого, до конца 60-х годов все же „вольность" адаевцев еще не была окончательно задушена. Наступил ей конец только после 1868 г., когда

была упразднена так называемая оренбургская пограничная комиссия, которая до этого управляла всеми киргиз-казаками, и киргиз-казакская степь была поделена между двумя вновь образованными областями: Тургайской и Уральской.

Это влекло за собой: во-первых, замену султанов-правителей и дистаночных начальников (существовавших, как помним, с 1824 года) русскими уездными начальниками, и во-вторых, увеличение кибиточного сбора с 1 р. 50 к. до 3 рублей. В новом положении, таким образом, было и дальнейшее оттеснение казакской знати от власти, снижение их роли, и увеличение к тому же эксплоатации киргизской массы.

Малая орда на это в 1869 году ответила волнениями. На следующий же год эта мера докатилась и до адаевцев и они ответили на нее восстанием 1870 года.

Первым приставом Мангишлакского полуострова в 1869 году был назначен полковник Рукин и ему еще в Оренбурге при назначении было приказано взыскать повышенный сбор даже не в 3 руб., а почему-то по в 3 р. 50 к. с кибитки и не только за наступающий 1870, но и за уже прошедший 1869 г. Он и об'явил об этом тот же час по своем приезде, а в марте 1870 года в сопровождении отряда казаков в 40 человек отправился в степь для учета кибиток и сбора податей.

Адаевцы встретили Рукина уже в 60 верстах от укрепления и заявили, что они не желают пустить его в степь. Когда же Рукин, несмотря на это, все же двинулся дальше, они окружили его отряд, отрезали путь отступления к форту, уговорили сдаться на милость и после сдачи весь отряд уничтожили (17 человек было убито, сам Рукин застрелился, остальные были уведены в плен). Это было началом восстания.

При этом очень характерно для адаевцев, что расправившись с Рукиным, они тотчас же набросились на рыбопромышленников в заливе Сарташ, а затем и вообще на рыболовные суда по всему побережью. Адаевцы сводили этим самым давнишние счеты с оттеснявшими их от побережья русскими рыболовами.

После расправы с Рукиным на полуострове против мятежников начались настоящие военные действия, адаевцы же в свою очередь об'явили газават—священную войну против неверных.

Операции по усмирению бунта продолжались до начала июня 1870 г. При этом старались воздействовать на бунтовщиков не только силою войск, но и блокадой. И адаевцы вынуждены были сдаться.

Когда в начале июня к приехавшему в Александровское укрепление князю Меликову (тогдашний кавказский наместник) явилась депутация с из'явлением покорности, то „При-

няв этих представителей, князь Меликов усмотрел из слов их и заявлений, что, с одной стороны, разновременные движения отряда вглубь степи, неожиданно быстрое появление наших войск в местах их привольных кочевьев и захват пленных и табунов, а с другой—прекращение всякой меновой торговли, невозможность приобретения хлеба и заработков у наших рыбопромышленников, одновременно с бедствиями, претерпеваемыми стадами их от недостатка кормов—убедили значительную часть мятежных адаевцев в невозможности укрываться от нас и привели их к сознанию, ради избавления себя и стад своих от конечного разорения и гибели, принести полную покорность правительству".*).

Положение адаевцев, как видим, было чрезвычайно тяжелое и они, поэтому, должны были согласиться на все поставленные им условия. Эти же последние заключили в себе не только требование полной покорности вновь назначенным начальникам и уплаты кибиточной подати за два года по 3 руб. 50 с кибитки в год, т.-е. то, против чего собственно и поднялось восстание, но и оплаты также убытков „купцов и поселян, подвергшихся грабежу и семейств тех из них, которые были убиты"**).

Это же вылилось в контрибуцию скотом на сумму 16.618 руб., что на 2.673 покорившихся кибитки составляло по 6 р. 20 к. на кибитку.

Но и после подавления восстания адаевцы еще не совсем успокоились. Показателем этого были новые волнения в январе 1873 г. Часть адаевцев попыталась перекочевать в Хиву, очевидно, с той целью, чтобы принять участие в борьбе Хивы против русских. И здесь пришлось русским применять вооруженную силу, чтобы остановить откочевку.

Как этот последний эпизод, так и откочевка адаевцев в пределы Хивы в ответ на действия русских отрядов в 1870 г., является показателем того, что и мангишлакцы в 1870-73г.г., как и Джан Гуджи в 1856 году, искали поддержки и в некотором роде покровительства у хивинского хана. Джан Гуджи еще не давал лозунга „газават". Мангишлакцы его уже дали. Этот лозунг и был в данном случае идеологическим обоснованием этих поисков прокровительства. Сам же по себе в изучаемый период борьбы в Ср. Азии лозунг священной войны против русских являлся отражением того факта, что здесь Россия противостояла всем народностям Средней Азии, как общий враг. Вражда ханства и родов между собою под напором русских постепенно отходила на задний план, на пер-

*) „Военный сборник" № 84—1872 г., стр. 37.
**) „Военный Сборник" №—84 1872 г., стр. 37.

вый же план выдвигалась необходимость общего об'единения всех народностей Средней Азии против общего для всех врага.

Газават, ставший в XX веке лозунгом совершенно реакционным, сейчас, в эпоху завоевания, был лозунгом революции и потому, что в нем содержался призыв борьбы против наступающих русских и потому, что он отражал необходимость об'единения всей Средней Азии для этой борьбы.

Г. Революционный под'ем 1871 г.

Волнениям Малой орды 1869 года и восстанию на Мангишлаке в 1870 г. соответствовало оживление движения в Семиречье и в Сыр-Дарьинской области.

Вот фактическая сторона этого оживления.

19 и 21 мая разграблены 4 почтовых станции Уральско-Казалинского тракта: Джулюсь, Каракудук, Джунгулюс-сор и Алтыкудук. При этом „совершенно уничтожены станционные домики, телеги сожжены, сбруя изорвана, лошади со станций уведены, кроме Джунгулюс-сора, которого хозяин Боща Урдубаев успел увести"*).

Нападение было сделано каракалпаками на первые две станции—19 и на вторые две—21 мая.

В конце мая казаевцы**) отогнали у наших киргиз близ р. Элишь 400 лошадей; четыре казака, сопровождавшие почту в каптайский отряд, бросились за хищниками, но в стычке двое из них были ранены"***).

„18 июня в ночь толпа барантачей ворвалась из китайских пределов в Борохудзарскую волость и отогнала у наших киргиз табун в 800 лошадей"****).

„В ночь с 14 на 15 сентября казаевцы отбарантовали 128 лошадей 2 Сибирской Конно-артиллерийской батареи, находившихся в табуне, в 15 верстах от станицы Лепсинской, где расположен штаб батареи"*****).

Всего, таким образом, за 1860 год было 4 случая крупной баранты. При этом две из них были направлены непосредственно против русских, две же других только после самой баранты привели к борьбе с русскими войсками. Этот

*) Дело Штаба Турк. Военн. окр. № 53—1869 г. Вост. арх. оп. 1 пачки, лист 2. Неправильное выражение в подлиннике.

**) Род киргиз, кочевавший в пограничной с Кульджой полосе.

***) Всеподданейший отчет штаба Турк. Военн. окр. за 1869 г. лист 76. Военн. арх. т. I, пачка XXIV.

****) Там же лист 76—77.

*****) Всеподданнейший отчет штаба Турк. военн. окр. за 1869 г., лист 78. Военн. арх. т. I, пачка XXIV.

отмеченный уже выше тип родовой борьбы, перераставший в борьбу с русскими.

Не прекратились такого рода набеги и в 1870 году.

В марте появилось несколько небольших групп барантачей в Задарьинской части Казалинского уезда. Эти же „волнения в Задарьинской степи отразились и на почтовом сообщении на берегу Сыра. В марте м-це произведены грабежи на самом почтовом тракте близ форта № 2. Для преследования хищников была командирована 13 Оренбургская сотня на Куван-Дарью и 50 казаков 5-ой Оренбургской сотни на самый тракт.

„В конце марта разбой в Задарьинской степи прекратился.

„С конца июля до конца октября почти непрерывно продолжались беспорядки и грабежи по Орско-Казалинскому тракту. Начальник Казалинского уезда несколько раз посылал отряды в эту сторону и только с наступлением зимы спокойствие на этом пути водворилось"*).

Кроме того, в Семиречье было зарегистрировано нападение „на помощника уездного начальника майора Здаренку, ехавшего на почтовых в Копал" **). Группа нападавших „состояла преимущественно из киргиз русского подданства, при чем доказано и участие подданных Кульджинского султана"***).

Но все перечисленные частичные волнения 1869—70 годов были только предвестником настоящего революционного подъема, несколько похожего даже на маленькую революцию, наступившего в следующем 1871 г.

В этом году попрежнему было очень неспокойно на Орско-Казалинском тракте. Здесь, повидимому, оперировали две или даже три партии барантачей. Одна из них при этом достигала 150 человек, остальные были поменьше.

Сильно оживились и набеги в Семиречье, в связи с восстанием таранчинцев и дунган в Кульдже, закончившиеся в конце концов занятием Кульджи русскими. Но самое интересное это то, что происходило в это время в самом центре Сыр-Дарьинской области.

Лучше всего рассказать об этом словами всеподданнейшего отчета:

„В истекшем году были открыты подстрекательства, обращенные к населению Сыр-Дарьинской области, с целью эксплоатировать мусульманский фанатизм и произвести внутренние беспорядки.

„В Перовском уезде появился ишан (святой) Шаглор, ус-

---

*) Всеподданнейший отчет за 1870 г. д. 71—72. Военн. арх. оп. 1 пачка XXIV.

) *) Всеподданнейший отчет за 1871 г., л. 52.

певший убежать в Буканские горы ранее, чем сделано было распоряжение о его поимке*). Означенный Шаглор, по донесению одного киргиза, еще с осени невдалеке от аулов проживал в своих собственных 11-ти кибитках со свитою в 50 человек и был известен чудесами—сам же выдавал себя за сына Кокандского хана. Донесший об этом сообщил, что за время бытности его в кибитке ишана шел разговор о том, что Садык (известный барантач, подданный Хивы) советует Ишану остаться между русскими кочевниками, приготовляя их к войне за веру, пригласив на помощь бия Умбета, почему и вручено ему было письмо к последнему от ишана. Умбет представил это письмо начальству. Вероятно, предуведомленный сообщниками о распоряжениях к поимке, ишан Шаглор убежал в Буканские горы.

„Весной был подослан к проживающему в Той-Тюбе бывшему Шахрисябскому беку Джура-бию киргиз с предложением от некоего ишана Иш-Магомета принять начальство над войсками, собираемыми против русских упомянутым ишаном. Джура-бий донес о предложении военному губернатору, который и приказал розыскать ишана Иш-Магомета, но поиски местной администрации были безуспешны. Наконец, в ночь на 1-е августа в бытность мою в г. Верном было донесение, что шайка грабителей в 60 человек, под начальством ишана, сожгла почтовую станцию Кара-су и убила остановившегося на ночлег сотника Колесникова, еще одного казака и одного ранила“**).

Таким образом, мы имеем здесь сразу два ишанских заговора. Первый, вследствие доноса, совершенно провалился. Второй, несмотря на донос, все же был доведен до восстания, хотя размеры этого последнего были чрезвычайно миниатюрны. При этом по своему характеру оба заговора чрезвычайно напоминают заговор Мин-Тюбинского ишана 1898 г. И там и здесь фигурируют „чудеса“ и ишанская популярность, и там и здесь—ночное нападение на русских, здесь на станцию, в 1898 г.—на казармы.

Сходные по характеру эти два восстания были несходны только размерами. Дукчи ишан, вождь восстания 1898 года, был значительно счастливее своего предшественника Иш-Магомета; его восстание, как никак, было восстанием массовым, восстание же Иш-Магомета, в конце концов, свелось по своим размерам к простой баранте.

Тем не менее все же необходимо отметить, что и заговор Иш-Магомета был задуман чрезвычайно широко.

*) „Ныне пойман“. Примеч. отчета П. Г.
**) Всеп. отчет за 1871 г., лист 65-66.

Следствие по этому вопросу обнаружило: во-первых „что подстрекательства на об'явление священной войны ишан получал из Коканда от предводителей кипчакской партии Нур-Магомета и Автобачи и что самый взрыв был рассчитан на неуспех экспедиции в Кульджу, а состоялся только из боязни, что напряжение к подговору было так усиленно производимо, что могло выдать зачинщиков русской власти. И во-вторых, что пропаганда одного Иш-Магомета длится более четырех лет, при чем он успевает в двух уездах—Кураминском и Чимкентском установить сеть своих сообщников, мюридов и и виде религиозного ордена с ишаном во главе, члены беспрепятственно прогуливаются по стране, прикрываясь странничеством по святым местам" *).

Связь с таким замечательным в своем роде борцом за национальную независимость Коканда, как Автобачи Абдурахман (о нем будет речь ниже), расчет на удар в тыл русским в случае их поражения в борьбе с кульджинской революцией, наконец, сравнительно широко развернутая пропаганда через сеть мюридов при общем росте недовольства в степи—все это сулило Иш-Магомету не так уж узкие перспективы, как это может показаться с первого взгляда. Если восстание не получило такого широкого размаха, как этого хотелось его вождю, то в этом в значительной мере был виноват донос и преждевременные, вследствие этого, действия. Главной же причиной были, конечно, „победы", а не поражения, как ожидал Иш-Магомет, русских в Кульдже. В случае поражения заговор Иш-Магомета в тылу, надо полагать, принес бы много хлопот русским властям.

Власти, конечно, жестоко расправились с инсургентами.

„Главные участники преступления, 5 человек, задержаны и казнены смертью расстрела, затем, другим пятерым заменена мною смертная казнь ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока, прочие на рудники на срок и на жительство в Сибирь.

„Ишан Иш-Магомет с двумя приближенными скрылся, по одним слухам в Кокандском ханстве, по другим—в Кашгарских владениях" **).

Так печально закончился широко задуманный план Иш-Магомета. Но то недовольство и факт революционных настроений, на которые пытался опереться Иш-Магомет и которые не удалось ему ввести в единое русло всеобщего восстания, все же проявились, хотя и в очень разрозненных, не свя-

*) Всеп. отчет за 1871 г., лист 67.
**) Там же, лист 67.

занных между собою выступлениях. Тот же отчет рассказывает еще и о следующем:

„В Чимкентском уезде был также случай явного неповиновения власти—в Задарьинской части (Кизыл-Кусы), которая ныне организуется в волости особо составленною для сего комиссией.

„Прикочевавший из окрестностей Буканских гор, полупокорный до того времени бий Утя-Тиляу заявил просьбу, чтобы из прибывших с ним киргиз составлена была отдельная волость. Когда ему в этом отказали, и волостной управитель прибыл для раскладки кибиточной подати, то бий Утя-Тиляу воспротивился сему, вооружив своих людей, чем мог. Для поимки возмутившихся послана была из Чимкента команда в 40 казаков 22-й Оренбургской сотни с сотником Ивановым, которая, выступив 18 мая, пройдя в 9 дней 495 верст, 27 мая настигла на урочище Бледжан-Нура шайку бия и после непродолжительной перестрелки, в которой киргизы потеряли 5 человек, бий Утя-Тиляу захвачен и доставлен в Чимкент.

„В Зеравшанском округе также появились разбойничьи шайки и рядом с ними проявлялась фанатическая религиозная пропаганда. Для поимки разбойников оказалось недостаточным то число казаков, что находится в распоряжении начальника Зеравшанского округа и потому генерал-майор Абрамов сформировал команду джигитов из туземцев, которая и приняла самое деятельное участие в уничтожении разбойничества. Генерал-майору Абрамову, в виду необходимости немедленного подавления грабежей и разбоев, предоставлено было мною временно право утверждать смертные приговоры судов по делу разбойников. Поймано было и рассеяно, кроме нескольких мелких, три шайки более крупные—около Чилака, Каменного моста и Катты-Кургана.

„Считаю не лишним упомянуть здесь и о возмущении в Коканде киргизов и кипчаков против Худояр-хана, довольно твердо державшегося союза с нами. Хотя оно было подавлено и несколько предводителей казнены, но глава мятежников, племянник хана—Нозарбек бежал"*).

Волна вспышек национально-освободительной борьбы, таким образом, охватила самые различные районы генерал-губернаторства и перевалила даже за его границы. Это был, хотя и сильно разрозненный, но тем не менее большой под'ем движения.

Тот факт, что Автобачи, действуя против „твердо дер-

*) Всеп. отчет за 1871 г., лист 67—69.

жавшегося союза с нами" (русскими) Худояр-хана, в то же время держал связь с Иш-Магометом, свидетельствует о том, что и с этой стороны шло стремление придать всему под'ему некоторую организованность, но вспышки все же, несмотря на эти попытки организации, оставались разрозненными.

Где же, спрашивается теперь, причины всего этого под'ема. Их очень легко обнаружить, если вспомнить, что почти одновременно с введением степного положения 1868 г., введено и новое положение для туркестанского генерал-губ-ва, которое ударило и по кочевникам и по оседлому населению теми же двумя бедствиями, от которых страдали и оренбургские казаки-киргизы: податью и усилением административного зажима.

В связи с этим уже в 1869 году в Ташкенте было найдено подметное письмо, в котором был протест против увеличения податей сравнительно с тем, что платилось при хане. „Мы душевно рады", писалось в этом письме, „платить херадж—1/10 часть, закет и танап по шариату. С древнейших времен танап взыскивался у нас: с винограда—2 руб., хлопчатой бумаги—1 руб. 40 коп., клевера и дыни по 1 руб. Теперь же прибавили к этим сборам по 15 коп. на каждый рубль. Это не согласно с приказанием (имеется в виду, очевидно, не приказание, а соответствующее устное обещание Кауфмана. П. Г.) генерал-губернатора. Херадж в настоящее время собирают по базарным ценам с набавлением на 1 руб. по 15 копеек. Это обстоятельство следует разобрать, что не будет противно воле белого царя".

Далее в документе выражается протест против того, что „есть приказание собрать с каждого дома по 4 руб. 28 коп.", и что, кроме того, уже об'явлено, „что будут собирать деньги на содержание почты".

И документ заключает: „Все вышеоб'явленные сборы мы согласны платить, но платить лишнее не согласны", иначе говоря, согласны платить так, как „нам с самого начало было об'явлено" (так начинается документ), т.-е. „что кроме хераджа (в размере 1/10 части) танапа и закета (в размере 1/10 части) других налогов не будет"*).

Весь протест, таким образом, направлен против увеличения налогов сравнительно с тем, что было при хане.

Ташкентцы в своем протесте отражали об'ективное положение вещей. Их протест был, однако, пассивным. Описанная же волна беспорядков была протестом активным. При чем наиболее непосредственным и типичным в этом отноше-

*) Дело штаба Турк. военного округа № 39. 1869 г. л. 1. Воен. архив опись, пачка I.

нии было волнение в Чимкентском уезде. Там сразу слились воедино оба мотива борьбы против русских. Во-первых, это был протест против неправильного, по мнению восставших, разделения на волости, следовательно, против централизации управления и, во-вторых, это был бунт против новой кибиточной подати.

Итак, внутренними причинами под'ема нац-освоб. движения 1871 года было то же, что и у адаевцев, новые порядки управления и увеличение податей.

Но, кроме этого, здесь были и причины внешние—это революция в Кашгаре и русское выступление на ее подавление. И Автобачи, и Иш-Магомет поднялись на защиту кашгарцев. Совершенно четко вырисовывался единый фронт кипчаков, сыр-дарьинских киргиз-казаков и кашгарцев против общего врага—русских.

„Победа" русских в Кашгаре повлекла за собой и победу по всему фронту. С кипчаками же русским отрядам даже не пришлось иметь дело—там на этот раз легко справился Худояр-хан.

Д. Восстание в Самарканде в 1868 г. и волнения в Бухаре и Шахризябском бекстве Бухарского ханства.

Описание революционного под'еме 1871 года вплотную подвело нас к революции 1875—76 годов в Кокандском ханстве, поскольку одно из звеньев этого под'ема—восстание кипчаков, было самой непосредственной подготовкой этой революции. Но революция 1875—76 годов по своему характеру значительно отличается от всего того, о чем говорилось выше и в то же время вплотную примыкает к событиям в Бухарском ханстве в 1868 году. Поэтому, прежде, чем приступить к описанию революции 1875—76 г., мы вернемся несколько назад и охарактеризуем восстание в Самарканде, Бухаре и Шахризябсе в 1868 году, возникшие в связи с походом Кауфмана против Бухары.

Причины похода на Самарканд и Катта-Курган в 1868 году Кауфман во всеподданейшем отчете за 1868 год описывает следующим образом:

Сначала констатируются „неприязненные действия" со стороны Бухары против русских, которые выразились во-первых: „в дозволении собирать в бухарских пределах шайки, имевшие целью грабеж в наших владениях", приведшем к тому, что „вся Задарьинская степь по направлению к Бухарским пределам находилась в волнении" и, во-вторых, „в появлении бухарских войск, высланных из Челеки, Катта-Кургана, Нураты и других мест в наши пределы".

Затем он продолжает:

„Несмотря на открытые неприязненные действия, я продолжал настаивать на заключении мирного трактата с Бухарским эмиром, а для ограждения страны от вторжения шаек усилил пограничный отряд 4-мя сотнями казаков. Но надежды на мирный успех становилось все менее, и 14 апреля я получил достоверное известие о волнениях народа в Бухаре, имевших целью принудить эмира к скорейшему открытию военных действий против России“*).

Курс Кауфмана заключался в том, чтобы путем заключения соответствующего мирного договора с эмиром, при сохранении власти эмира и всего его государственного аппарата, фактически все же превратить Бухару в русское владение. В том же обстоятельстве, что появлялись шайки, приводившие в движение всю Задарьинскую степь и что, наконец, даже появились „в наших пределах“ эмирские войска, сам эмир, был, конечно, совершенно не виновен. В интересах сохранения своей власти, как узнаем из других источников, он был очень рад подписать предложенный ему в 1866 году, далеко неравноправный и очень стеснительный для Бухары договор, но внутреннее состояние страны не позволяло это сделать: волнения народа в Бухаре принуждали его „к скорейшему открытию военных действий против России“.

Поход Кауфмана на Самарканд и Катта-Курган в 1868 году был поэтому в своей основе направлен вовсе не против эмира, а против народа, поднявшегося на свою защиту вопреки воле эмира. Эмир в борьбе с русскими здесь был „борцом“ по неволе.

Поход начался 30 апреля. 2 мая Самарканд уже был занят. 7 мая было разрушено оставленное жителями и войсками укрепление Челек. 12 мая с боя был взят Ургут, а 17 мая был занят Катта-Курган.

Борцу по неволе, выступившему только под напором революции, этих поражений казалось достаточно. Он тотчас же склонился немедленно принять русские условия мира. Но народ опять сказал свое слово, далеко несогласное с желаниями эмира: „в окрестностях Бухары вспыхнуло восстание, и мятежники потребовали, чтобы эмир во чтобы то ни стало продолжал борьбу с русскими“**). Борьбу волей—неволей пришлось продолжать.

Об'единившись с отрядом Садыка, который был в это

*) Всеподд, отчет за 1868 г. лист 59—60.

**) Турк. ведом. № 9—1870 г. М. Г. Богданов. „Материалы для описания Бухарской экспедиции 1868 г.“.

время около Нур-ата, эмир выступил против русских и уже 1 июня потерпел новое поражение под Зерабулаком.

Это поражение опять вызвало новый взрыв волнений в Бухаре. Беспомощный против революции, эмир просто должен был скрываться в Кермине и выжидать там „более благоприятных дней" для своего возвращения в Бухару.

Между тем с юга, из Шахризябского бекства, катилась другая волна восстания. Шахризябцы поднялись и пришли на выручку Самарканду. В то же время восстало не только население Самарканда, но и все окрестные кишлаки. Началась знаменитая неделя Самаркандской обороны против пришельцев русских 1—8 июня.

Насколько широко поднялось население окрестностей, видно из следующего свидетельства Кауфмана.

„Во все время движения моего к Катты-Кургану и к Зерабулаку и обратно в Самарканд все попутные кишлаки были оставлены, очевидно было, что вся страна в восстании" (подч. нами).

Сама же неделя восстания в Самарканде 1—8 июня описывается им следующим образом:

„1-го июня вечером, некоторые из аксакалов г. Самарканда обратились к оставленному мною комендантом майору, барону фон-Штемпелю, с просьбой послать отряд к Хаджи-Ахрарским воротам, чтобы прогнать шайку шахризябцев, намеревавшихся ворваться будто бы в город. Посланный для этого отряд удостоверился, что у этих ворот неприятеля не было, но вскоре заметил значительные конные партии на Чапал-Атинских высотах. В 3 часа утра, 2 июня снова явились те же аксакалы с подобными же жалобами. Майор фон-Штемпель с двумя ротами, при двух орудиях, направился, к этим воротам, где встретил лишь незначительную партию, отступившую после первых выстрелов.

„При этом жители просили не стрелять вправо от ворот под тем предлогом, что там находятся мирные жители Самарканда, однако, вскоре оказалось, что неприятель направился именно вправо от Хаджи-Ахрарских ворот к бухарским. Вследствие этого майор Штемпель двинулся туда и, рассеяв неприятельскую партию, вернулся в цитадель. Около часа спустя не подлежало уже сомнению, что весь город был в полном восстании: толпы неприятеля вместе с жителями со всех сторон приближались к цитадели. По тревоге, войска наши заняли заранее указанные места, на которых можно было ожидать нападения. Все эти пункты шахризябцы и самаркандские жители усилено атаковали. Множество штурмов было отбито нашими войсками. Стрельба продолжалась всю

ночь. Местами положение гарнизона было критическое. Только храбрость и стойкость войск, не чувствовавших усталости, не допустили неприятеля овладеть цитаделью.

„3 июня утром, нападения были столь же ожесточенны, как и в предыдущий день; но в 3 часа пополудни шахризябцы отступили по дороге к Ургуту, а остальные осаждавшие отошли от цитадели. Отдых был, однако, кратковременный. В 5 часов пополудни неприятель вышел из садов и снова начались приступы и перестрелка. В течение первых двух дней выбыло у нас 150 человек из строя. Такая значительная убыль, если бы она продолжалась в тех же размерах, через два оня отняла бы возможность защищать все стены цитадели. Поэтому решено было, когда неприятель ворвется в цитадель, собраться всем в эмирский дворец и обороняться там до последней крайности, а в случае прорыва неприятеля и туда—взорвать порох и снаряды. Но в последующие дни натиски неприятеля значительно ослабели и гарнизону стало легче отбивать его штурмы. Тем не менее, осада продолжалась довольно деятельно, и положение гарнизона было весьма тяжелым вплоть до утра 8 июня, когда главные силы наши подошли к нему на выручку“ *).

Отряд, осажденный в Самарканде, 8 июня был выручен Кауфманом, прибывшим с „главными силами“ из Катта-Кургана. Революция в Самарканде была жестоко задавлена.

Это был тяжелейший удар для всего национально-освободительного движения в Бухаре. Движение с этого момента пошло на упадок. Эмир выждал еще некоторое время в Керминэ и, наконец, 23 июня решился подписать мирный договор, по которому русским была уступлена почти вся занятая ими территория с городом Самаркандом и уплачена, кроме того, контрибуция в полмиллиона рублей.

Но революция была настолько обескровлена, что заключение такого позорного мира „против ожидания не произвело в народе ропота и волнения“ **).

Только в Шахризябском бегстве восстание еще продолжалось. Шахризябцы отложились от эмира, провозгласили эмиром его старшего сына Катта-Тюру и продолжали борьбу. Эмир попытался подчинить себе шахризябцев своими собственными силами, но его войска потерпели поражение. Тогда он обратился за помощью к русским, прошел к Джамским высотам, взял город Карши (Бек-Буди), разбил войско Катта-Тюри и передал Карши эмиру. Этим собственно и закончи-

*) Всеподданейший отчет команд. войск. Туркест. военн. окр. за 1868 г., лист 70—72.

**) Цитированная статья М. Г. Богданова.

лись революционные события в Бухарском ханстве в 1868 году.

Волнения, которые происходили в июне 1870 года в верхней части реки Зеравшана в связи с „ученой“ экспедицией туда русского отряда под начальством генерала Абрамова, были только последним всплеском бухарских событий. Жители, „вопреки личного желания“ кштутского бека, попытались в Кштутском ущелье преградить дорогу русскому отряду. Сделав обход в тыл защитникам горного прохода, отряд сравнительно легко опрокинул инсургентов и в „наказание предал сожжению 6 кштутских селений, лежавших на пути отряда“*).

Понятно, что это должно было „успокоит“ отважных кштутцев. Обратно в Самарканд отряд вернулся „благополучно“*).

Из всего сказанного о 1868 годе в Бухаре следует, что мы здесь имеем дело с несколько новым типом национально-освободительной борьбы, чем борьба в киргиз-казакской степи. Там даже в эпоху Касыма и Кенисара уже фактически несамостоятельные казакские орды, еще не успевшие создать свое сколько-либо прочное государство, одновременно и отстаивали свою самостоятельность и пытались создать всекиргизскую державу. Позже не стало и этого. Борьба просто раздробилась в мелкие разрозненные вспышки. Здесь же, в Бухаре, идет борьба за самостоятельность уже существующего и вполне оформленного государственного образования. При этом эмир и некоторая часть его знати идут на мир с наступающим врагом, чтобы за счет страны, за счет интереса своего народа удержать свое господство. Против этого восстает народ, во главе с той частью знати, которая стояла в оппозиции к политике эмира, направленной на примирение. Борьба за самостоятельность была, таким образом, борьбой всего народа и против русских и против своего эмира. Победа русских была в то же время победой эмира над революцией в самой стране.

К точно такому же типу борьбы принадлежат и события в Ферганской долине в 1875-76 годах. К их изложению сейчас и переходим.

Е. Революция в Кокандском ханстве в 1875-76 г.г.

Договор, заключенный с кокандским ханом в 1868 году, фактически поставил Кокандское ханство в полную зависи-

*) Всеподданнейший отчет за 1870 г., л. 85.

мость от России. Русские в Ферганской долине стали достаточно прочной ногой. Такое проникновение русских без разрушения аппарата власти кокандского хана, было возможно только потому, что на это пошел хан. В интересах сохранения своей власти, он отказался от борьбы с Россией и взял линию на примирение с русскими. „Хан находился под действительным нашим влиянием, поэтому и ханство считалось соседом совершенно неопасным"... так свидетельствует официальный автор того времени*).

Но интересы хана не были интересами народа. Каждый шаг реализации русскими их прав, полученных в 1868 году, все больше и больше возбуждал кокандцев не только против русских, но и против своего хана, об'ективно выступавшего в роли проводника русского господства. Первые проблески недовольства обнаружились уже в 1871 г. Мы уже видели, что, в связи с общим под'емом национально-освободительного движения по краю, были волнения в северной части кокандского ханства. Эти же волнения повторились на более решительной основе в 1874 году, но настоящая революция началась только в июле 1875 г.

Во главе революции стал вождь оппозиционной Худояр-хану знати кипчак Автобачи-Абдурахман. „Этот мусульманский аристократ, потомок Чингиз-хана, имел в то время лет 30 с небольшим. Среднего роста, с умным и приятным, хотя чйсто монгольским, лицом, великодушного характера и наследственно умный, он пользовался громадным влиянием во всем ханстве, между всеми разнородными элементами населения: сартами, кара-киргизами и, конечно, тем более между своими кипчаками" **). Такова характеристика этого замечательного борца за самостоятельность Кокандского ханства, исходящая из под пера не друга, а врага.

Большая популярность Автобачи была обусловлена, конечно, не столько его несомненно большим умом и большими организаторскими способностями: его программа, отражавшая настроения и интересы всех слоев населения Ферганы, за исключением кучки друзей Худояр-хана,—вот подлинная причина его величайшей популярности.

Эта же программа самим Абдурахманом в прокламациях, широко распространявшихся после начала восстания, излагается следующим образом. Мы берем программную часть одно-

*) Алексей Боголюбов „Очерки войны в Средней Азии". „Военный Сборник", т. XXXI, стр. 152.

**) Алексей Боголюбов „Очерки войны в Средней Азии". „Военный Сборник", т. XXXI, стр. 153.

го из вариантов такой прокламации, адресованной к жителям города Ташкента.

„Вот уже 12 лет прошло с тех пор, как, по повелению всевышнего бога, проклятые русские завладели мусульманскими городами: Ходжентом, Ташкентом, Ура-Тюбе, Самаркандом, потушили свечу религии и сделали ущерб исламу. Поэтому весь мусульманский народ желает начать священную войну, хан в заблуждении находился в дружественных отношениях с русскими, посылал к ним много подарков и тем угождал им, льстился тем, что он получил от них титул светлейшего хана; он, ни за что не соглашаясь на предложения относительно поддержания религии, весь отдался белому царю, отвернулся от религии ислама, ради личной своей выгоды вцепился за подол ложного царя, удалился он из среды нашей. После этого все духовенство, все старшие и младшие жители собрались и, соединившись в одно, головы их составились, как бы одна голова для одного ворота, совещались, уничтожили все противозаконные дела и выбрали в добрый час старшего сына нашего хана Сеид-Мухамед-Наср Этдина в ханское достоинство и подали ему свои руки. Ради священной войны во имя всевышнего бога и пророка его Хазрета, мы опоясались крепко (т.-е. твердо решились). Из нашего государства выйдет 2 или 3 ляка людей (каждый ляк составляет 100.000) и все мы, старшие и младшие и каждый из нас отдельно, считаем своею священной обязанностью и будем надеяться на победу, ожидая милости от всевышнего бога, и будем драться до последнего человека. Не удивительно, если правая сторона одержит победу над неправой"*).

Как и его предшественники на другом участке—в Бухаре—в 1868, Автобачи в 1875 г. провозглашает нового хана на место старого Худояр-хана, хана, который „в заблуждении находился в дружественном отношении с русскими". Его программа в области отношений с русскими—решительная борьба до конца, священная война против неверных. Организатором этой борьбы была знать. Не преувеличено, что за Автобачи шло „все духовенство, все старшие и младшие жители" (т.-е. знать всех рангов). Революционной же армией, как еще увидим, была масса населения.

Провозглашенный ханом сын Худояра Наср-Этдин-хан, „человек без всякой энергии, кутила, презираемый народом" **), конечно, не являлся и не мог являться в какой бы то ни было мере вождем восстания. Для Автобачи и его

*) А. И. Брянов. „На память о Фергане", изд. Н.—Маргелан 1901 г. стр. 23—24.

**) Цитированн. статья Боголюбова, стр. 154.

партии он был простой куклой, занимавшей трон, куклой, роль которой заключалась в том, чтобы дать свободу действий партии решительной борьбы против русских.

Восстание началось в десятых числах июня 1875 года с восточной части Кокандского ханства. Через несколько дней к восставшим примкнули г. г. Ош, Наманган и Андижан со всеми ханскими войсками, находившимися в них.

Худояр-хан, бессильный что-либо сделать для подавления восстания, уже 20 июня писал в Ташкент Кауфману: „Отдаю себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство его величества государя императора и обращаюсь к Вам с дружественною просьбою, благоволите приказать направить в город Коканд русское войско с артиллерией в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились. Надеюсь, что Вы изволите согласиться на исполнение моей просьбы". *)

Русские войска „с артиллерией", однако, не успели на выручку к Худояр-хану, и он должен был поспешно бежать из Коканда. 22 июля он оставил свою столицу с остатками своих войск (около 6000 человек) и направился к русской границе, но уже в 10 верстах от Коканда все войска хана, за исключением 500 человек, оставили его. Хану пришлось добираться до русской границы под прикрытием посольского отряда русских казаков в 22 человека и последней горстки верных ему 500 человек. Оставившие же его войска организовали даже за ним погоню. Так кончилась власть хана, находившегося „под действительным нашим влиянием". В Коканд вступил хан, находившийся под влиянием Автобачи, партии революционной борьбы против русских.

Первое время, кокандцы, надо полагать, не имели намерений немедленно начать войну с русскими. Их программой было только отстоять самостоятельность Кокандского ханства—хотя бы и без изменения границ. Но на письмо Наср-Этдина о желании сохранить мирные отношения с Россией, Кауфман ответил требованием: „1) подтвердить обязательство строго исполнять заключенные с отцом его мирные условия и 2) удовлетворить наших подданных за убытки, понесенные ими во время последних, происшедших в Коканде волнений" **).

Для партии Автобачи согласиться на эти требования означало перестать быть самим собой: Наср-Этдин должен был играть роль своего отца и заплатить к тому еще кон-

*) Брянов. Цит. раб., ст. 17—18.
**) Всеподданн. отчет за 1875 г.

трибуцию. Война была неизбежной и она немедленно началась. 6 августа 1875 г. небольшие отряды кокандцев перешли границу, а 12 августа начался поход Кауфмана на Коканд.

Через 10 дней—22 августа—произошел решительный бой под крепостью Махрамом, бой, который Кауфман расценивает как самый значительный по количеству сражавшихся и по числу взятых у противника трофеев за все время бывших до этого военных действий в Средней Азии. Кокандцы были решительно разбиты и понесли колоссальные для них потери: „Всякое сопротивление исчезло, на пути жители являлись с покорностью и встречали отряд с хлебом-солью; русские пленные, захваченные в начале августа, были возвращены".*)

Путь от Махрама до Коканда был пройден в течение недели и 29 августа Кауфман без боя, встреченный самим Наср-Этдином, вступил в Коканд.

Но борьба этим еще не была закончена. Наср-Этдин покорился, принял все условия Кауфмана, согласился, таким образом, на ту же роль проводника русской власти в Кокандском ханстве, какую играл его отец, и в довершение уступил русским ту часть ханства, которая лежала по правую сторону р. Сыр-Дарьи и притока ее Нарына и обязался уплатить 600.000 контрибуции.

Эта покорность хана означала, однако, только одно, что данное лицо, данный хан не мог больше служить той декоративной фигурой, какая была нужна вождям восстания и нисколько, конечно, не означал, что уже покорилась революция. Автобачи после незначительной передышки поднял новое восстание.

22 сентября был подписан договор с Наср-Этдин-ханом, а 27 сентября в Андижане уже был провозглашен новый хан, один из вождей восставших кокандцев—Пулат-хан, и опять была об'явлена священная война.

История при этом повторилась. В первых числах октября восстание из Андижана перебросилось в Маргелан. Наср-Этдин попытался выслать свои войска против маргеланцев, но при первом же столкновении с инсургентами войска Наср-Этдина перешли на сторону восставших. Восстание же между тем перебросилось в Коканд и Наср-Этдин, подобно своему отцу, 9 октября должен был поспешно бежать из Коканда в Ходжент под прикрытием русских отрядов.

Вся борьба русских с этой новой волной революции была перенесена в восточную часть Ферганской долины, при чем

*) Всеподд. отчет за 1875 г., лист 106.

это была подлинно война против обороняющегося от нашествия русских хищников народа. Все население поголовно примыкало к восстанию, русские же отряды в наказание за это жестоко уничтожали всякий населенный пункт, так или иначе оказавший сопротивление.

Вот перечень основных фактов из истории этого опустошительного нашествия русских.

1 октября, иначе говоря, через несколько дней после провозглашения нового хана, генералом Троцким был штурмом взят город Андижан—место начала нового восстания. При этом, под видом уничтожения военных припасов, была сожжена значительная часть города, во время же пожара артиллерия своим огнем мешала жителям тушить огонь. На обратном же пути из Андижана в Наманган (отряд Троцкого наступал из Намангана) Троцкий, в наказание за участие в защите Андижана окрестного населения, приказал начальнику арьергарда барону Меллеру-Закомельскому „предавать все пламени на пути", что, конечно, и было исполнено.

9 октября у Янги-арыка, после столкновения отряда полковника Фриге с отрядом инсургентов, были „выжжены хутора непокорных кипчаков"*).

13 октября полковник барон Меллер-Закомельский „овладел с боем полуразрушенным мостом через Янги-арык и уничтожил мятежное кипчакское селение Кызыл-Арват"**).

23 октября полковнник Скобелев имел сражение с одним из предводителей восстания батырь Тюрою при селении Тюря-Курган (между Чустом и Наманганом). Батырь Тюря был разбит, но вместе с тем в наказание жителям селение Тюря-Курган „было зажжено по всем улицам" ***).

После это боя батырь Тюря отступил к Намангану. Все население города присоединилось к нему. Восставшие аттаковали русские отряды, находившиеся в крепости и в лагере близь города. Борьба продолжалась с 24 по 27 октября. При этом инсургенты потеряли до 1800 человек одними убитыми, в „наказание" же за измену половина города была сожжена.

Следующий бой с батырь-Тюрей произошел 12 ноября у Балыкчи. При этом: „Неприятель потерял до 200 человек одними заколотыми, не считая нескольких сот человек изрубленных и застреленных" ****).

Можно себя представить, что это была за расправа.

Но все эти операции и последовавшая за перечисленными

*) Всеподдан. отчет за 1875 г., л. 127.
**) Там же, лист 127.
***) Брянов „На память о Фергане", стр. 56.
****) Всеподд. отч. за 1875 г., лист 144.

поражениями батырь-Тюри партизанская война в районе Наманганского отдела еще носили некоторый характер военных действий. Совершенно иную окраску приобретает экспедиция Скобелева в „Междуречье", то-есть в местность между реками Нарыном и Кара-Дарьей, продолжавшаяся с 25 декабря 1875 г. по 18 января 1876 г. Это была в полном смысле слова карательная экспедиция.

Вот „подвиги" этой экспедиции:

26 декабря без всякого повода был „зажжен командами наших фуражиров" город Балыкчи только за то, что он был в свое время „притоном неприятельских шаек" *).

27 декабря был уничтожен кишлак Хаджават (по дороге из Балыкчи на Андижан), якобы, за то, что из него по русскому отряду раздались выстрелы.

28 декабря, продолжая путь по направлению к Андижану, отряд на расстоянии 22 верст „предал уничтожению встречные селения, большею частью покинутые жителями" **).

На следующий же день,—29 декабря: „вся окрестная полоса селений, окружавшая наш бивуак, была опустошена на расстоянии пяти верст по радиусам" ***).

И далее, все по дороге к Андижану:

„30 декабря отряд перешел к селению Пайтоку. Хотя жители и вышли навстречу отряду, но по влиянию своему на враждебное нам население Ике-Су-Арасы, оно было сожжено колонною, посланной под начальством полковника барона Меллер-Закомельского для производства фуражировки" ****).

В течение следующих двух дней—31 декабря и 1 января—тот же Меллер-Закомельский обошел зимовки кара-киргиз по направлению к кишлаку Медрессе-Автобачи и по пути все их опустошил, а после этого, об'единившись с другим отрядом под командой полковника Пичугина уничтожил кишлаки Мин-Тут и Медрессе Автобачи, как места, „в которых обыкновенно проживал предводитель враждебной нам партии войны и душа всей кипчакской обороны Автобачи-Абдурахман" *****).

Через несколько дней после этой расправы с кипчаками, Скобелев подошел к Андижану, оплоту Автобачи Абдурахмана. 8 января 1876 года Андижан был взят штурмом, при этом: „всю ночь пылал в разных направлениях несчастный город, озаряя горизонт на громадном протяжении зловещим

*) Всеподд. отч. за 1876 г., лист 85—86.
**) Там же, лист 86.
***) Там же, лист 86.
****) Там же, лист 87.
*****) Там же, лист 88.

заревом. Весь базар и около половины города погибли в пламени". И относительно отрезвления наступившего 11 января: „Увлечение боя прошло, и сердце сжималось, слушая рассказ о страшном бедствии жителей г. Андижана в день 8-го января. Кроме потери от артиллерийского огня и от мороза в восемь градусов, внезапно застигнувшего ночью в поле семьи беглецов, спасавшихся налегке, множество народу погибло под развалинами домов, в ямах, в которые они забились" *).

Автор благоразумно умалчивает о том, сколько погибло во время боя и расправы после боя.

Следующая и последняя „победа" Скобелевского отряда была под Ассаке 18 января. После этого 20 января Автобачи добровольно сдался Скобелеву.

Этим революция 1875-76 года в Коканде фактически была закончена. Кипчаки и узбеки дорого заплатили за попытку поднять оружие против хищников русских. Кроме гор трупов и груд развалин их городов и селений, они еще потеряли также и последние остатки своей самостоятельности. Кокандское ханство в феврале было присоединено к России и об'явлено Ферганской областью.

Разбитая окончательно революция после этого подняться уже не могла. Некоторое время на Алае, среди алайских киргиз еще продолжались волнения, но это уже были последние всплески революции, очень быстро ликвидированные.

Для конца 1877 года мы имеем уже следующее свидетельство доклада по канцелярии военного губернатора области: „....благодаря дружной деятельности войск и администрации, конец года ознаменовался полным и повсеместным спокойствием. Даже время сбора зякета и составление танапных и хераджных записей прошло совершенно спокойно"**).

Но следующий 1878 год опять принес еще одну вспышку. Восстание попытался поднять Итым (или Джатым)-хан, один из участников и вождей революции 1875—76 года. „Итым хан был провозглашен ханом в Минь-Тюбе в ночь с 7 на 8 марта, а 8-го в 8 часов утра уже был разбит, потеряв до 40 убитых и 35 раненых" ***).

---

*) Боголюбов. Цитир. статья, стр. 169.

**) Дело Штаба Турк. военного округа № 7—1877 г. оп. 1, пачка VI, лист 4, подч. в подлиннике.

***) Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 271—1898 г., лист 59.

Это было однако, в собственном смысле этого слова, последней искрой.

В заключение необходимо также отметить, что Кокандская революция 1875-76 г. г. не прошла бесследно и для областей, уже занятых русскими раньше.

Мы имеем в виду восстание в верховьях Зеравшана майнинских киргиз, присоединенных к России еще в 1870 году.

Они поднялись в начале ноября 1875 г. под влиянием прокламаций Автобачи, выбрали себе правителя и решились защищаться от русских. Посланный в район восстания русский отряд был встречен майнинцами у селения Шабаткибала. 6 дней (с 20 по 25 ноября) упорно защищали майнинцы вход в свое урочище. Наконец, не выдержали и отступили. После этого поражения защищаться уже было невозможно и через 4 дня майнинцы сдались, их же выбранный правитель и вождь Календар-бек скрылся.

Стремление воспользоваться ханским аппаратом власти для закрепления своего господства в Кокандском ханстве—вот что было основным в отношениях России к Худояр-хану. Стремление сохранить свою власть путем компромисса и покорности русским—вот что характерно в отношениях Худояр-хана к России. Но покорность русским, те привилегии, которые получали в ханстве русские купцы и промышленники, больно били не только по населению вообще, но и по интересам торговой кокандской знати. Из этого и выростала партия решительной борьбы. Не трудно было поднять на эту борьбу и массу. Общий фронт всего населения во главе с партией решительной борьбы с Россией из знати против русских и против хана с его партией компромисса с русскими—вот расстановка сил в Коканде в 1875-76 г.

Соотношение сил внутри ханства оказалось таким, что русские, несмотря на желание сохранить с Кокандом такие же отношения, как с Бухарой, не нашли даже незначительной группы знати, на которую бы можно было опираться. И Худояр-хан и Наср-Этдин одинаково, каждый в свое время, оказались изолированными, не имеющими никакой реальной опоры внутри страны. Русские же уступить не могли ни на шаг—отсюда война, отсюда и присоединение, а это значит, что и организация русского чиновного аппарата власти для управления ханством—областью.

Выше говорилось, что тот же точно тип борьбы имел место несколько раньше и в Бухаре. Но Бухара с Россией торговыми узами была связана гораздо раньше и гораздо проч

нее, чем Коканд. Там, к 60-годам уже образовался поэтому довольно значительный слой торговой знати во главе с самим эмиром Бухарским, которая была кровно заинтересована в этих торговых связях. Это и было той социальной базой, на которой сумел удержаться эмир Сеид-Мустафа-Богодур-хан. Он никогда не попадал в такое изолированное положение, как Худояр-хан. Отсюда и отличие в судьбах Бухары от судьбы Коканда. Россия сумела владеть Бухарою через аппарат власти самого эмира Бухарского. Для Коканда же уже в 70-х годах потребовался русский чиновный аппарат, ибо не было материала среди знати для лепки покорного России аппарата ханского.

Что касается всей полосы нац.-освободительного движения в Средней Азии периода эпохи завоевания, то общий итог о нем можно свести к следующему.

В основном это период борьбы наций за свою самостоятельность, наций, возглавлявшихся феодальной знатью. Русские сумели своим заигрыванием и привилегиями завлечь на свою сторону самый тонкий слой знати, он был очень тонок у трех орд киргиз и казаков, несколько значительнее в Кокáнде и еще значительнее в Бухаре.

Наличие этого слоя приверженцев России превращало всю нац.-освободительную борьбу этой эпохи не только в борьбу против русских, но и в борьбу против части знати, шедшей на компромисс с Россией. Торговая и феодальная знать в борьбе с Россией защищала свои торговые интересы и феодальные привилегии. Идущая под ее руководством на борьбу с Россией масса защищала свои интересы против русского хищничества—столь типичного для эпохи завоевания.

Одновременно с этой борьбой за самостоятельность в процессе наступательного продвижения в Ср. Азию русских, борьбой против самого продвижения имела место также и борьба в уже занятых областях. Восстание Джан-Гуджи, Адаевский бунт 1870 г., 1871 год, восстание матчинцев в 1875 г.— все это было проявлением этого рода борьбы. Типично для нее, что это мелкие вспышки против тех тягот, которые накладывались русскими после их водворения. При этом все они, как правило, искали поддержки у еще не занятых ханств. Восстание же матчинцев было, кроме того, поддержкой обороны Кокандского ханства.

В свою очередь, еще самостоятельные ханства в своей борьбе за самостоятельность стремились использовать эти восстания. Создавалось некоторого рода единение всех мусульманских народностей, уже покоренных и еще не оконча-

тельно покоренных, против общего врага—русских. Отсюда появление и лозунга „газават", как лозунга борьбы против русских. На этом этапе национальной освободительной борьбы этот лозунг безусловно был лозунгом революционным, лозунгом, отражавшим в себе двойную задачу, стоявшую на очереди пред народами Средней Азии: отстоять себя от русских и создать из разрозненных ханств (для киргиз и казаков даже родов) единое сильное мусульманское государство или несколько государств, которые бы могли в своем развитии идти самостоятельно, без колониального подчинения, по пути капиталистического развития.

Соотношение сил, однако, было слишком неравным. Русские победили. Туркестану пришлось пройти свой путь включения в систему мирового хозяйства не самостоятельно, а при посредстве русского колониального господства. А отсюда вырастала и новая борьба, за национальное освобождение.

В. Березкин.

К 10-летию первого с'езда красной гвардии и красной армии Туркестана

В промежутке между 25 октября и 14 ноября в текущем году исполняется 10 лет со времени первого с'езда красной гвардии и красной армии Туркестана. С'езд этот был первой попыткой партии и советской власти в Туркестане овладеть стихийным, начавшимся в период октября строительством вооруженных сил революционного пролетариата. Первые попытки создания красной гвардии в Ташкенте были уже в сентябрьские дни 1917 года, когда часть железнодорожных рабочих постаралась раздобыть себе оружие. Но настоящих красногвардейских отрядов тогда еще не было. В Ташкенте они были созданы только во время Октябрьских боев.

Постоянные столкновения ташкентских рабочих сначала с Туркестанским Комитетом Временного правительства и командующим войсками полковником Черкесом, а затем открытые столкновения с назначенным в Туркестан для удушения революции полковником Коровниченко, арест избранного рабочими Революционного Комитета и ряд связанных с этим событий наглядно показали ташкентским рабочим, что они выйдут из развернувшейся борьбы победителями только в том случае, если в их руках будет оружие.

Первые довольно многочисленные рабочие отряды красной гвардии в Ташкенте зародились в период Октябрьских боев. А первую значительную партию оружия эти отряды получили в расположенном рядом с Красновосточными мастерскими 1-м Сибирском полку.

Вскоре после Октябрьской революции Ташкенту пришлось формировать новые рабочие красногвардейские отряды и на этот раз уже не для боев в самом Ташкенте, а для отправки на возникший оренбургский фронт, для ликвидации так называемой первой оренбургской пробки, созданной казачьей контр-революцией генерала Дутова. Ташкент, Перовск и ряд других городов быстро создали свои красногвардейские отряды, наскоро вооружили и отправили их для защиты советской власти на открывающиеся фронты.

А возникновение красногвардейских отрядов в Фергане непосредственно связано с так называемой Кокандской автономией. К началу ее возникновения и к моменту первых боев с нею в распоряжении советской власти было лишь несколько десятков человек солдат, оставшихся от старой армии и охранявших крепости в Скобелеве, Андижане и Коканде.

С началом первых боев с автономистами в Коканде железнодорожники и рабочие Андреевского хлопкоочистительного и других заводов немедленно же вооружились и организовали свои рабочие красногвардейские отряды.

Получив сведения о происходящих в Коканде боях, скобелевские рабочие немедленно же организовали красногвардейский отряд, который спешным порядком двинулся на помощь кокандцам. Отряд этот количественно достигал 120 человек. Примеру Скобелева немедленно же последовал Андижан, также сформировавший свой отряд и выславший его в Коканд.

Но эти ферганские красногвардейские отряды не были постоянными. Они имели, определенное назначение и по выполнении своей задачи немедленно же распадались. Постоянные красногвардейские отряды ферганских рабочих начали формироваться позднее, во 2-ой половине 1918 года, когда возникшие басмаческие шайки стали производить нападения на города, заводы и железнодорожные станции. Тогда с целью самообороны повсеместно были созданы красногвардейские отряды. Наивысшего развертывания красная гвардия в Фергане достигла во время осады Андижана об'единенными контрреволюционными силами Монстрова и Мад-Амина.

К организации красногвардейских отрядов в Закаспии было приступлено в ноябре 1917 г. Но это были лишь первые попытки. Особенно же широко развернулось там формирование красногвардейских отрядов с февраля 1918 года, когда перед советской властью появилась непосредственная угроза со стороны казачьих частей, возвращавшихся из Персии после заключения мира с Турцией. Рядовая казачья масса находилась под сильным влиянием своего офицерства, а последнее было тесно связано с дутовской контр-революцией в Оренбурге и ставило своей целью на пути движения в Оренбург ликвидировать советскую власть в Туркестане.

Железнодорожные рабочие, а также рабочие закаспийских городов, Чарджуя, Бухары и Самарканда под влиянием этой опасности быстро сформировали довольно значительные отряды красной гвардии. К концу февраля они были уже настолько сильны, что без особенно значительной помощи со стороны

смогли ликвидировать непосредственно вставшую перед ними белоказачью опасность.

Везде инициаторами создания своих рабочих красногвардейских отрядов явились большевики. В Ташкенте, например, еще в сентябрьские дни большевики выделили из своей среды несколько военных товарищей специально для организации красногвардейских рабочих отрядов и для агитации среди рабочих за вооружение и за вступление в эти отряды.

Точно так же большевики явились инициаторами создания красногвардейского отряда в Коканде. Особенно много работал в этом отношении т. Бабушкин. Кокандские большевики развернули широкую агитацию среди рабочих андреевского завода и среди железнодорожников. Большевики же ходатайствовали перед Ташкентом об отпуске винтовок для вооружения рабочих.

То же было и в Скобелеве. В своих воспоминаниях Ермаков пишет:

> „Первая зародившаяся ячейка большевиков в количестве 27 человек первым долгом занялась организацией добровольческой дружины... Эта группа вооруженных людей называлась дружиной партии большевиков. В этой дружине сначала было немного больше сотни человек“ *).

Большевики же явились инициаторами создания красногвардейских отрядов и в Закаспии. Тов. Козлов по этому поводу пишет следующее:

> „20(7) декабря 1917 года Совет постановляет: „создать Красную гвардию из членов партии большевиков, максималистов-интернационалистов и левых эсеров. Организацию возложить на Совет красногвардейцев, выбранный от каждой партии по 3 человека. Совет красногвардейцев состоит в ведении Совдепа и выбирает себе комиссара охраны. Несмотря на это решение, левые эсеры саботируют. И только 10(28) января 1918 года Совдеп, ввиду невыполнения партией эсеров постановления от 20(7) декабря, решает выбрать двух членов от Совета в помощь выделенным трем от большевиков и немедленно приступить к организации Красной гвардии“ **).

Таким образом, вся работа по организации красной гвардии в Закаспии, так же как и во всех других областях Туркестана, была проделана большевиками, в большинстве случаев через возникшие уже в то время профессиональные союзы. В дальнейшем же, когда Туркестан оказался со всех сторон

*) Архив Истпарта Ср.-Аз. бюро ЦК ВКП(б). Воспоминание т. Ермакова, стр. 4.

**) Т. С. Козлов.—„Красная гвардия и красная армия в Туркмении“, стр. 4.

сжатым кольцом белогвардейских отрядов, роль профессиональных союзов в строительстве красной гвардии еще больше возросла. В этот период красная гвардия превратилась в вооруженный отряд профессиональных союзов.

Необходимо отметить, что на ряду с рабочими европейцами в деле строительства Красной гвардии рабочие из коренного населения страны—узбеки, туркмены, казаки и т. д.—принимали активное участие.

Об участии казаков в красногвардейских отрядах и об их активной борьбе с контрреволюционными частями генерала Белова на Оренбургском фронте мы находим сведения в воспоминаниях т. Н. Лебедева *), который пишет, что казаки широко использовались в разведывательной службе и в службе охранения.

Об участии узбеков в Красной гвардии в своих воспоминаниях т. Ермаков **) пишет, что „В состав русских дружин (в Скобелеве В. Б.) входило две трети европейцев и одна треть узбеков-батраков".

В старом Ташкенте для борьбы с улемой, пытавшейся захватить власть в свои руки, в январе 1918 года был организован отряд Красной гвардии численностью до 200 человек, состоявший исключительно из узбеков.

Туркмены также принимали активное участие в Красной гвардии. По этому поводу т. Козлов в своей брошюре „Красная армия и Красная гвардия в Туркмении" говорит, что „Организатором красногвардейского отряда из туркмен был председатель областной туркменской секции в Совдепе т. Овез Берды Кулиев. Отряд, численностью в 175 всадников, был им сформирован в декабре 1917 г. ***).

Потребность в организационном оформлении стихийно возникших красногвардейских отрядов заставило центральное правительство Туркестана немедленно же после Октябрьского переворота приступить к выработке устава Красной гвардии, который был принят Турциком 6 декабря 1918 г. (по старому стилю).

Основные организационные вопросы этим уставом были разрешены следующим образом. В каждом городе и на каждой крупной железнодорожной станции должен быть организован отряд Красной гвардии. Для руководства Красной гвардией в городах создавалась секция Красной гвардии из представителей, избранных отдельными районами. В состав секции с правом решающего голоса входило также два пред-

*) Архив Истпарта Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б).
**) Там же.
***) Архив Истпарта Ср.-Аз. бюро ЦК ВКП(б).

ставителя Исполнительного Комитета Совдепа. Секция Красной гвардии представляла собой отдел Совдепа.

Задачи Красной гвардии этим уставом определяются следующим образом:

„Красная гвардия представляет собой сознательную вооруженную силу рабочего класса Туркестанского края.

На случай каких-нибудь контрреволюционных и погромных выступлений.

На случай защиты интересов пролетариата в борьбе с капитализмом и буржуазией *).

Таким образом, основная задача Красной гвардии сводилась к тому, чтобы стать боевою, вооруженною опорой только-что народившейся советской власти против возможных контрреволюционных выступлений на местах.

Но уже первые контрреволюционные выступления: столкновения с возвращавшимися из Персии и Хивы казачьими полками, выступление Дутова в Оренбурге и кокандская автономия показали, что практически подобная борьба местными силами красной гвардии с контрреволюционными выступкениями совершенно невозможна, так как всякое контрреволюционное выступление происходило тогда, когда контрреволюции удавалось сосредоточить силы значительно превосходящие наши местные советские силы и притом тогда, когда общеполитическая обстановка оказывалась наименее благоприятной для советской власти.

На борьбу с казачьей контр-революцией генерала Дутова, создавшей первую оренбургскую пробку, в помощь местным красногвардейским отрядам пришлось немедленно же бросить значительную часть красногвардейских отрядов Перовска и Ташкента, а через несколько времени пришлось даже создавать для этого специальные красногвардейские отряды.

Таким образом целый ряд красногвардейских отрядов невольно оторвался от места своего зарождения. Эти оторванные от места формирования красногвардейские отряды, все еще носившие название Красной гвардии, фактически уже имели некоторые элементы будущей Красной армии.

Декрет Совнаркома Туркестанского края об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии был издан 18(5) января 1918 года, то-есть значительно раньше, чем в центре России.

Человеческим материалом для создания красной армии вначале послужили некоторые из оторвавшихся от места своего формирования красногвардейские отряды. Так, из отрядов, сформированных ранее в России и в процессе борьбы с ка-

*) Т. С. Козлов—„Красная гвардия и Красная армия в Туркмении". Стр. 5.

зачьей контр-революцией отступивших от Оренбурга в сторону Туркестана, был сформирован Казанский полк.

Одновременно с этим из добровольцев в различных городах формировались другие красноармейские части. Особенно много пошло добровольцами бывших военно-пленных германской войны.

Но тогдашние красноармейские части очень немногим отличались от красногвардейских отрядов. Как оторвавшиеся от места своего формирования красногвардейские отряды носили в себе потенцию Красной армии, так красноармейские части того времени сохраняли в себе очень много характерных черт Красной гвардии. Организация и численный состав воинских частей не были однообразными, вооружение часто не соответствовало наименованию части, как командный, так и политический состав красноармейских частей избирался общим собранием части, регулярных занятий не было, совершенно не было однообразия формы.

Политическая обстановка в Туркестане в конце 1918 г. была чрезвычайно тяжелой. Железная дорога, соединявшая Туркестан с Россией была перерезана казачьей контр-революцией, поддержанной кулацкими слоями русского крестьянства степного района и национальной казакской и башкирской буржуазией. Численно слабые, плохо обученные и еще хуже снабженные части Красной армии и красногвардейские отряды вынуждены были отступить под напором великолепно снабженного, хорошо обученного и к тому же численно превосходившего противника.

Своеобразное положение в Семиречьи: отсутствие рабочих кадров, ярко националистическая идеология русского крестьянства, борьба русского кулачества с киргизами и в то же время перекрестная борьба казачества и крестьянства постоянно тормозили установление подлинной советской власти. Долгие месяцы царивший в Семиречьи политический хаос вылился в определенную казачью контр-революцию, которая в скором времени была поддержана волнами сибирской контр-революции.

Рабочая прослойка Закаспия, представленная преимущественно разбросанными вдоль всей линии железнодорожниками, растворялась в чиновничестве и русской обывательщине, заражалась идеями мелкой буржуазии. Эсеровская организация во всем Закаспии была сильна, а большевистские ячейки только что зарождались, были слабее эсеровских.

Установив связь с закавказской контр-революцией и с представителями английского империализма, мелкая буржуазия

Закаспия во главе с эсерами устроила контрреволюционное выступление, положившее начало Закаспийскому фронту.

В Фергане разгромленная, но не уничтоженная в корне Кокандская автономия вылилась в басмаческое движение, с каждым месяцем принимавшее все более широкие размеры.

В самом Ташкенте своеобразный блок с левыми эсерами и максималистами давал себя чувствовать весьма ощутительно. Заваленные по горло громадной организационной, экономической и политической работой наши товарищи вынуждены были время от времени бросать деловую работу и заниматься словопрениями со своими политическими противниками, под маской советских работников пытавшихся взорвать советскую власть извнутри.

Одновременно с этим, постоянно сказывалась молодость и недостаточная политическая зрелость самой коммунистической организации. Националистический уклон подавляющего большинства русского сектора партийной организации, при наличии другого, противоположного националистического уклона не менее значительной части членов партии из коренного населения, порождали массу всевозможных недоразумений и столкновений, отнимавших весьма значительное количество времени и сил.

Отсутствие крупной промышленности в стране, преобладание мелкого производства, не могло создать достаточно благоприятной почвы для создания революционной дисциплины внутри рабочего класса. Туркестанская Красная армия, плоть от плоти рабочего класса Туркестана, вполне естественно отражала в себе все его недостатки. Анархические мелкобуржуазные тенденции часто сказывались в невыполнении боевых приказов высших штабов, в предварительном их обсуждении на митингах и собраниях, что весьма губительно отражалось на исходе предполагавшихся операций, в весьма частом неподчинении распоряжениям выборного начальства во внутреннем быту и т. д.

Отражение мелкобуржуазных собственнических тенденций сказывалось в том, что красноармейские части и красногвардейские отряды часто во время боевых операций или стоянок допускали не только единичные, но и массовые грабежи, как было в Коканде, Андижане и т. д. На почве грабежей развивалось пьянство, которому вдобавок содействовало еще наличие больших запасов вина во многих городах как на государственных складах, так и у частных лиц.

Таким образом, мы видим, что политическая обстановка Туркестана к концу 1918 года была чрезвычайно тяжелой.

Для того, чтобы мобилизовать для борьбы со все возраставшими контрреволюционными волнами все силы рабочего класса, Военная Коллегия при ЦИК Туркреспублики по постановлению 6-го Чрезвычайного С'езда Советов созвала этот с'езд Красной гвардии и Красной армии.

Представительство на с'езд было назначено по одному делегату от 300 бойцов, а для небольших гарнизонов — от 150 бойцов. Кроме того, правом представительства на с'езде пользовались все профессиональные союзы, имевшие свои вооруженные отряды красной гвардии. Норма представительства для них была такая же, как и для воинских частей.

С'езд созывался к 20 ноября, но открылся он только 25 числа, так как, в виду тяжелых условий на фронтах, последние задержались с отправкой своих делегатов. Оренбургский же фронт в конце концов совершенно не смог прислать на с'езд своих делегатов, уполномочив присутствовать на с'езде четырех товарищей, случайно находившихся в это время в Ташкенте.

Несмотря на это, с'езд был довольно многочисленный — до 220 делегатов.

Более половины из них были присланы от частей Красной армии, а остальные делегаты представляли собой красногвардейские отряды, политические партии и профессиональные союзы.

А теперь охарактеризуем хотя бы кратко взаимоотношения на с'езде у большевиков с левыми эсерами.

Имевшийся в Туркестане блок двух политических партий: коммунистической и левых эсеров в то время уже начинал изживать себя. Подбадриваемые натиском сибирской и закаспийской контр-революции, левые эсеры начинали поднимать голову и мечтать о захвате в свои руки политической власти. Зародыш январских событий в Ташкенте в то время был уже налицо и достаточно ярко сказался на с'езде.

Прежде всего эсеры поставили своей задачей не дать коммунистической партии выступить на с'езде с достаточной организованностью. Когда было предложено разбиться по фракциям, член военной коллегии Тихонов высказывается против деления на фракции, так как политические вопросы не затрагиваются, а хозяйственные можно решать сразу на пленуме, обсудив предварительно в соответствующих комиссиях *).

Характерно, что эсеров поддержал народный комиссар по военным делам, а спустя два месяца — руководитель контр-

*) Цуардел—„Труды I с'езда депутатов красной армии и красной гвардии" стр. 6.

революционной авантюры в Ташкенте Осипов, говоря, что под пулями и шрапнелями все политические взгляды уравниваются и имеется одна лишь общая цель—борьбы пролетариата против капитала.

В заключение он предлагает разрешить вопросы по обсуждении их в комиссиях и пленарных заседаниях, так как политического разногласия в войсках быть не может, потому что задачи армии вполне определенны, именно, защита страны с оружием в руках *).

Демагогические выкрутасы Осипова помогли эсерам провести их предложение и, таким образом, фракции на с'езде созданы не были.

Необходимо отметить, что тактикой Осипова в подготовке всего контр-революционного выступления было искусственное создание и распространение паники. В отмеченном выше выступлении Осипов нарисовал самую мрачную картину положения Туркестана, перечислил положительно все минусы этого положения, раздув их, кстати, до невероятных размеров.

Политически абсолютно вредное выступление Осипова было поддержано еще одним из коммунистов Федермессером, который не нашел ничего умнее, как в пространной речи требовал „проводить об'единение всех партийных взглядов в виду одной общей борьбы с капиталом"**).

Но несмотря на такие казусные выступления отдельных большевиков, как Осипов и Федермессер за эсеровскую платформу, борьба между коммунистической фракцией и эсерами становилась все острее.

С особенной яркостью она разгорелась по вопросу о функциях с'езда.

В своем общем стремлении внести возможно большее разложение в рядах пролетарской революции, эсеры выступили с предложением считать собравшийся с'езд законодательным органом и, таким образом, противопоставить его Турцику и Совнаркому. Успешное проведение своего первого предложения окрыляло надежды эсеров.

В защиту этого предложения выступил целый ряд эсеров. Первым говорил некто Леонов ***).

„Будем говорить не только о себе, но и о помощи голодающим семействам. Ждем помощи от советской власти, но на стра-

*) Там же.

**) Цуардел.—„Труды I с'езда депутатов красной гвардии и красной армии", стр. 7.

***) Не тот ли Леонов, который в дальнейшем прославился контр-революционной деятельностью во время крестьянского восстания в Фергане?

ницах газет только декреты, декреты, а хлеба нет. Мы, на которых держится советская власть, должны все сделать. С'езд должен быть законодательным" *).

Второй оратор Степанов предлагал об'единить работу с'езда с работой Турцика, растворив, таким образом, в себе относительно немногочисленный Турцик, как высший законодательный орган республики. Степанов, очевидно, рассчитывал, что таким путем эсерам удастся захватить власть в свои руки.

Настроение участников с'езда сильно накалилось. В воздухе запахло контрреволюционным выступлением. И наиболее умеренная часть эсеров, как например Суханов, пыталась внести некоторое успокоение, говоря:

„Сюда (мы) приехали решать судьбу армии. Мало говорить, надо приказать власти и делать, что нужно. Товарищи, в госпиталях очень недовольны властью. Против центральной власти не пойдем (курсив мой—В. Б.) но прикажем власти сделать, что нужно" **).

Аналогичную сухановской сказал речь еще некто Блинчиков:

„С армией считаются мало. На 6-м с'езде советов почти не было армии. В конституции об армии ничего не говорится. Будем работать совместно с властью" **).

Приведем еще выступление Герасимова, который также указывает, „что армия должна иметь сильный голос, к которому власть должна прислушиваться. Власть должна нас одеть и прийти на помощь нашим семьям ***).

Несмотря на свою политическую неопытность, подавляющее большинство делегатов с'езда почувствовало, куда клонят эс-эры. Настроение создалось далеко не в пользу последних. Тогда эс-эры решили смазать свое предложение и особенно ярко не выпячивать свою антисоветскую природу.

В отношении правильной, большевистской постановки вопроса и в отношении разоблачения контр-революционной сущности предложения о предоставлении с'езду законодательных функций большую роль сыграло выступление т. Войтинцева и некоторых других товарищей.

Попытка эс-эров спровоцировать с'езд на контрреволюционное выступление сорвалась. Предложение большевиков о том, чтобы считать с'езд совещательным органом было принято подавляющих большинством голосов против двух.

---

*) Цуардел.—„Труды I с'езда депутатов красной гвардии и красной армии", стр. 34.

**) Цуардел.—„Труды I с'езда депутатов красной гвардии и красной армии", стр. 35.

***) Там же.

Характерно то, что даже сами эсэры после длительных и весьма горячих споров голосовали за предложение большевиков. И вообще после этой неудачи эсэры вели себя уже смирнее и не особенно мешали работе с'езда.

Деловая работа с'езда постоянно тормозилась поступавшими со всех сторон сведениями, далеко не отрадными для нас. То наряду с приветственными получались телеграмы из Самарканда о том, что красноармейцы, разгромив винный завод, устроили дебош, то с фронтов поступали далеко нерадостные сведения, то весьма неутешительные сведения из Пишпека.

Но наиболее тревожной была радиограмма ВЦИК, полученная из Москвы во время работы с'езда. В этой радиограмме сообщалось о том, что против Советской России ополчился весь капиталистический мир, что Франция, Англия, Америка и т. д. активно поддерживают белогвардейские отряды нашей отечественной контр-революции, организуют их, снабжают деньгами, оружием и обмундированием и даже на помощь им посылают свои войска.

Нужно было обладать неисчерпаемым революционным энтузиазмом, чтобы, заслушав подобные известия и написав ответную телеграмму, снова приняться за деловую работу, охватывавшую весь комплекс вопросов строительства боевой мощи красной армии.

Кратко остановимся на этих вопросах и на тех решениях, которые были приняты с'ездом.

Одним из основных вопросов, разбиравшихся на с'езде, был вопрос о революционной дисциплине. Еще раньше мы уже отмечали, что дисциплина в красноармейских частях и красногвардейских отрядах Туркестана того времени была далеко не на должной высоте. Иногда не только отдельные красноармейцы, но и целые группы красноармейцев допускали такие поступки, которые приносили громаднейший вред революции, давая контр-революционным группировкам богатую пищу для антисоветской агитации. В своем выступлении по этому вопросу председатель Турцика т. Войтинцев привел несколько подобных случаев.

Посланный для борьбы с басмачеством в город Чуст красноармейский отряд взял у населения 100.000 рублей, восстановив против себя все население чустского района и толкнув его в об'ятия басмаческих главарей.

Тоже для борьбы с басмачеством в Андижанском районе был выслан красноармейский отряд, но последний, вместо того, чтобы разыскивать басмаческие шайки, занялся насилиями и грабежами населения, в результате которых население бежало к Иргашу и увеличило собой ряды контр-революции.

Тщательно обсудив вопрос о дисциплине, изучив причины упадка дисциплины в рядах Красной армии, с'езд выработал инструкцию для красноармейцев. Отметим некоторые, наиболее важные, ее пункты.

„§ 1. Каждый солдат рабоче-крестьянской Красной армии и красной гвардии несет высокое звание защитников трудовых масс, должен служить примером достойного во всех отношениях гражданина.

§ 4. Солдат должен держаться с достоинством, быть трезвым, не возбуждать ссор, драк, убийств и не принимать в них участия, а стремиться, по мере возможности, прекращать таковые.

§ 5. Солдат, находясь при исполнении служебных обязанностей, должен сознательно и честно выполнять свой долг. Он должен следить за целостью выданного ему оружия и народного имущества, полученного для пользования.

§ 7. Все приказания своего начальника или старшего по команде товарища должен исполнять беспрекословно, если таковые не несут пагубных последствий делу революции.

§ 8. Вне службы солдатам для самозащиты разрешается носить холодное оружие и револьверы, но отнюдь не винтовки и бомбы"*).

Последний параграф инструкции вызвал на с'езде серьезные споры. Некоторые считали, что красноармеец всегда должен быть вооружен.

Так упомянутый уже выше Леонов заявил следующее:

—"Как кавалерист сроднился, спит с шашкой, так пехотинец с винтовкой. Врагов у нас очень много—буржуазия, спекулянты, воры, поэтому и вне службы мы должны быть вооруженными, но только патроны должны быть на учете и нужно строго следить, чтобы попусту их не расходовали"**).

Но точка зрения революционного порядка все же в конце концов восторжествовала, и этот параграф с'ездом был принят.

Но что особенно важно, так это выработанные с'ездом положение „о наказаниях" и „о ротных, полковых и гарнизонных товарищеских судах".

„Положение о наказаниях" представляет собой своеобразную попытку создать нечно в роде военно-уголовного ко-

*) Цуардел.—„Труды 1 с'езда депутатов красной гвардии и красной армии" стр. 44—45.

**) Цуардел.—„Труды 1 с'езда депутатов красной гвардии и красной армии" стр. 59.

декса. Этим положением предусмотрены все наиболее часто наблюдавшиеся в то время уголовные и воинские преступления красноармейцев и красногвардейцев, начиная с игры в карты, распития спиртных напитков и самовольной отлучки из части и кончая побегом с боевой линии, внесением паники и открытым возмущением или отказом исполнять законный приказ командира во время боя.

Для каждого из этих проступков и преступлений „положением о наказаниях" определялись примерные наказания, в зависимости от значения проступка или преступления начинавшиеся с выговора перед строем и кончавшиеся расстрелом на месте преступления без суда и следствия*).

Положением этим должны были руководствоваться в своей работе товарищеские суды и командный состав красноармейских и красногвардейских частей.

Согласно постановления с'езда товарищеские суды учреждались во всех ротах, эскадронах и командах, а также в полках и гарнизонах.

Ротные, эскадронные и командные суды являлись первичной военно-судебной инстанцией. Состав этих судов (3 члена) избирался общим собранием этих частей. Ведению ротного суда подлежали все маловажные проступки красноармейцев части, которые согласно „положения о наказаниях" карались не свыше 30 суток ареста.

Полковые суды, состоявшие из семи судей, учреждались в каждом полку и в других равных ему частях. Судьи избирались на собраниях рот и команд полка. Ведению полкового суда подлежали такие преступления, которые согласно „положения о наказаниях" карались от 10 суток ареста до 1 года тюрьмы.

Гарнизонные суды учреждались в каждом городе или местечке, где располагалось одновременно несколько отдельных частей. Он составлялся из представителей этих частей и пользовался правами полкового суда**).

Значение товарищеских судов в истории Красной армии было чрезвычайно велико. Именно товарищеские суды, суды представителей самой красноармейской массы помогали нам создать крепкую, совершенно здоровую революционную дисциплину в рядах Красной армии.

С вопросом о революционной дисциплине у с'езда был тесно связан вопрос о культурно-просветительной работе. На

*) Там же стр. 45—47.

**) Цуардел.—„Труды 1 с'езда депутатов красной гвардии и красной армии" стр. 48—51.

повестке дня с'езда не было вопроса о политическом воспитании бойцов, был лишь вопрос о культурно-просветительной работе*). Больше того, культурно-просветительная секция проявила определенное противодействие имевшим место попыткам наших партийных работников вносить политический элемент в культурно-просветительную работу. И с'езд не только не дал отпора этому противодействию, но и санкционировал его.

В докладе культурно-просветительной секции мы можем прочитать следующие места:

—„Чтобы не тормозить течение дела, нужно отстранить вмешательство командиров в дела культурно-просветительных органов, а вместе с тем и самостоятельное, единоличное вмешательство политических комиссаров. Всякая жалоба с их стороны должна подаваться письменно в высший орган правления по просвещению и во всяком случае подчиняться предписанию высших властей"**).

Или в другом месте:

—„Что же касается платформы просвещения и его масштаба, то в этом случае желательна была бы полная независимость в развитии таковых.

Просвещение не должно носить одностороннего узкопартийного характера, оно должно быть общеобразовательным постольку, поскольку позволят обстоятельства, постольку, поскольку это не помешает делу военного характера, и развивать, и расширять об'ем просвещения по высоте сознательности солдат"***),

Как мы указывали выше, с'езд принял эту точку зрения, и в резолюции включил следующий пункт:

—„Отстранить вмешательство в культурно-просветительное дело командиров частей и политических комиссаров, а всякое вмешательство с их стороны и замечания должны направляться ими в гарнизонные коллегии путем переписки"****).

Такая постановка вопроса совершенно не случайна. Этот бунт культурников против „вмешательства политических комиссаров" был не чем иным, как попыткой эс-эров целиком и полностью отвоевать для себя всю область культурно-просветительной работы, через которую они могли бы осуществлять свое влияние на армию.

Присутствовавшие на с'езде большевики не дали соответствующего отпора этому течению, и таким образом, с'езд стал на точку зрения эс-эровских культурников.

*) Цуардел.—„Труды 1 с'езда депутатов красной гвардии и красной армии" стр. 52.
**) Там же стр. 53.
***) Там же стр. 54.
****) Там же ст. 56.

В то же время необходимо отметить стремление с'езда развить культурно-просветительную работу среди красноармейцев и красногвардейцев из коренного населения.

В докладе культурно-просветительной комиссии по этому поводу говорится:

— „Все это необходимо и среди мусульман на их родном языке"*).

А в постановлениях по этому вопросу мы встречаем следующее место:

— „Заботы о просвещении должны распространяться на все национальности, находящиеся в Красной армии и Красной гвардии. Культурно-просветительные запросы всех национальностей должны удовлетворяться на их родном языке. Особенное внимание необходимо обратить на наш мусульманский пролетариат, как авангард мирового мусульманского пролетариата"**).

Или в другом месте:

— „С'езд считает необходимым ежедневное издание газеты „Красноармеец" не только с русским текстом, но и с мусульманским, что и поручается, по силе возможности, осуществить культурно-просветительному отделу военного комиссариата, при содействии центральных органов советской власти" ***).

Организационную сторону культурно-просветительного дела с'езд разрешал следующим образом:

— „Избрать культурно-просветительные коллегии в каждом гарнизоне с расчетом по одному представителю от самостоятельной части любой численности и двух от каждого полка; таким образом в коллегии гарнизона будет около 10-ти человек, которые распределяются между собой так: заведывающий школами и библиотеками гарнизона с одним помощником, заведывающий театром с одним помощником, заведывающий экскурсионным делом с одним помощником, заведывающий клубами с одним помощником и председатель коллегии, секретарь и казначей".

... „Культурно-просветительные коллегии гарнизонов организуют при каждой самостоятельной части культурно-просветительные секции из числа 6-ти человек, т.-е. один библиотекарь, 1 завклуб, 1 режиссер и директор для театра и 2 человека председ. и секретарь 1".

... „Культурно-просветительной секции также дается право приглашения лиц из среды солдат для выполнения того или иного дела по просвещению" ****).

Так разрешался с'ездом вопрос о культурно-просветительной работе в частях красной армии и в красногвардейских отрядах.

*) Цуардел.—„Труды 1-го с'езда депутатов Красной гвардии и красной армии". Стр. 54.

**) Цуардел.—„Труды 1-го с'езда депутатов Красной гвардии и красной армии". Стр. 56.

***) Там же.

****) Цуардел.—„Труды 1-го с'езда депутатов Красной гвардии и красной армии. Стр. 55.

* * *

Большое политическое значение имел в то время вопрос о командном составе. До конца 1918 г. не только в красногвардейских отрядах, но и во всех красноармейских частях командный состав избирался общим собранием части.

На этой почве в частях развивалось много всевозможных нездоровых явлений. Чувствуя свою зависимость от избиравшей его массы красноармейцев, командный состав зачастую, чтобы поддержать свой авторитет в глазах своих избирателей, не только не боролся, но даже потакал красноармейцам в проявлении их нездоровых инстинктов, а иногда являлся даже застрельщиками во всевозможных хулиганских выходках и дебошах.

Те лица из командного состава, которые, руководствуясь интересами революции, пытались установить в частях твердую революционную дисциплину, часто в своих мероприятиях наталкивались на бузотеров и горлопанов, которые, пользуясь самыми грубыми демагогическими выходками и приемами, восстанавливали против такого командира большинство части, и в результате хороший, полезный революции командир переизбирался и публично оплевывался.

Выборное начало в значительной степени устраняло возможность развития и воспитания у командного состава чувства ответственности за свою работу, состояние части и за выполнение оперативных приказов перед их начальниками, что в армии имеет неизмеримо большое значение.

Кроме того, на командные должности часто избирались люди, плохо знающие или вовсе не знающие военное дело, что весьма губительно отражалось на боевых успехах Красной армии.

Единственным выходом из этого положения был переход от выборного командного состава к назначению.

Вопрос этот вызвал на с'езде горячие споры, но в конце концов было вынесено следующее постановление:

— „Командный состав не выбирать, а назначать, с правом отвода командира по назначению в случае его непригодности" *).

Так было положено начало назначению командного состава, что внесло значительное оздоровление в ряды Красной армии.

Важное значение имел в то время вопрос о штатах. В то время Красная армия переживала период стихийного зарождения и роста. Никаких твердых штатов тогда еще не

*) Цуардел. — „Труды 1-го с'езда депутатов Красной гвардии и Красной армии". Стр. 78.

было, войсковые части существовали без всяких штатов, что вносило в армию большую путаницу во всех отношениях: и в оперативном, и в хозяйственном, и в административном.

Первый с'езд Красной армии и Красной гвардии проделал громаднейшую работу в этом отношении. В специальной секции с'езда были разработаны и с'ездом приняты штаты всех войсковых частей, что необходимо отметить, как громаднейшую заслугу с'езда.

Вопросы снабжения армии в то время были самыми больными вопросами не только армии, но и всего государства. Отрезанный от России Туркестан переживал тяжелый хозяйственный кризис. Не хватало ни хлеба, ни мануфактуры, ни обуви, ни железа.

С'езд уделил большое внимание вопросам снабжения, но отыскать пути и способы полного излечения хозяйственных болезней страны он не мог. Приходилось заниматься паллиативами.

В этом отношении особенно ярка одна картина, когда с'езд в числе 220 человек рассматривает красноармейскую папаху, сшитую из обрезков кожи, продемонстрированную перед с'ездом докладчиком, членом центральной коллегии по снабжению Ефремовым.

В использовании всевозможного бросового материала, в использовании всех местных средств и запасов находил выход с'езд из переживавшегося тогда тяжелого хозяйственного кризиса. Другого выхода не было.

Решения этого 1-го с'езда Красной армии имели громаднейшее значение. Был подытожен опыт почти годовой вооруженной борьбы с наседавшей со всех сторон контр-революцией. Были намечены лучшие пути и способы укрепления молодой рабоче-крестьянской Красной армии.

С'езд явился силой, которая внесла в недавно народившуюся Красную армию здоровый дух и определенную организационную ясность, отсутствие которой так губительно отражалось на Красной армии в ее боевой работе.

С'езд помог нам создать крепкую боеспособную армию, которая нашла в себе силы для того, чтобы, несмотря на исключительно тяжелые условия борьбы, разорвать сковывающее Туркестан кольцо фронтов разбить врага на всех фронтах и дать Туркреспублике возможность приступить к мирному социалистическому строительству.

Сенг-Заде.

Керкинские события *).

Начало белогвардейской авантюры.

Затянувшаяся борьба на Закаспийском фронте начинала волновать и выбивать из колеи белогвардейских организаторов и главарей этого фронта. Стойкость красных войск и начинавшее намечаться разложение внутри белогвардейского лагеря толкали их командование на авантюры. Именно авантюрой можно назвать тот план наступления на советские войска, который был разработан белогвардейским штабом в конце апреля 1919 года.

План этот сводился к следующему. В первых числах мая белогвардейцы должны были перейти в наступление по линии железной дороги на ст. Равнина, находившуюся в руках советских войск, имея в виду конечную цель - овладение г. Чарджуем. Здесь должна была действовать колонна главных сил.

Но успех всей операции, по мнению белогвардейского штаба, должен быть обеспечен не действиями этой колонны, а совершенно ничтожной обходной группой, которая должна была направиться на г. Керки, являвшийся по существу крайним левым флангом советских войск Закаспийского фронта.

Овладев городом и крепостью Керки, и пополнив там свои ряды за счет местных средств на что, повидимому, белогвардейский штаб весьма рассчитывал, эта обходная группа должна была, спустившись вниз по Аму-Дарье, ударить с левого фланга на г. Чарджуй с таким расчетом, чтобы заста-

---

*) Примечание Редакции.

Помещая настоящую статью Сенг-Заде, Редакция считает необходимым указать на то, что сделанные автором выводы и оценка носят пока что дискуссионный характер. В момент сдачи настоящей статьи в печать в истпарт поступила по этому вопросу работа одного из активных участников Керкинских событий т. Борджанова. Освещение событий у этого последнего во многом совершенно иные, чем у Сенг-Заде. Работа Борджанова будет помещена в следующем—3-м номере настоящего сборника.

вить советские войска настолько поспешно отойти в сторону Бухары, чтобы не успеть взорвать Чарджуйский мост через Аму-Дарью. Наступление белогвардейцев на ст. Равнина, имевшее место 3 мая 1919 г., говорит за то, что наш противник рассчитывал к этому времени продвинуть к г. Чарджую свои главные силы по линии железной дороги.

В случае же неудачи или затяжки с захватом г. Керки, обходная колонна белогвардейцев должна была, как предполагал белогвардейский штаб, устроить переполох на нашем левом фланге, отвлечь туда значительную часть наших сил и этим облегчить задачу своей ударной группы, наступавшей вдоль линии железной дороги.

Захват белогвардейцами Чарджуя действительно поставил бы нас в чрезвычайно затруднительное положение, так как мы в таком случае были бы поставлены перед дилеммой: либо откатиться до Самарканда, либо продолжать борьбу с Закаспийской контр-революцией на территории Бухарского ханства и этим самым наверняка втянуть в войну против нас эмира бухарского. (Смотрите схему).

Таков был план закаспийского белогвардейского командования. План этот весьма строен и очень красив, но все же представлял собою чистейшей воды авантюру, так как он не учитывал целый ряд весьма серьезных обстоятельств.

Первое из этих обстоятельств заключалось в том, что закаспийская белогвардейщина при построении этого плана рассчитывала на использование Бухары, не понимая того, что именно в этом моменте, именно в попытке ликвидировать советскую власть в Керках и затем в Чарджуе, бухарское правительство в своих интересах само использовывало закаспийскую белогвардейщину.

Бухарское правительство в известной мере содействовало выполнению этого плана, но содействовало очень осторожно, с опаской, делало оно это с таким расчетом, чтобы до поры до времени не испортить отношений с Советским Туркестаном, и в результате эта помощь оказалась недостаточной и во всяком случае менее значительной, чем рассчитывал закаспийский белогвардейский штаб.

Второе обстоятельство, являющееся показателем авантюрности заключается в том, что белогвардейский штаб неправильно учел настроение населения Керки. Поверив предвзятой информации, не учтя реальную обстановку, закаспийский белогвардейский штаб построил операции в расчете на то, что город сдастся без боя.

И, наконец, третье обстоятельство заключается в том, что белогвардейское командование не обеспечило отряд, напра-

вленный против Керков, таким количеством сил и средств, при которых он мог бы выполнить свое назначение.

Реальная действительность с первых же шагов весьма решительно изобличила авантюрность этого плана. Наступление главных сил противника на ст. Равнина 3 мая было нами отбито, судьба же его обходной колонны оказалась настолько жалкой и ничтожной, что если бы не наши крупнейшие ошибки с их весьма неблагоприятными последствиями, то относительно действий этой группы белогвардейцев не стоило бы писать и двух строк.

Движение и действие этой обходной колонны на г. Керки, находившемся на территории Бухарского ханства, которое официально считалось нейтральным, были, безусловно, заранее согласованы закаспийскими белогвардейцами с бухарским эмиром. Мы имеем целый ряд доказательств этого положения. Так один из перебежчиков со стороны белогвардейцев говорит, что в Байрам-али „...приезжал эмирский чиновник с какой то бумагой, про коего нам сказали, что он делегат эмира и приехал с просьбой от эмира поехать в Керки*).

Почти то же самое показывает и другой перебежчик—Саркисянц. В протоколе дознания мы можем прочитать следующее: —„В Байрам-али приезжали три чиновника от эмира и провожали нас до Мерва“**).

Для нас совершенно неважно, сколько эмирских чиновников приезжало в Байрам-али один или три, а важно то, что сношения между бухарским эмиром и закаспийской белогвардейщиной действительно имели место и, как показывают перебежавшие на нашу сторону участники этой неудавшейся авантюры, сношения эти шли по вопросу о белогвардейском движении на Керки.

Вторым доказательством этого положения является то обстоятельство, что ни бухарское центральное правительство, ни керкинский бек, безусловно, значительно ранее нас знавшие о движении этого отряда на Керки совершенно не известили об этом советское командование.

Наконец, третьим и чрезвычайно веским доказательством служит тот факт, что при приближении этого отряда к Керки со стороны бека были высланы в отряд специальные представители, на обязанности которых лежала доставка продовольствия белогвардейскому отряду.

*) Цуардел.—„Дело Керкинской следственной комиссии Рев. Трибунала“. Протокол дознания. Карапетова.

**) Цуардел.—„Дело Керкинской следственной комиссии Рев. Трибунала“. Протокол дознания Саркисянца.

Что чиновники бухарского правительства выехали не по своей инициативе, а были командированы керкинским беком доказывает та переписка, которую вели эти чиновники со своим начальством и которая впоследствии была найдена в бекской крепости. *).

Тот факт, что бухарский эмир за некоторое время до Керкинских событий поручил керкинскому беку закупку оружия, для чего были отпущены специальные средства, не имеет, конечно, непосредственного отношения к этим событиям, но может служить весьма убедительным доказательством того, что бухарский эмир в то время определенно готовился к войне с Советским Туркестаном.

Бухарское правительство больше всего тревожилось по поводу того, что бухарское ханство оказалось почти со всех сторон окруженным территорией Советского Туркестана, из которого в дехканские массы Бухары начинали проникать большевистские идеи и что в конечном итоге это обстоятельство грозило полным поглощением Бухары Советским Туркестаном или, вернее, перерождением Бухары на советский лад и слиянием со всей советской системой, что и произошло в конце концов.

Не будь Советского Туркестана, бухарский эмир сумел бы довольно легко расправиться с организацией младобухарцев и если не совсем задушить ее, то во всяком случае надолго ее обезвредить для себя. Именно поэтому бухарское правительство, не ограничиваясь борьбой с младобухарцами, упорно готовилось к войне с Советским Туркестаном. Об этом свидетельствует не только участие бухарского эмира в белогвардейском походе против Керков, но и показания такого видного белогвардейского организатора в Туркестане, как генерал Зайцев, который по этому поводу пишет следующее:

—„Бухарское правительство выразило полную готовность принять участие в борьбе с большевиками Туркестанского края, но обусловило это тем, чтобы Бухара была гарантирована от отдельного разгрома, как то было в марте 1918 года, и что Бухара предоставит все свои силы и средства для борьбы с Советской властью лишь после того, как участок Средне-Азиатской железной дороги от Красноводска до Чарджуя будет очищен от большевиков и в Ташкенте падет Советская власть“**).

---

*) Переписку эту мы здесь не приводим, так как она однажды была уже опубликована в „Красной Летописи Туркестана“ стр. 115—117, куда мы и отсылаем желающих с ней познакомиться.

**) „Соловецкие острова“. № 4. Воспоминания И. З.—„Из недавнего прошлого“, стр. 60.

Другой причиной, вытекавшей из первой и толкавшей бухарского эмира на войну с Советским Туркестаном, являлось то обстоятельство, что Туркестан дал на своей территории убежище сотням младобухарцев, через своих товарищей, оставшихся в Бухаре, ведших агитацию в широких слоях населения этой „страны бесправия".

Настраивало против Советского Туркестана и то обстоятельство, что довольно многочисленные советские подданные, проживавшие на территории Бухары в Новой Бухаре, Керках, Термезе, Чарджуе и на других мелких станциях железной дороги, жили и управлялись по советским законам и совершенно независимо от законов и порядков самой Бухары. В числе этих советских подданных было немало бывших бухарских подданных и местных уроженцев, в силу тех или иных обстоятельств, принявших ранее русское, а в дальнейшем— советское подданство. Значительная часть таких лиц была младобухарцами. С младобухарцами — бухарскими подданными эмирское правительство и беки на местах расправлялись весьма решительно и быстро, но предпринять что-нибудь по отношению младобухарцев советских подданных, в силу существовавших тогда договоров между Бухарой и Советским Туркестаном, они ничего не могли. В Керках в то время было значительное количество младобухарцев – советских подданных, у них был свой комитет, который вел среди местного населения работу. Во всей этой работе младобухарцы опирались на советскую колонию в Керках и керкинский бек был бессилен предпринять что-нибудь против них.

В показании Ширинянца, даного им Керкинской следственной комиссии, мы можем прочитать следующие строки:

„— Будучи членом Совдепа, я видел недоброжелательное отношение бухарцев к русским. Особенно эти отношения испортились после присылки в Керки трех керкинских младобухарцев... Бек постоянно просил убрать этих младобухарцев из Керков, говоря, что этого желает население и что, пока здесь младобухарцы, спокойствия здесь быть не может.

Я докладывал об этом в Совдепе. Младобухарцы были присланы из Ташкента *). Совет писал о младобухарцах в Каган, но они оставались здесь.

Особенно испортились отношения между бухарской властью и русской в Керках и усилилось недоброжелательство к нам бухарских властей в самом начале мая с. г. (1919 г.—С. З.) после того, как по постановлению партии коммунистов-боль-

*) Центральным Комитетом младобухарской организации, находившимся в Ташкенте.

шевиков были вырыты трупы младобухарцев, казненных в прошлые события, и перенесены и похоронены в братской могиле в городском парке *).

Таким образом мы можем считать, что участие бухарского правительства в этой керкинской авантюре, задуманной и выполненной белогвардейским штабом Закаспия, абсолютно доказано и выяснены те причины, которые толкали бухарское правительство в об'ятия закаспийской контр-революции и на совместное с нею выступление Бухары против Советского Туркестана.

В дальнейшем, когда эта керкинская авантюра закаспийской контр-революции лопнула при первом же сопротивлении со стороны керкинского гарнизона, бухарское правительство усиленно отказалось от участия в этой авантюре.

* * *

Во исполнение задуманного закаспийским белогвардейским штабом плана наступления на советские войска в конце апреля 1919 года было приступлено к формированию обходной группы.

Командование этой группой белогвардейским штабом было возложено на Айрапета Сааковича Айрапетова **).

Айрапетов—керкинский житель, купец, выехавший из Керков в Баку в апреле 1918 года и некоторое время служивший в Баку в Красной армии в качестве инструктора. Еще до этого он служил в царской армии в звании унтер-офицера. Но когда он был назначен во главе обходного отряда, закаспийский белогвардейский штаб произвел его сразу в штабс-капитаны.

Числа 24-25 апреля „штабс-капитан" Айрапетов приступил к формированию отряда для похода на Керки. Он сам обходил казармы различных частей в Байрам-Али и подыскивал добровольцев. Так как, очевидно, добровольцев находилось слишком мало, то Айрапетов решил подействовать на солдат обещанием крупных денежных наград как со стороны Закаспийского, так и со стороны бухарского правительства.

Так перебежчик Карапетов свидетельствует, что Айрапетов говорил; что нам дадут по 3.000 рублей, а после занятия Керков эмир даст по 30.000 рублей"... *).

Подобные же заявления встречаются и в показаниях других перебежчиков.

*) Цуардел,—„Дело Керкинской следственной комиссии Рев. Трибунала"-

**) В некоторых документах он фигурирует как Айрапетянц.

***) Цуардел—„Дело Керкинской следственной комиссии Ревтрибунала.

Но, несмотря на эти фантастические цифры обещанных солдатам наград, нужное количество добровольце все же не набралось. Тогда белогвардейское командование решило довести количество солдат до предполагавшейся численности путем назначения. Таким способом был составлен отряд численностью в 65 человек. В него вошли 4 русских и 3 перса, а остальные армяне.

Отряд был вооружен одиннадцати зарядными английскими винтовками. На руки каждому солдату было выдано по 200 штук патрон; кроме того в резерве отряда было по 100 штук патрон на каждого бойца. Кроме винтовок, каждому бойцу было выдано по одной гранате. Ни артеллерии, ни даже пулеметов при отряде совершенно не было.

Когда отряд был окончательно сформирован, из Байрам-Али его перебросили сначала в Мерв, а затем в Таш-кепри *) а оттуда — в Тахта базар. В Тахта-базаре часть отряда (13 человек) была посажена на коней, а остальные получили либо верблюдов, либо ишаков. Из Тахта-базара отряд вышел 5 мая и по пескам направился в сторону Керки, которых достиг на девятый день пути, т.-е. 14 мая. Авантюризм всего этого

**) В показании перебежчика Калустова говорится о том, что отряд был переброшен в Таш-Тюрпе. Мы считаем, что это недоразумение, потому что никакого Даш-Тюрпе в этом районе нет.

предприятия сказывается, кстати, и в том, что перед выступлением Айрапетов уверял солдат своего отряда, что от Тахта-базара до Керки совсем недалеко и что в Керки—отряд придет на третий день пути, а в дороге, когда стало падать настроение солдат, утомленных тяжелыми условиями пустынного похода, Айрапетов стал уверять их, что Керки сдадутся без боя.

Чрезвычайно любопытно отметить еще одно интересное обстоятельство. По показанию перебежчиков, из этого белогвардейского отряда Айрапетов, как только отряд вышел из Тахта-базара, снял свои офицерские погоны и снова нацепил их только тогда, когда отряд стал приближаться к Керкам. Этот факт говорит за то, что вдали от линии железной дороги, Айрапетов имел основание не доверять туркменам и боялся надевать офицерские погоны.

Преодолев песчаную пустыню, отряд 14 мая подошел к Керкам и остановился в одном из садов в 4 верстах от города. Через несколько времени к Айрапетову приехали два бухарских чиновника: Нуреддин Мирахур и Насреддин Караулбеги, а спустя еще некоторое время к белогвардейскому отряду по приказанию керкинского бека присоединилось около 100 вооруженных местных туркмен.

Так как белогвардейцы все еще не были готовы к решительному наступлению на город, то, посоветовавшись с бухарскими чиновниками, Айрапетов решил сойти со своим отрядом в к. Кизыл-Аяк, находившийся в 40 верстах на ю. ю.-в. от г. Керки. В Кизыл-Аяке к белогвардейскому отряду Айрапетова присоединилось еще около 150 туркменских вооруженных всадников. Таким образом, отряд Айрапетова численно возрос до 345 человек.

За все время своего пребывания в саду под городом и в к. Кизыл-Аяке Айрапетов, с одной стороны, вел интенсивную переписку с керкинским беком, а с другой—не менее интенсивную разведку в городе. Будучи жителем Керки и хорошо зная город, Айрапетов, по заявлению перебежчиков, дважды переводившись узбеком, там ездил в город и даже однажды был задержан советским патрулем. Но так как Айрапетов знал пропуск, то ему удалось вывернуться и уйти из наших рук.

То обстоятельство, что Айрапетову был известен пропуск, говорит за то, что у Айрапетова, несомненно, были единомышленники не только в городе, но и в советских органах города. В переписке, найденной в бекской крепости, мы находим следующее выражение: „Среди этого письма я вложил

другое письмо, которое передайте Самсону. Письмо это отправьте к нему с надежным человеком".

Здесь речь идет, конечно, о Самсоне Мелик-Карамянц, который в прежнее время был крупным хлопковиком. Во время февральской революции он был председателем городской хозяйственной комиссии, а после Октябрьской революции, как это ни странно, членом Совдепа.

После нахождения цитированного письма Мелик-Карамянц был арестован, но следственная комиссия не сумела как следует разобраться в этом вопросе.

Осада Керков

Вокруг построенной в 1889 году крепости, рядом с бухарским городом Керки постепенно стали селиться русские торговцы. Вскоре здесь возник новый городок. Приграничное положение города создало благоприятную обстановку для торговли с Афганистаном. Мало по малу Керки превратились в передовой отряд российского торгового капитала на пути его продвижения в Афганистан. Уже в 1910 году через керкинскую таможню вывезено в Афганистан товаров на сумму 2,5 миллиона рублей и ввезено из Афганистана на сумму 2,2 миллиона рублей *). Со времени постройки железнодорожной ветки Каган-Керки сумма торгового оборота Керки еще более возросла. В Афганистан через Керки Россия отправляла хлопчатобумажные ткани, спички, сахар и керосин, а из Афганистана в Россию ввозила всевозможные сушеные фрукты шерсть, шкуры, хлопок и т. д.

Помимо того Керки вели довольно крупную торговлю с бухарско-подданными туркменами, сбывая им всевозможные фабрично-заводские изделия и покупая у них ковры, шерсть, каракулевые шкурки и т. д.

Условия Афганской границы давали широкую возможность развитию контрабанды, благодаря чему многие керкинские торговцы жили не столько легальной торговлей, сколько получением и сбытом контрабандных товаров.

В Керках было два хлопкоочистительных завода, но оба они были весьма слабосильные, с чрезвычайно небольшим количеством рабочих, почему наиболее характерной чертой Керков и его жителей была именно торговля с ее специфической приграничной окраской. Это обстоятельство мы особо подчеркиваем, так как иначе будут совершенно непонятны главнейшие моменты в тех событиях, которые развернулись

*) В. И. Масальский.—„Туркестанский край" стр. 729.

после того, как айрапетовский белогвардейский отряд подошел к Керкам.

Октябрьская революция в Керках произошла спустя некоторое время после захвата власти рабочими в Ташкенте, при чем основной движущей силой революции явились солдаты местного гарнизона, которым надоела империалистическая бойня. Рабочие хлопкоочистительных заводов поддержали солдат, мелкая же буржуазия и чиновничество города никакого серьезного сопротивления не оказали. Так перешла власть в руки Керкинского Совета, которым, даже после расформирования старой армии, продолжали руководить бывшие солдаты.

Большевистская организация в Керках возникла лишь после Октябрьского переворота, но к лету 1919 года, то-есть к началу керкинских событий, она была довольно многочисленна и насчитывала в своих рядах несколько меньше 100 человек. Правда, количество в ней превалировало над качеством. С одной стороны, немногочисленность в городе рабочего класса определила собою в большинстве нерабочий состав партийной организации, а с другой стороны, и без того недостаточно крепкие большевистские ряды были разбавлены влившимися в коммунистическую партию левыми эс-эрами, что, безусловно, не могло не отразиться на состоянии керкинской партийной организации.

* * *

12 мая керкинский совет получил агентурные сведения, что на Керки со стороны Асхабада движется белогвардейский отряд численностью до 3.000 человек при 8 вьючных орудиях и 16 пулеметах. На следующий день, т.-е. 13 мая, были получены дополнительные сведения, что передовая часть этого отряда прибыла в Кизыл-Аяк.

В тот же день вечером было созвано заседание Совета, на котором было решено организовать специальную „Коллегию по обороне города". В состав этой Коллегии вошли: в качестве начальника обороны (председателя Коллегии) Нестеров, и в качестве членов Коллегии председатель керкинского совета Ширинянц, заведующий военным отделом совета Бабаев и, как специалисты военного дела, Василевский и Баржанов.

На этом же заседании было решено объявить город на военном положении, о чем был издан соответствующий приказ.

На следующий день, то-есть 13 мая, в 10 часов утра о приближении асхабадских белогвардейцев по прямому проводу было сообщено бухарскому резиденту Туркестанского Советского правительства. При этом Совет настоятельно просил

выслать в Керки подкрепления, так как справиться с крупными силами белогвардейцев керкинцы не рассчитывали.

Необходимо отметить, что сохранившаяся запись этого разговора по прямому проводу является чрезвычайно наглядным показателем того, что грозные сведения о движении асхабадцев повергли керкинский совет в самую определенную панику. Приводим целиком этот разговор:

— „Говорит Ширинянц, Нестеров и Ладога. Мы окружены асхабадцами. Здесь, в 28 верстах во главе отряда наши керкинские офицеры. Это, может быть, последний раз говорим с вами. Срочно дайте нам помощь. Предполагаем, что вечером начнется бой. Бек в контакте. Бекские чиновники выехали навстречу головному отряду, состоящему из 750 человек при 8 орудиях и 16 пулеметах. Командует английский полковник. Вот для спасения необходима экстренная помощь. Нас мало осталось, часть красной армии изменила. Имеем точные данные. Силы не спасут положения, необходима помощь экстренная, без которой мы все погибнем. Будем действовать до последнего и ожидаем помощи. Перехвачены письма и сообщение солдат, что с приходом асхабадцев будут сданы все гранаты, готовы к сдаче крепости и города. Сейчас же сообщите в Военно-Революционный Совет фронта“ *).

Потрясающие сведения о количестве белогвардейцев керкинский совет получил от агентуры. Вместо того, чтобы спокойно проверить эти сведения войсковой разведкой или через другого, более надежного агента, керкинский совет верит этому агенту на слово и вводит в заблуждение советского резидента в Бухаре, а через него и командование войсками Туркестанской республики.

На ряду с этим Керкинский совет сознательно пытается напугать еще и бухарского резидента, давая совершенно ложные сведения о настроении советского гарнизона в Керках, уверяя резидента в том, что гарнизон будто бы „готов к сдаче крепости и города“.

В то время керкинский гарнизон состоял из крепостной роты численностью около 150 человек и кавалерийского эскадрона—100 человек. Кроме того, в городе была партийная дружина, насчитывавшая около 80 человек, и на станции Самсоново было 75 человек железнодорожной охраны. Всего, следовательнов, в городе имелось 305 штыков и 100 сабель.

Обсудив создавшееся положение, Коллегия по обороне города решила предпринять кое-какие меры к его защите. Для того, чтобы усилить крепостную роту, Коллегия решила пополнить ее 20 бойцами за счет партийной дружины. Кавале-

*) Цуардел.—Дело „Керкинские события“. Лист 96.

рийский эскадрон имел в своем распоряжении слишком мало патронов. Поэтому Коллегия по обороне города решила выдать эскадрону из крепости 10.000 патронов, и кроме того из крепости же в эскадрон был передан один пулемет и к нему 26.000 патронов и две трехдюймовых пушки с необходимым запасом снарядов. Для того, чтобы поддерживать связь со станцией Самсоново, было решено просить бека предоставить в распоряжение Коллегии пять больших каюков и шесть бударок, при этом было заранее определено, что если бек откажет в предоставлении перевозочных средств, то таковые должны быть захвачены силою.

В одной из бывших казарм, где в то время помещалась школа, было решено организовать перевязочный пункт.

Но так как, подобно совету, Коллегия по обороне тоже не надеялась отстоять своими силами город, то было решено на всякий случай подготовить обоз для эвакуации. Обоз предполагалось создать путем реквизиции всех имеющихся в городе телег и арб. Были также приняты меры к вывозу банковских ценностей.

Вот тот комплекс мероприятий, который был намечен Коллегией по обороне города.

Безусловно, весьма целесообразным мероприятием было усиление партийным составом крепостной роты за счет партийной дружины. К сожалению, это мероприятие не было доведено до конца, так как партийцы, переброшенные в крепостную роту, не были как следует использованы для партийно-агитационной работы.

Придача кавалерийскому эскадрону двух трехдюймовок, поскольку кавалерийскому эскадрону не давалось никакой самостоятельной задачи, ничем не вызывалась и опять таки была совершенно бесполезным делом.

Остальные же мероприятия, намеченные Коллегией, в сущности сводились к эвакуации, которая была совершенно немыслима. В тех условиях, в которых находились в то время Керки, значительно легче было обороняться и даже наступать, чем отступать. Отступив в пески, керкинский гарнизон был бы, безусловно, уничтожен даже значительно более слабыми, по сравнению с ним, силами противника.

Кроме этих мер Коллегия положительно ничего не предприняла для уяснения действительного положения вещей и, в первую очередь, для выяснения действительных, а не фантастических сил противника, что нужно было сделать прежде всего.

* * *

Утром 15 мая Коллегия по обороне города получила „ультиматум“ от белогвардейского отряда следующего содержания:

—„По приказанию союзников и власти добровольческой армии генерала Деникина, вверенным нам боевым отрядам приказано во что бы то ни стало взять г. Керки, занять крепость и продвинуться вперед. Во избежание пролития крови, как братской, так и драгоценной в настоящее время для каждого из нас гражданина крови, тем более крови мирного невинного населения обоего пола, включая сюда и малолетних, приказываем в течение 2-х (двух) часов, считая срок с момента подачи настоящего ультиматума, сдать без боя и кровопролития: 1) крепость, как русскую, так и бухарскую. В противном случае как крепость, так и город будут бомбардированы, не щадя мирного населения, даже и малолетних. По сдаче мирным путем, как крепости, так и города, не будут тронуты ни одни личности, не считаясь с тем, какой бы пост они не занимали.

Начальник английского отряда
полковник *Ломкарт.*

Председатель французской военной миссии
полковник *Вальтер.*

Начальник русского отряда
генерал-майор *Юденич.*

Начальник туркменского отряда
полковник *Гар-сар-дер.*

Д. Армия.
14 мая 1919 года. 2 часа ночи*).

Мы нарочно выписали целиком весь этот документ для того, чтобы подчеркнуть авантюрность всей белогвардейской затеи с этим походом на Керки.

Айрапетов великолепно знал, что шестью десятками, истрепанных тяжелым походом по пескам солдат без артиллерии и даже без пулеметов никого не запугаешь, туркменская же кавалерия для штурма крепости почти совершенно не годилась. Поэтому он решил взять керкинский гарнизон, что называется, „на пушку“. Совершенно не имея артиллерии, он грозит по истечении двух часов с момента вручения ультиматума бомбардировать город, если последний не сдастся без боя.

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегий по обороне г. Керки“. Протокол от 15 мая 1919 года.

Далеко не будучи уверен в целости собственной шкуры, Айрапетов грозит суровой расправой не только с мирным населением города, но даже и с малолетними и в то же время очень жалеет население города и не хочет проливать „драгоценную в настоящее время... кровь", а для того, чтобы придать наибольшую вероятность выполнения этих решительных угроз, он изобретает подписи трех полковников и одного генерала, представляющих командование целых четырех национальных отрядов.

Между тем, Коллегия по обороне города все еще не имела никаких сведений о действительных силах противника, пред'явившего городу такой решительный ультиматум.

Но и теперь, вместо того, чтобы как следует наладить разведку, Коллегия предпочитает гадать на бобах и пытается путем рассуждений установить действительную численность противника.

В протоколе Коллегии по обороне города мы можем прочитать следующее довольно интересное рассуждение:

—„Едва ли Закаспийское правительство могло выделить особенно значительные силы и перебросить их к Керки по безводной, почти 100 верст, песчаной пустыне, так как для этого потребовался бы неимоверно большой транспорт.

Тем не менее... отряд этот, раз рискнул и смог преодолеть все вышеуказанные трудности, невзирая на свою новую отрезанность от главной базы и без крайне необходимой в таких случаях технической связи, должен быть довольно солидный и способный на самостоятельные серьезные операции, о которых говорится в самом ультиматуме".*).

Полуэскадрон кавалерии с парой пулеметов, высланный в сторону противника с целью войсковой разведки, дал бы в тысячи раз большие результаты, чем эти рассуждения, если не ликвидировал бы вовсе белогвардейский отряд Айрапетова.

К чести Коллегии нужно отметить, что, делая грубые и непростительные ошибки в военном отношении, даже впав в панику, Коллегия по обороне города ни на один момент не подумала о возможности сдачи города белогвардейцам. Имея сведения о приближении подавляющего своею численностью белогвардейского отряда и совершенно не надеясь на благополучный для себя исход от предстоящей борьбы, Коллегия по обороне города решила.

—„...Какой бы силы ни был отряд контр-революционеров, мы не должны отступать перед ними и отнюдь не сдавать своих позиций, а твердо и самоотверженно защищать их и

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне города Керки". Протокол от 15 мая 1919 года.

советскую власть насколько хватит сил. Лучше честная смерть, чем позор".*)

Нужно очень много героизма и еще больше приверженности идее советской власти, чтобы вынести и провести в жизнь такое решение. Мне думается, что одного этого документа вполне достаточно для того, чтобы покрыть все те ошибки, которые допустила Коллегия в процессе борьбы за Советскую власть. Ошибки керкинцев мы должны учитывать не для того, чтобы судить их, а для того, чтобы понять их причины и не допускать их в дальнейшем.

Овладев собой, а такое решение говорит именно о том, что Коллегия уже начинала понемногу овладевать собой, и придя к выводу о необходимости вступить в открытую борьбу с контрреволюционным отрядом, Коллегия вспомнила о том, что для успешного ведения предстоявшей борьбы нужно было по возможности точно выяснить силы и средства противника. Коллегия решила воспользоваться пред'явленным ультиматумом и послать к белогвардейцам своих представителей с тем, чтобы они под видом ведения переговоров о сдаче города, по возможности точно выяснили силы, средства и расположение противника.

Выполнение этой задачи было возложено на т.т. Д. Шванского и В. Сырникова, которые вместе с белогвардейцем Мужатым, доставившим в Коллегию ультиматум Айрапетова, в тот же день, то есть 15 мая, в 7 час. 12 минут утра, отправились в расположение белогвардейского отряда.

Для придания видимости переговоров о сдаче крепости, Коллегия отправила с Сырниковом и Шванским письмо на имя белогвардейского отряда следующаго содержания:

„В отряд союзных войск.

„В ответ на ультиматум, пред'явленный 15 мая с/г. в 4 ч. 30 мин., настоящим ставим вас в известность, что согласно существующих правил ведения войны, такие вопросы, как сдача крепости и вообще города, простой бумажной перепиской решены быть не могут, а потому для всестороннего выяснения всех пунктов и условий ультиматума, посылаем к вам наших представителей т. Шванского и т. Сырникова. Сказанные товарищи уполномочены нами вести переговоры по выяснению всех вопросов ультиматума. Окончательный ответ на ультиматум будет дан по возвращении наших делегатов и доклада нам результатов"*).

*) Цуардел.—„Протокол Коллегии по обороне города Керки". Протокол от 15 мая 1919 года.

**) Цуардел.—«Протоколы Коллегии по обороне города Керки». Протокол от 15 мая 1919 года.

Но Айрапетов не дождался этого ответа на свой ультиматум, посланный им из сада в 4 верстах от города, в котором он сначала остановился. Далеко не будучи уверенным в потрясающем действии своего ультиматума и, очевидно, боясь того, как бы красные войска не изловили его в этом саду, Айрапетов решил отойти от Керков подальше. Утром он собрал весь свой отряд и отошел в к. Кизыл-аяк.

* * *

Шванский и Сырников выехали в расположение белогвардейского отряда вместе с белогвардейцем Мужатым, привозившим в Керки ультиматум Айрапетова. Как только они от'ехали от здания, где помещалась Коллегия по обороне города, Мужатый спросил их, везут ли они ответ на этот ультиматум. Шванский ответил, что везут. После этого Мужатый заявил, что он не совсем твердо помнит дорогу и что нужно заехать за его проводниками. У дома закетчи *) советских представителей остановил бухарский караул и доложил зякетчи об их прибытии. Спустя несколько минут к ним вышел сам зякетчи в сопровождении одного из влиятельных керкинских лиц—Матчибаева. Когда Мужатый сказал зякетчи, что ему нужны его проводники, последний заявил, что они отправлены к беку. Пришлось поехать в крепость бека.

Под'ехав к воротам бекской крепости, Мужатый слез с лошади, которую взяли подбежавшие слуги бека. Сам Мужатый направился к беку, а за ним пошел и Шванский. Бек, в сопровождении какого-то престарелого чиновника, любезно принял их. В это же время к беку пришел и Матчибаев. В разговоре бек заявил, что он очень хотел бы, чтобы дело кончилось миром, что он не хотел бы кровопролития. В сущности все эти разговоры бека о нежелательности кровопролития и необходимости кончить дело миром сводились к тому, что советский гарнизон должен сложить оружие и передать город в руки белогвардейцев.

Наконец, Мужатый попросил бека дать ему его проводников. Шванский тоже попросил себе проводника. Бек сделал соответствующее распоряжение, и к советским представителям в качестве проводника был назначен влиятельный туркменский бай Тиляу Мирахур.

Когда советские представители выходили от бека, то они видели, что два туркмена проводника Мужатого ехали от дома зякетчи. Очевидно, эти проводники были там и в то время,

*) Зякетчи—заведующий сбором налога (зякет) по-нашему, заведующий финансовым отделом.

когда туда приезжала наша делегация вместе с Мужатым, а сказал им зякетчи, что они находятся у бека, только для того, чтобы устроить свидание советских представителей с беком и, таким образом, дать ему возможность повлиять на советских представителей.

Когда делегация проезжала через туземную часть города, все магазины и лавки были закрыты, и в городе встречались вооруженные бухарцы, преимущественно туркмены. По дороге через город Мужатый под разными предлогами пытался отделиться от советской делегации, но это ему никак не удавалось. Наконец, один из проводников Мужатого отделился от них и быстро ускакал вперед. Очевидно, Мужатый поручил ему отвезти какое-нибудь сообщение Айрапетову. По крайней мере, когда советская делегация прибыла в расположение белогвардейского отряда, этот проводник был уже там.

Как только Советские делегаты стали под'езжать к белогвардейскому лагерю, их остановил часовой, заявивший, что об их прибытии он должен доложить капитану Айрапетову. Шванский и Сырников остались на месте, а Мужатый поехал в караван-сарай, в котором находился Айрапетов.

Через несколько минут советских делегатов пригласили к Айрапетову, и когда они под'ехали к караван-сараю, со двора выехал конный отряд вооруженных туркмен численностью до 250 человек.

Следом за туркменским отрядом со двора караван-сарая вышел и сам Айрапетов в штабс-капитанских погонах в сопровождении нескольких солдат-армян, из которых некоторые были в погонах и в фуражках с кокардами. На вид солдаты были чрезвычайно изнурены тяжелым переходом по пескам, одежда на них была совершенно изорвана.

Шванский передал Айрапетову письмо Коллегии, которое он тут же с вестовым отправил якобы в штаб, а советским делегатам в ожидани ответа подали чай.

В разговоре с советскими делегатами Айрапетов заявил, что они являются частью деникинской армии, что против Советской власти, как таковой, они ничего не имеют, но борятся против отдельных личностей. В то же время, по его словам, во главе отряда стоит „полковник английской службы Ламкарт, человек весьма жестокий, заклятый враг большевиков. В покоренных местностях он не щадил женщин и даже детей"*). Вместе с тем, Айрапетов заявил, что керкинскому гарнизону остается только одно—скорее сдаться, так как только этим

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне г. Керки". Протокол от 15 мая 1919 года. доклад т. Шванского.

можно заслужить милость их полководца, иначе все будет разрушено и уничтожено.

Он уверял, что Керки со всех сторон уже окружены, телеграф, связывающий Керки с Бухарой, прерван, что железная дорога на всем участке между Керки и Карши разрушена, и что по направлению Термеза также послан отряд осетин численностью около 500 человек. Он уверял, что белогвардейский отряд очень большой численности и состоит из всех родов оружия. В состав этого отряда будто бы входили английские, русские, туркменские и другие части и что отряд самого Айрапетова является лишь передовым охранением этого отряда.

Всем своим поведением он пытался доказать, что будто бы все это так на самом деле и есть. Как сам Арапетовов, так и его окружающие все время разыгрывали заранее разученную роль, словно все это происходило не в действительной жизни, а на сцене провинциального театра. Входит, например, в помещение вестовой и докладывает, что английская пулеметная команда требует папирос. Айрапетов спокойно выслушивает это „требование" солдат и отдает заведующему хозяйством соответствующее распоряжение.

Или сам Айрапетов вдруг вспоминает, что он забыл отменить отданное раньше приказание французской батарее открыть огонь по городу по истечении двухчасового срока, данного ультиматумом. Тогда он вызывает вестового и отдает ему распоряжение скакать во французскую батарею с приказом о том, чтобы отложит бомбардировку города до особого распоряжения.

Для придания видимости связи с главными силами белогвардейского отряда, которые якобы стояли несколько дальше от Керки, к Айрапетову время от времени приезжали ординарцы, отдавали ему какие-то пакеты и снова уезжали.

Тот вестовой, который повез якобы в штаб главных сил переданный Айрапетову ответ Коллегии по обороне г. Керки, вернулся назад через 15—20 минут. Он подал Айрапетову пакет, в котором было предписание, уполномачивавшее Айрапетова на ведение переговоров с городом.

После короткого совещания со своими спутниками, Айрапетов заявил советским делегатам, что для ведения окончательных переговоров с керкинским советом от его отряда избраны Тер. Степанов, Уральский и Мужатый. Вместе с тов. Сырниковым эти белогвардейские делегаты отправились снова в Керки, а т. Шванский был оставлен в отряде Айрапетова до возвращения его делегатов.

Т. Шванский стал внимательно присматриваться к отряду Айрапетова и ко всему происходящему там. Эти наблюдения дали ему возможность придти к выводу, что никаких „главных сил отряда", якобы расположенных где-то в некотором отдалении от города, нет, что нет также никаких английских и французских частей, а есть только небольшая кучка жалких, истрепавшихся и сильно истощенных за время похода через пески белогвардейских солдат во главе с Айрапетовым, а все разговоры Айрапетова о восьмитысячном отряде, о 8 пушках и шестнадцати пулеметах, об ожидаемых двух аэропланах и т. д. представляют собою не больше, как попытку Айрапетова запугать защитников Керки и добиться того, чтобы город был сдан ему без боя, последнего Айрапетов, видимо, весьма серьезно боялся.

* * *

Возвратившийся из белогвардейского отряда т. Сырников на заседании Коллегии по обороне города сделал доклад, в котором рассказал свои впечатления об этом отряде. По мнению Сырникова, отряд этот никакой серьезной силы не представлял. Значительно более серьезным он признавал то обстоятельство, что бухарские власти активно поддерживают этот белогвардейский отряд и заметно готовятся к борьбе с советской властью в Керках.

Коллегия по обороне города согласилась с т. Сырниковым. Так как ни о какой сдаче города белогвардейцам теперь уже не могло быть и речи, то Коллегия решила, прежде чем давать окончательный ответ на пред'явленный белогвардейцами ультиматум, выручить из белогвардейского лагеря т. Шванского, которого задержал Айрапетов.

С этой целью Коллегия решила отправить к Айрапетову двух его представителей, а третьего, Мужатого, задержать до прибытия в город т. Шванского.

С возвращенными Тер-Степановым и Уральским на имя белогвардейского отряда было написано письмо, в котором было сообщенно, что оставленному представителю белогвардейцев—Мужатому гарантируется полная безопасность и что он будет возвращен по прибытии Шванского.

Вечером Шванский вернулся и на заседании Коллегии сделал доклад, в котором подтвердил и уточнил все то, что еще ранее сообщил Сырников. Тогда Коллегией было принято окончательное решение — не сдаваться этому отряду белогвардейских авантюристов.

На пред'явленный белогвардейцами ультиматум был послан ответ следующего содержания:

— „Мы, сыны всемирного пролетариата, поставляем вас в известность, что никакой власти, кроме власти Советской России и Туркестана мы не признаем; мы признаем только советскую власть и ей подчиняемся и будем защищать ее до последней капли крови.

Ига империалистов и капиталистов, свергнутого такими жертвами, мы вновь не желаем. Советская власть крови не желала и не желает, ее не искала и не ищет. Вы ее ищете и вы пришли к нам. Если вы жаждете крови невинных жертв, можете начинать, мы готовы. Ни крепость, ни город без боя сданы не будут". *).

Одновременно с этим, Коллегия решила ознакомить с действительным положением вещей красноармейцев **) гарнизона и всех граждан города.

Кроме того, было решено призвать к оружию все мужское способное носить оружие население города.

По заранее выработанному Коллегией плану обороны города, были выставлены караулы и посты.

Наконец, было решено не допускать передвижения населения как из кишлаков в город, так и обратно, чтобы не дать возможность белогвардейцам под видом мирного населения проникнуть в Старый или Новый город.

* * *

Ошибки керкинцев.

Последнее предположение оказалось весьма реальным. Получив отказ сдать город без боя и не питая никакой надежды на занятие его с боем, Айрапетов попытался хитростью захватить город в свои руки.

Он договорился по этому поводу с керкинским беком, который в тот же день настойчиво потребовал от Коллегии, чтобы в следующую субботу (базарный день) советским командованием была снята сторожевая цепь, и чтобы никто не препятствовал свободному движению населения и проезду дехкан на городской базар. Было ясно, что бек пытается под прикрытием дехкан, едущих на базар, провести в город белогвардейский отряд.

Нужно отметить, что еще раньше керкинский бек, кроме тех актов недружелюбия по отношению Советский власти, ко-

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне г. Керки". Протокол от 15 мая 1919 года.

**) Слово „красноармеец" ни в протоколах Коллегии, ни в других документах, касающихся Керкинских событий, не фигурирует. Вся переписка по этому поводу придерживается термина „воин"—П. А.

торые были указаны выше, предпринял несколько таких шагов, которые могут быть расценены как акты определенно враждебные и направленные против советской власти.

Неоднократно заявляя представителям советской власти, что он занимает позицию нейтралитета, бек в то же время запретил тем русским, которые проживали в районе старого города не только выезжать в новый город, но и сноситься с ним. С этой целью на границе Нового и Старого городов керкинский бек выставил специальные караулы.

Одновременно с этим, бек спешно вооружал население города, натравливая его против русских и советской власти.

Советские продовольственные склады находились на территории Старого города. Когда, готовясь к продолжительной осаде, представители советский власти стали вывозить хранившиеся на складах продукты, бек пытался запретить этот вывоз.

Когда же продукты все-таки были вывезены, бек категорически запретил хлебопекам и купцам продавать русским или советской власти какие бы то ни было продукты питания.

Одним словом, все говорило за то, что керкинский бек определенно становиться на сторону белогвардейцев и активно помогает им. Обсудив этот вопрос, Коллегия вынесла следующее постановление:—„Имея в виду: 1) поголовное вооружение населения туземного города; 2) полученные сведения о спешной раздаче оружия населению ближайших кишлаков и 3) якобы экономическая неизбежность для населения в одном базарном дне, на который русским гражданам допуск воспрещен, являющаяся лишь благовидным предлогом и маскировкой для скопищ вооруженных туркмен в городе, с целью совместно с асхабадской бандой напасть и уничтожить нас, пользуясь нашей малочисленностью, Коллегия постановила—требование бека решительно отклонить". *).

Уже из текста этого постановления видно, что Коллегия к моменту пред'явления требования бека о пропуске населения на базар подходила к тому, чтобы совершить грубейшую ошибку.

Несмотря на свое численное ничтожество и качественное бессилие, контр-революционный отряд Айрапетова служил для керкинского бека весьма удобной ширмой, под прикрытием которой он действительно помышлял ликвидировать советскую власть в Керках. Не имея этой ширмы, бек ни в коем случае не мог выступить против советской власти, не втянув

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне г. Керки". Протокол от 15 мая 1919 года.

всю Бухару в войну с Советским Туркестаном, в то время совершенно невыгодную для эмира.

Таким образом, условия тогдашней обстановки требовали того, чтобы, стараясь ни в коей мере не обострять своих отношений с коренным населением, принять самые решительные меры к ликвидации жалкой „армии" Айрапетова. Было ли это возможно? Конечно, да. Отряд пехоты Айрапетова, совершивший громадный переход по песчаной пустыне, был совершенно неспособен даже к быстрому отступлению. Поэтому тех сил керкинского гарнизона, которые по крайней мере в пять раз численно превосходили собственный отряд Айрапетова, было, безусловно, вполне достаточно для того, чтобы, быстро и решительно, перейдя в наступление, разбить и уничтожить его.

Это явствует не только из голого рассуждения, но и из тех фактов, которые мы имеем. Например, высланная 16 мая из Керков разведка в составе одного кавалерийского взвода встретила разведку Айрапетова в составе 7 человек. Разведчики Айрапетова немедленно же сдались в плен и при этом сообщили, что отказом советского командования сдать крепость без боя Айрапетов очень удручен, а его солдаты стали поговаривать о сдаче в руки красных, и для того, чтобы солдаты не перебегали на нашу сторону, Айрапетов оцепил свой отряд туркменскими всадниками.

Но вместо того, чтобы уничтожить эту контрреволюционную бекскую ширму, и в то же время, стараясь как формально, так и по существу сохранить добрососедские отношения с беком и населением бекства, Коллегия по обороне города в то же время вступила на чрезвычайно опасный и совершенно ненужный путь открытой вооруженной борьбы с беком и той массой, которая, будучи обманутой беком, шла за ним.

Но если этим ответом беку Коллегия лишь наметила для себя ошибочный путь, то через несколько времени она решительно и бесповоротно стала на этот путь, превративший затеянную закаспийским белогвардейским штабом авантюру Айрапетова в бессмысленную, никому ненужную и, имевшую чрезвычайно вредные последствия, длительную борьбу между преимущественно русским советским населением Керков и коренным населением города и окружавших его кишлаков.

Вечером 16 мая в 6 ч. 15 минут, Коллегия по обороне города предъявила керкинскому беку следующий ультиматум:

— „В событиях настоящих дней, как выяснилось от сдавшейся нам части асхабадских авантюристов, являются виновниками главные представители керкинского бекства, которыми совместно с названными авантюристами выработан план

захвата русской крепости и нападения на русскую часть города, с целью обезоружения и уничтожения русско-подданного населения, по примеру многих местностей Бухары в прошлогодние февральские события.

Чтобы ввести нас в заблуждение относительно истинных сил своих, эти авантюристы пред'явили нам ультиматум с подложными подписями разных полковников и генералов русских и англо-французских армий. Факт участия в этом заговоре ваших высших чиновников подтверждается еще и тем, что Вы вечером 15 сего мая прислали Мирахура Кадыркулова с письмом названных авантюристов, которым они благодарят вас за согласие сдать вашу крепость и туземную часть города Керки без боя *).

Во избежание дальнейших покушений на жизнь русско-подданных граждан и на основании заключенного с Бухарой прошлогоднего Кизыл-Текинского договора, Коллегия по обороне города Керки предлагает вам в двухчасовый срок сдать все оружие и боевые припасы, находящиеся на складах и на вооружении бухарско-подданного населения оцепленного нами туземного города Керки.

В случае неисполнения этого, вся ответственность за дальнейшие последствия и могущую пролиться кровь ни в чем неповинного бухарского населения, являющегося жертвой небольшой кучки бухарских заговорщиков и асхабадских авантюристов, возлагается всецело на вас" **).

Таким образом, основная ошибка советских защитников Керки ***) была совершена, и никто уже не был в состоянии повернуть события в обратную сторону. С этого момента айрапетовский отряд асхабадских авантюристов отошел на задний план.

На тот случай, если бек откажется в установленный двухчасовой срок выполнить пред'явленные ету требования, Коллегия решила произвести обезоружение Старого города силой. В этих целях был выработан следующий план действий.

1. Было решено усилить заставы против туземной части города, выдвинув в наиболее важные пункты пулеметы.

2. Артиллерию крепости и полевую полубатарею, расположенную на площади, направить на дом бека, зякетчи и Ми-

*) Письмо это было прислано с той целью, чтобы психологически повлиять на советских защитников Керки.

**) Цуардел.—«Протоколы Коллегии по обороне города Керки». Протокол от 15 мая 1919 года.

***) При обсуждении этого вопроса на заседании Коллегии по обороне города некоторые члены Коллегии решительно выступали против пред'явления беку этого ультиматума, но они остались в меньшинстве.

рахура Нуреддина, так как Коллегия полагала, что именно в этих пунктах находятся все руководящие органы бека.

3. Если ультиматум не подействует, то по указанным пунктам Коллегия по истечении двухучасового срока решила открыть артиллерийский огонь, чтобы таким путем заставить бухарские власти сдаться и выдать имеющееся у них оружие.

Вполне понятно, что в двухчасовой срок собрать все имеющееся на руках у населения оружие бек, конечно, не мог даже при желании, а так как такого желания у него не было вовсе, то он даже и не приступил к сбору оружия.

Не прошло и двух часов, как на линии между Старым и Новым городом началась перестрелка. Трудно установить, кто начал стрелять первый. Командиры советских частей весьма единодушно показывают, что первые выстрелы были со стороны Старого города, но все может быть, что это не совсем так, потому что дисциплиной части керкинского гарнизона того времени далеко не блистали, возможно, что первый выстрел был дан даже без сознательной провокационной цели, а просто как проявление разгильдяйства. Но в конечном итоге вопрос о том, кому принадлежит первый выстрел, не имеет такого действительно серьезного значения, потому что то, что произошло в Керках, определилось не этим первым выстрелом, а тем ультиматумом, который Коллегия предъявила беку.

Когда на передовых позициях началась ружейная перестрелка, один из членов Коллегии, Баржанов, приказал полевой полубатарее открыть огонь, а следом за ней уже без всякого приказания был открыт огонь и крепостной артиллерией.

Всего по Старому городу было сделано 17 орудийных выстрелов, после чего бухарские власти прислали своих делегатов, которые соглашались в течение часа сдать свои две пушки, два пулемета и 300 русских трехлинейных винтовок.

Но, несмотря на обещание, в указанный срок бек прислал Коллегии по обороне города лишь около 30 винтовок, но не русских, а бухарских и английских. Такую медлительность бека Коллегия расценила, как стремление оттянуть время, необходимое беку для сосредоточения в Старом городе возможно большее количество туркменских всадников.

Для того, чтобы побудить бека к скорейшей сдаче потребованного оружия, Коллегия приказала сделать по бекской крепости еще 4 орудийных выстрела, после чего бек сдал свои две пушки и около двухсот винтовок различных образцов. Остальное оружие, по словам бека, было брошено населением в Аму-дарью. Этому, конечно, никто не поверит. Просто—напросто оружие было припрятаго в различных укромных местах.

Еще с вечера 16 мая, из Старого города в Коллегию стали приходить делегации от мирного населения. Члены Коллегии об'яснили населению причины происшедших событий и через них потребовали, чтобы в Коллегию прибыл сам бек. Сначала он упорно не хотел ехать, присылал вместо себя одну за другой четыре делегации, но, наконец, вынужден был приехать сам.

Коллегия снова потребовала от него сдачи оружия, но бек утверждал, что собрать все имеющееся у населения оружие он может лишь в течение трех дней. Коллегия снова усмотрела в этом преднамеренную оттяжку для того, чтобы организовать туркменские массы и решила арестовать как самого бека, так и его наиболее видных чиновников.

Приводим целиком все постановления Коллегии по этому поводу:

— „Коллегия решила, чтобы пресечь дальнейшее поползновение бека к враждебным действиям и обезопасить себя от вооруженной туземной массы, немедленно приступить самой к обезоружению для чего:

1. Об'явить бека, зякетчи, кази, раиса и чиновника Султана военнопленными.

2. Об'явить туземный город впредь до организаци в нем власти подчиненным русской власти.

3. Туземную крепость занять небольшим отрядом русских войск, а также зякетчи-хане *), все правительственные учреждения и склады, произведя в них тщательный розыск оружия и боевых припасов.

4. Все ценности и имущество бухарских чиновников, в целях предотвращения от расхищения его, перевезти, насколько можно, в русские склады и составить опись ему.

5. Принять все меры к охране правительственных бухарских учреждений и хранилищ.

6. Об'явить населению о немедленной сдаче оружия **).

Так Коллегией по обороне города была совершена вторая грубейшая ошибка. Но эта ошибка не была самостоятельна. Она целиком и полностью вытекала из первой и основной ошибки Коллегии—пред'явления беку ультиматума о сдаче всего оружия.

По распоряжению Коллегии, войска двинулись в Старый город. И вместо того, чтобы „все ценности и имущество бухарских чиновников, в целях предотвращения от расхищения, его перевезти, насколько можно, в русские склады и соста-

*) Зякетчи-хан—финотдел.

**) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне г. Керки". Протокол от 16 мая 1919 г.

вить опись ему", как было решено Коллегией, они занялись там самым настоящим грабежом.

Когда мы давали характеристику города Керки, мы подчеркивали, что наиболее характерной чертой является торговля и контрабанда. Барыш, нажива — таковы основные стимулы существования значительной части населения Керки того времени.

Имевшаяся в Керках чрезвычайно тонкая, почти ничтожная рабочая прослойка зачастую и во многом была заражена общекеркинскими настроениями. Население Керки во время революции смогло выделить из себя достаточный слой для того, чтобы стать на платформе советской власти и даже активно защищать ее, но этот советский слой оказался сломанным возможностью легкой и совершенно безнаказанной наживы. Мелкобуржуазные настроения значительного количества защитников Керки взяли свое.

Но, кроме этого, значительную долю вины за происшедший в Старом городе грабеж необходимо отнести за счет Коллегии по обороне города. Если бы Коллегия обладала некоторой долей предусмотрительности, то она заранее должна была бы предвидеть возможность мародерства и в целях предотвращения его могла бы предпринять соответствующие меры, и если не целиком предупредить имевший место грабеж, то в значительной степени уменьшить его размер.

Но ту же Коллегию необходимо признать виновной не только в том, что ею не были приняты меры к предотвращению этого грабежа, но и в том, что за все время, как до, так и после этого грабежа, в частях керкинского гарнизона совершенно не велось никакой политической и воспитательной работы. По поводу Керкинских событий сохранилась положительно вся переписка, но во всем этом архивном материале имеется указание лишь на одну попытку организовать в гарнизоне политработу. На одном из своих заседаний Коллегия постановила возложить на т. Ширинянца обязанности политрука одной из частей керкинского гарнизона, но Ширинянц, ссылаясь на свою недостаточную политическую подготовку, категорически отказался от несения этой обязанности. Так дело и осталось попрежнему, и никакой политической работы среди красноармейцев не велось. Красноармейцы все время оставались предоставленными самим себе и окружающей ее торгово-спекулянтской стихии.

Но нужно здесь же отметить то обстоятельство, что под флагом красноармейцев, пользуясь удобным случаем, благодаря весьма безалаберно организованному походу на Старый город, весьма активную роль в грабеже сыграли и мирные

жители как Нового, так и Строго городов. Сохранилось много документов, доказывающих широкое участие в грабеже людей, ничего общего не имеющих с красной армией.

Результаты ошибок.

Как только началось наступление советских войск на Старый город, многие эмирские чиновники и крупные баи-торговцы, бросив свои семьи и имущество, бежали в соседние кишлаки, разнося везде среди туркменских кишлаков и аулов слухи о происходящем в Керках грабеже. Слухи эти росли и ширились, и, наконец, стали появляться разговоры о том, что скоро будут также грабить и все соседние с городом кишлаки.

Это быстро поставило на ноги до сих пор довольно безразлично относившихся к происходившим в Керках событиям туркмен. В значительной степени сохранившие от прежних времен свое оружие и воинственный дух, туркмены быстро организовались в отряды, а чтобы не допустить в кишлаки якобы намеревавшихся грабить кишлаки красноармейцев, эти отряды со всех сторон оцепили город Керки. Первыми организовались кишлаки Чакир, Караджа, и Ходжа Хейран.

Первоначальный характер действий туркмен: рытье окопов вокруг своих кишлаков, устройство баррикад путем разрушения дувалов, порча мостов на путях в кишлаки и т. д. говорят за то, что туркмены организовались не для того, чтобы активно бороться против советской власти, а для защиты самих себя и своего имущества от красноармейцев, которые якобы собрались двинуться на кишлаки.

Захватив Старый город, арестовав некоторых виднейших чиновников и т. д., Коллегия по обороне города считала, что инцидент исчерпан, что боевые действия кончились и уже начинала подумывать о восстановлении нормальной жизни города. Так, в протоколе № 5 от 18 мая 1919 года мы можем прочитать следующее:

„Слушали

О возобнавлении торговли в туземном городе и открытии базарных дней, а также свободного пропуска из кишлаков в город и обратно населения.

Постановили:

Разрешить с 19 мая.

Постам вменить в обязанность строго следить и не пропускать вывоза скота, товара, оружия и боевых припасов в кишлаки. В случае обнаружения этого, замеченных в том лиц

задерживать и доставлять в милицию, отдав о сем соответствующий приказ*)".

Но уже на следующий день были получены сведения о формировании туркменских отрядов и об оцеплении ими города. Для выяснения этого обстоятельства была послана разведка, которая сообщила, что при в'езде в кишлак их везде обстреляли ружейным огнем, и что туркмены действительно вокруг города роют окопы и устраивают бойницы в окопах.

Единственно правильным решением для Коллегии было бы послать своих представителей к туркменам и раз'яснить им, что никаких агрессивных намерений против туркмен они не питают и возможно подробнее информировать их о происшедших событиях и причинах, вызвавших эти события.

Но вместо этого Коллегия выносит следующее решение:

—„Немедленно собрать всех защитников города на сборный пункт и выдвинуть оборонительную линию к кишлакам. Настаивать, чтобы Каганский отряд скорее переправился в город, так как без его помощи мы рискуем не удержать своих позиций от напора туркменских масс вследствие своей малочисленности. Об обстановке данного момента осведомить Каган по прямому проводу"**).

И ни слова о том, чтобы ликвидировать миром возникающее недоразумение с туркменами.

В конечном итоге эти мероприятия Коллегии привели к тому, что борьба керкинцев с отрядом асхабадских контрреволюционеров превратилась в национальную борьбу между русскими и туркменами. Таков результат недооценки национального вопроса керкинской Коллегией.

Ровно два месяца продолжалась эта борьба. Два месяца Керки были совершенно отрезаны от внешнего мира и выносили утомительную осаду туркмен.

Партийная организация выпустила руководство ходом событий из своих рук. Возникшие в связи с событиями разногласия превратились в склоки, которые буквально раздирали партийную организацию, и это не дало ей возможности руководить работой Коллегии по обороне города.

Все эти два месяца при всей их напряженности протекали настолько однообразно, что о них почти нечего сказать. Все взрослое мужское население было мобилизовано и распределено по боевым участкам. Все население города голодало изо дня в день; не было молока для детей, не было вообще продуктов питания для населения города. Что творится вне

*) Цуардел.—„Протоколы Коллегии по обороне г. Керки".
**) В это время он находился на станции Самсоново.

Керки, никто не знал. Питались исключительно слухами, рождавшимися внутри самого города.

От этой борьбы туркмены страдали не менее русских. Борьба отняла их от полей, на которых созрел и осыпался хлеб. Базар был закрыт, нельзя было ни продать излишков своего хозяйства, ни купить необходимые для хозяйства и семьи предметы фабрично-заводского производства.

31 мая, чтобы выяснить обстановку, Коллегия решила выслать разведку.

В 3 часа утра 1 июня разведывательная партия, никем не замеченная, заняла одну высоту, с которой обычно туркмены днем обстреливали город. С восходом солнца стали появляться отдельные небольшие группы вооруженных туркмен, направлявшихся к той же высоте, но дозоры, выставленные от разведывательного отряда, преждевременно открыли огонь и этим обнаружили свое присутствие.

Просидев под палящими лучами солнца на этой высоте до полудня и будучи все время обстреливаема туркменами с правого фланга и с тыла—с кирпичного и хлопкоочистительного заводов—разведывательная партия вынуждена была вернуться в Керки, понеся потери двумя легко ранеными красноармейцами.

Прошел целый месяц. Наконец, в первых числах июля по распоряжению бухарского эмира, присланного с Кази-беком, туркменские вожди в лице ишана Садура и других влиятельных лиц приехали в Керки, сообщив о том, что для ликвидации инцидента из Бухары выехала смешанная комиссия из представителей Советской власти и эмира бухарского, предложила до приезда этой комиссии заключить перемирие. Но длительные разговоры с этой делегацией не дали никаких результатов.

В своих воспоминаниях т. Волженский пишет о том, что Коллегия по обороне г. Керки еще с момента появления отряда Айрапетова целиком заменила собой Керкинский Совет. Это неверно, потому что Керкинский совет вынес постановление о самоликвидации и передаче всей полноты власти в руки Коллегии по обороне города именно после того, как сорвались переговоры с ишаном Садуром. Протокол об этой самоликвидации Керкинского Совета датирован 3 июля 1919 г.

После прекращения переговоров, в ночь с 4 на 5 и с 5 на 6 июля туркмены пытались штурмом захватить город, но были отбиты советской артиллерией и пулеметами.

* * *

О происходящих в Керках событиях в Бухаре и Ташкенте имели лишь самые смутные представления. Истинная картина положения вещей не была известна никому. Отряд, посланный из Кагана для охраны железной дороги, застрял в Керках и не подавал о себе никаких сведений.

Тогда было решено послать отряд из Самарканда. Одновременно с этим было предложено бухарскому правительству послать с этим отрядом своих делегатов с тем, чтобы совместно разрешить все вопросы на месте. Бухарское правительство согласилось на это наше предложение, но когда бухарские чиновники, прибывшие на станцию, увидели погруженную на платформу пушку и пулемет, которые взял с собою Самаркандский отряд на случай нападения бухарцев в пути, то они категорически отказались ехать вместе с вооруженной силой. С мнением этих чиновников согласился и эмир.

Тогда, не желая обострять отношений с бухарским правительством, советский резидент в Бухаре предложил создать смешанную комиссию, которая без оружия должна была поехать в Керки на пароходе по Аму-дарье. Бухарское правительство приняло это предложение. В это время в сторону Керки шел пароход, на котором возвращалась из Ташкента миссия афганского правительства. Советская делегация предложила отправиться с этим пароходом, но так как эта миссия тоже имела небольшой вооруженный отряд, а представители бухарского правительства считали, что нужно ехать без всякого оружия, то они также отказались категорически ехать с этой миссией.

В конце концов, в середине июля смешанная комиссия отправилась без всякого оружия на другом пароходе. Когда комиссия под'ехала к кишлаку Бурдалык, туркмены остановили комиссию и заявили, что они не пропустят ее в Керки. Начались переговоры, которые кончились тем, что туркмены обстреляли пароход. Комиссия вынуждена была возвратиться обратно.

Наконец, была сделана еще одна попытка добраться до Керки. Снова договорились с бухарским правительством относительно посылки смешанной комиссии. Со стороны Советского правительства были назначены Войткевич, Гааз и Волженский.

Несмотря на посланный впереди эмирский фирман*), эта комиссия встретила на своем пути массу препятствий**),

*) Фирман—приказ.

**) Подробно об этом рассказывается в воспоминании Волженского, напечатанного в «Красной Летописи Туркестана». стр. 121—122.

но все-таки, в конце концов, в 12 часов дня 10 июля, она прибыла в Керки.

Мирные переговоры с туркменами начались 12 июля в 7 часов вечера. Помимо представителей бухарского правительства, трех его министров—Токсабы Мирзы Ходжа, Мирахура Кари Усман-бека и караул-беги Захирова, в переговорах принимали участие представители туркмен: ишан Садур, ишан Урак, мулла Вали Нияз, мулла Баба и мулла Джура-куль-Токсаба.

Нужно отметить, что утомленные бессмысленной борьбой обе стороны стремились по возможности скорее заключить мир, и лишь разросшееся за время борьбы недоверие друг к другу затягивало переговоры. Наконец, все вопросы были улажены, и 19 июля было подписано мирное соглашение.

В результате переговоров керкинцы обязались освободить всех арестованных ими бухарцев *), а также возвратить все взятое у бека и населения оружие и различное имущество, а за разграбленное имущество компенсировать деньгами. А туркмены обязывались снять блокаду с Керки и не предпринимать против керкинцев никаких враждебных действий.

Разросшееся недоверие друг к другу было настолько велико, что на протяжении целых двух недель после подписания мирного договора обстановка в Керках мало чем отличалась от обычной военной обстановки. В нормальную колею жизнь стала входить лишь с 30 июля, когда в Керках был впервые открыт базар, и из кишлаков стали привозить различные продукты. Но эта нормальная колея долгое время была довольно относительной. Длившаяся на протяжении двух месяцев борьба между керкинцами и туркменами давала знать о себе очень долгое время.

В качестве примера можно указать на следующий случай.

22 сентября того же года на пароходе из Чарджуя в Керки следовал Ново-Бухарский коммунистический отряд во главе с полномочными представителями ЦК КПТ товарищами Петровым и Керлингом в сопровождении особо назначенных от эмира чиновников, снабженных соответствующими документами. Не доходя 25 верст до к. Ходжамбаз, пароход был остановлен собравшейся на берегу вооруженной толпою туркмен, которые стали производить на пароходе обыск. Наконец, туркмены заявили, что они ни в коем случае не пропустят в Керки русский вооруженный отряд, не желая считаться даже с тем, что этот отряд идет в Керки с ведома и соответствующего разрешения бухарского правительства. На

*) Это было сделано немедленно по приезде комиссии еще до заключения мирного договора.

уговоры туркмен о пропуске отряда было затрачено около 4 часов.

Или еще был такой случай. В том же году, возвращавшиеся из Ташкента под охраной небольшого красноармейского отряда т. т. Лагода и Сырников везли в Керки деньги в сумме трех миллионов рублей. 25 октября у того же кишлака они были задержаны, обезоружены, деньги у них были отобраны, а сами они были присуждены к смертной казни. В таком положении они пробыли 4 дня и были освобождены лишь тогда, когда, случайно узнав об этом, Керкинский Совет обратился к керкинскому беку с требованием освободить задержанных товарищей, и тогда бек сделал соответствующее распоряжение.

В докладе Керкинского Ревкома, где рассказывается об этих двух случаях, мы можем прочитать следующее место:

— „Во всех нападениях туркмен на проезжающих по Амударье особенно бросается в глаза то, что они производятся преимущественно на русских граждан. Персы, армяне, афганцы и другие пропускаются совершенно беспрепятственно и только русские граждане лишены свободы передвижения по территории Бухарского ханства"*).

Таковы были непосредственные результаты Керкинских событий.

В конце сентября в Керки прибыла специальная комиссия, назначенная Турциком и ЦК КПТ, для производства расследования о причинах и виновниках Керкинских событий.

В результате расследования эта комиссия арестовала и привлекла к ответственности часть членов Коллегии по обороне города Керки, необдуманные и близорукие действия которых нанесли громадный вред революции. Партийная организация Керков этой комиссией была распущена и затем, после весьма основательной чистки, была создана новая партийная организация.

Чему же учат нас Керкинские события? Какие уроки можем мы извлечь для себя из этой истории?

Первый урок заключается в том, что в условиях бывшей колонии пролетариат метрополии, то-есть пролетариат господствовавшей ранее нации, благодаря своей лучшей организованности и большей политической зрелости, неизбежно во время революции занимающий положение гегемона, должен особенно чутко, особенно осторожно подходить к разреше-

*) Цуардел.—Дело „Керкинские события", лист 5.

нию каждого вопроса, к проведению каждого мероприятия, учитывая то обстоятельство, что в условиях бывшей колонии нет такого вопроса, который теснейшим образом не переплетался бы с национальным вопросом. Об этом говорит не только история Керкинских событий, этому учит нас история Кокандской автономии, история борьбы с басмачеством и т. д.

Коллегия по обороне города Керки не проявила достаточной чуткости к национальному вопросу и в результате совершила грубейшую ошибку, которая принесла громаднейший вред революции в Туркестане и особенно в Бухаре. Несколько лет спустя, во время борьбы с басмачеством в Бухаре, нам частенько приходилось чувствовать отрицательные результаты Керкинских событий.

Хронология Керкинских событий

1.	Начало формирования Айрапетовым отряда для похода на Керки	24	апреля 1919 г.
2.	Выступление айрапетовского отряда из Тахта-базара	5	мая «
3.	Получение Керкинским советом сведений о движении противника	12	« «
4.	Создание Коллегии по обороне города и об'явление города на военном положении	13	« «
5.	Приближение к Керкам отряда Айрапетова	14	« «
6.	Пред'явление Айрапетовым ультиматума о сдаче города без боя	15	« «
7.	Поездка т.т. Шванского и Сырникова к Айрапетову	15	« «
8.	Отказ Коллегии по обороне от сдачи города без боя	15	« «
9.	Пред'явление Коллегией по обороне города Керки ультиматума керкинскому беку о сдачи оружия	16	« «
10.	Обстрел керкинцами Старого города	16	« «
11.	Прибытие делегации от населения Старого города в Коллегию по обороне города	17	« «
12.	Арест бека и его чиновников Коллегией по обороне города	17	« «
13.	Захват керкинцами Старого города	17	« «
14.	Прибытие каганского советского отряда на ст. Самсоново	19	« «
15.	Начало блокады г. Керки туркменами	19	« «
16.	Первые переговоры керкинцев с туркменскими вождями	2—3	июля «
17.	Самоликвидация Керкинского Совета и передача всей власти в руки Коллегии по обороне г. Керки	3	« «
18.	Штурм туркменами города Керки	4—6	« «
19.	Прибытие смешанной комиссии Войткевича из Бухары	10	« «
20.	Начало переговоров с туркменами	12	« «
21.	Подписание мирного договора	19	« «
22.	Арест Баржанова, Ширинянца и Нестерова	28	сентября «

Г. Береснев.

К истории туркестанской ссылки

Революционное движение в среде европейского населения Туркестана вплоть до 1917 года тесно переплетается с деятельностью политических ссыльных. И без изучения их роли многие стороны этого движения в бывшей царской колонии для нас остаются недостаточно ясными. Настоящая работа—первая попытка к освещению этого до сих пор совершенно не изученного вопроса о Туркестане, как месте политической ссылки. Эта работа ставит перед собой весьма скромную задачу—дать состав политических ссыльных с характеристикой их деятельности. На изложение истории политической ссылки работа не претендует. Это дело дальнейшего изучения вопроса *).

Настоящая первая статья охватывает главным образом ссыльных народовольцев**). Разработана она в основном на материалах средне-азиатских архивов. Обширная центральная литература о народовольческом движении использована почти исключительно только в целях проверки и дополнений данных местных архивов.

* * *

Прежде чем давать характеристику отдельных ссыльных, в нескольких словах коснемся общей характеристики ссылки и в частности—первых организованных политических кружков.

Первые кадры ссыльных в Туркестане состояли из „политических преступников", отданных в солдаты или разжалованных из командного состава, направляемых в армию, завоевывающую Среднюю Азию.

Основной контингент ссыльных составляли польские инсургенты—участники восстания 1831 г., Сибирского заговора

*) Вышедшая только что из печати работа Галузо «Туркестан—колония», довольно широко охватывающая колониальную историю края, вопрос о Туркестане, как месте ссылки, затрагивает только вскользь.

**) Материалы о политических ссыльных социал-демократах будет освещаться в дальнейших статьях.

1833 г. и волнений 40-ых г. г., в том числе активные участники революционного движения того времени в Австро-Венгрии, члены Варшавского заговора 1848 г., Виленского 1849 г. и т. п. Кстати упомянуть, что в 1848 г. сюда был выслан поэт Т. Шевченко. Обо всех этих высланных сохранился совершенно случайный и крайне скудный материал, не дающий возможности судить ни о характере ссылки, ни о деятельности ссыльных.

Данных о политической пропаганде в армии или о попытках к организации тайных обществ и кружков со стороны этих ссыльных до конца 60-х годов у нас также нет.

Один из первых политических кружков, состоявший из А. В. Пистолькорса, Баранова и М. Ю. Ашенбреннера, зародился в конце 60-х и начале 70-х годов. О нем имеются указания только в воспоминаниях Ашенбреннера, написанных много лет спустя после его пребывания в Средней Азии. Других материалов, особенно документальных, надо полагать, не сохранилось. В этом кружке велась критика существующего строя, читалась серьезная литература, в том числе шло ознакомление с классиками утопического социализма. Большую роль в кружке играл Пистолькорс, который „был очень образованный человек, и у него была хорошая и в те времена единственная в Ташкенте библиотека. Он отчасти руководил чтением своих молодых друзей; я, например, знал Сен-Симона и Фурье только по наслышке и он заставил меня прочитать этих авторов в подлиннике“, так характеризует его будущий народоволец Ашенбреннер*). За пределы тесного круга близких друзей влияние этого кружка не распространялось. У нас нет оснований говорить даже о попытках сделать практические выводы из критики царского строя. Вся деятельность лиц, собиравшихся у Пистолькорса, видимо, сводилась к оформлению своей идеологии.

О существовании других кружков у нас никаких сведений нет. Имеются только указания на попытку 14/XII—1875 г. в г. Алма-Ата группой офицеров отметить день восстания декабристов. Есть также сведения, относящиеся к 80 г. г., правда, самые неопределенные, о ведении пропаганды и о появлении лиц, „имеющих связь с соц. революционной партией“ **).

Таким образом, судя по сохранившимся архивным материалам, можно утверждать, что до конца 90 и начала

*) М. Ю. Ашенбреннер—„Военная организация народной воли“ и другие воспоминания (1860—1904 г. г.). ГИЗ М. 1924 г. стр. 35.

**) Цуардел, фонд XI, дело № 522, лист № 46, распоряжения за №№ 156—159.

900 г. г. в Ср. Азии, несмотря на значительное число ссыльных, достаточно оформившихся политических организаций не было*).

* * *

Из нескольких сот политических ссыльных в Ср. Азии особое место занимают деятели партии „Народной Воли".

К их характеристикам мы сейчас и перейдем.

1. Росси Степан Антонович, он же Степанов Антон.

Итальянский подданный, сын купца. Состоял членом одной из двух киевских групп партии „Народной Воли", которые после разгрома 1882 г. об'единились в одну. Росси вел работу среди военных. В 1883 г. участвовал от Киева на конференции народовольческих групп, собранной по инициативе ленинградской организации. После конференции вошел в состав „центральной" группы. Вместе с М. Кулябко по поводу убийства Судейкина отпечатал прокламацию. В день похорон Судейкина был арестован и с этого времени начинается его провокаторская роль. Шебалин в своих воспоминаниях указывает на существовавшее предположение о том, что Росси выдал М. Кулябко. Весьма возможно, это была его первая жертва.

В 1885 г. Росси был выслан на 5 лет под надзор полиции в Ср. Азию. 2 мая 1885 г. прибыл в г. Наманган. 3 июня 1887 г. в том же городе умер от костного туберкулеза. Имеющийся архивный материал показывает, что после завоевания Ср. Азии Росси явился одним из первых политических ссыльных, за судьбу которого, после предательства, царские чиновники высказали особое беспокойство, приняв, например, следующие меры: перед отправлением его в Ферганскую область заменили фамилию Росси Степановым; жандармский унтер-офицер сопровождал его в штатском платье. Далее генерал-губернатору указывалось на необходимость предоставить Росси возможность служить, дабы дать средства к существованию и проч. „Ферганская область,—писал т. министра внутренних дел,—избрана местом ссылки как ввиду болезненного состояния Росси, так и ввиду возможности подвергнуться мести со стороны единомышленников за оказанную им услугу в прочих местностях империи"... „За оказанные услуги" 28 марта 1885 г. „по высочайшему повелению" он был освобожден от судебной ответственности**).

---

*) Только 2/III—1891 г. на ст. Аму-Дарья Закаспийской ж. д. была открыта организация в составе следующих лиц: телеграфист И. Пимонов, служащий во 2-м закаспийском ж.-д. б-не и письмоводитель местной дистанции В. Писанко, он же Милоданович, Ф. А.

**) Цуардел, канц. Турк. ген.-губ. Отдел I, стол секретн., дело № 3.

О жизни Росси в Ср. Азии у нас не имеется никаких материалов. Надо полагать, что здесь он от революционного движения отошел окончательно.

2. Романенко, Герасим Григорьевич.

Принимал участие в революционном движении 70-х годов XIX века в Одессе. С августа 1881 г. и по день ареста входил в состав исполнительного комитета партии „Народной Воли". О жизни и деятельности Романенко имеется богатая литература. Наиболее интересной по характеру исследования является статья С. Валко*). Приведу только несколько дат из жизни Романенко, связанных с средне-азиатским архивным материалом.

Романенко родился в помещичьей семье в 1855 году, арестован 6 ноября 1881 г.**). 17 ноября 1882 г. выслан на 5 лет в Ташкент. В январе 1888 г. г. переехал в Бессарабскую губ. 2 апреля 1888 г. вновь приехал в Ташкент. Сведений о его жизни после второго приезда у нас не сохранилось. Умер в Кишеневе в 1928 г.

Из жизни Романенко в Ср. Азии сохранился один характерный случай, дающий возможность проследить один из моментов перехода его от бывшего революционера к будущему реакционеру и соратнику погромщиков 1905 г.

В Ташкенте Романенко занимался литературной деятельностью, был корреспондентом „Восточного Обозрения", занимался средне-азиатскими экономическими проблемами, вращался среди торговой буржуазии и имел личную связь с царской администрацией.

Романенко видимо был в курсе всей жизни колониального города, принимал энергичное участие в его различных группировках, враждовавших между собой по тем или иным вопросам дальнейших путей эксплоатации края.

Борьба принимала различные формы—от простой „склоки" до дискуссий теоретического характера. На этой основе, например, Романенко выступает в печати по вопросу „о средне-азиатских путях сообщения".

Характер выступлений Романенко роднит его с колонизаторскими группировками в Ср. Азии и совершенно обособляет от всей предыдущей революционной деятельности, эта последняя используется в борьбе только его противниками. Например: редактор газеты „Туркестанские Ведомости" Н. Маев, в грубой форме отказал ему поместить письмо в

*) „Г. Г. Романенко (из истории „Народной Воли")". Напечатана в 48-м номере историко-революционного вестника за 1928 г.

**) По другим сведениям арестован 9/XI.

редакцию. Романенко по этому поводу пишет генерал-губернатору заявление, где, между прочим, указывает на следующее: „Весь ход вынесенной мною в редакции сцены, вместе с соединением слов „убирайтесь вон“ и „политический ссыльный“ убеждает меня, что в данном случае г. Маев позволил себе оскорбить посетителя потому собственно, что говорит с лицом, состоящим под надзором полиции“ *). В обращении к генерал-губернатору скорее протестует не революционер Романенко, а обыватель, имевший в прошлом „грехи“ и „искупавший“ их в то время.

Таким образом, Романенко уже в 80-х г. г. XIX века изменил своим взглядам и „перешел на службу“ к колониальной буржуазии.

3. Гейер, И. И.

В 1887 г. Гейер был привлечен к ответственности в „С.—Петербургском военно-окружном суде“ по делу „о руководящем кружке партии „Народной Воли“ и приговорен: 1) к лишению дворянства, 2) „всех особых прав и преимуществ“, 3) ссылке в Томскую губ., которая заменена Туркестанским краем ввиду „чистосердечного расскаяния... а равно и серьезных услуг, оказанных им**) правительству по раскрытию преступной деятельности членов революционного сообщества“ ***). Между прочим были выданы склады разрывных снарядов на юге России. Вместе с Гейером был выслан и Елько, также предатель. Царские чиновники оказывают им большое внимание, беспокоясь даже о их домашнем быте, указывая, например, Туркестанскому генерал-губернатору, что „для облегчения названным лицам возможности обзавестись хозяйством в новом месте жительства, министерством внутренних дел будет сделан по телеграфу перевод через местное казначейство в распоряжение вашего превосходительства 800 руб.“ ****).

Наиболее определенные сведения о деятельности Гейера в Ср. Азии имеются начиная с 900-х годов, когда он принимал участие в Пушкинском обществе, выступал в печати и т. д. Но, несмотря на свою постоянную связь с представителями революционно-настроенной интеллигенции и либераль-

*) Цуардел, канц. Турк. генерал-губ. по архивной описи дело № 2, переписка секретная 1884—1885 г. лист. № 31, из письма ген.-губернатору от 12 апреля 1885 г.

**) Имеется в виду П. Елько.

***) Цуардел канц. Турк. ген.-губ. отдел I, часть секр. по архивной описи д. № 6.

****) Там же лист 6.

ной буржуазии*), Гейер никогда полностью не стоял на их позициях. Двойственность сквозила через всю его деятельность и она же давала основание подозревать в нем провокатора, который, как некоторые предполагали, с осведомительными целями участвовал в Ташкентском Пушкинском обществе и поддерживал его.

Но достаточно авторитетных данных, указывавших на Гейера, как провокатора уже в Ср. Азии, не имеется.

4. Елько, П.

Был привлечен по одному делу с Гейером и приговорен „в каторжные работы на 4 года". Наказание было заменено пятилетней ссылкой в Туркестанский край.

В Ср. Азии о Елько и его деятельности здесь не сохранилось никаких материалов.

5. Паули, Николай Карлович.

Впервые был арестован 6 июня 1883 года. Тогда же была захвачена ручная типография, в которой была напечатана прокламация по поводу коронации Александра III.

После этого Паули был сослан в Сибирь, откуда совершил несколько побегов. В 90-х годах эмигрировал за границу, где принял участие в „Лиге аграрного социализма" и завязал связь с Рачковским с целью убить его. Весной 1901 г., вместе с транспортом литературы нелегально перешел границу и был арестован. Следствием было установлено, что он имел связь с революционными организациями в Москве и на юге России. После ареста дал „откровенные" показания. 3 апреля 1903 г. выехал из Ленинграда в Ташкент, где служил в конторе „Надежда" и редакции „Русского Туркестана". Осенью 1904 г. переехал на службу в Кизил-Орду**), где работал в конторе 5-го участка.

Имеются косвенные указания, что его жена Паулина, М. принимала участие в пропаганде среди войск Ташкентского гарнизона еще в 1903-1905 г.г.

О самом Паули имеется небольшой материал, указывающий на его участие в революционном движении Ср. Азии.

В Октябрьской забастовке 1905 г. в Кзыл-Орде принимали деятельное участие почти все имевшиеся налицо интелли-

---

*) О Г. имеется много противоречивого материала, который не может быть полностью проверен благодаря отсутствию разработанных данных в рев. движении 1905 годами и о ср.-аз. буржуазии.

Г. посвящены прокмламации Ташк. гр. РСДРП «Ослиные уши», изд. в окт. 1905 г.

**) До революции 1917 г. имел наименование г. Перовск.

генты—от конторских служащих до ревизора движения Скопиченко. Паули был связан в Кзыл-Орде с Табацким, Махарадзе, Торховым, Новаковским, Богдановым и другими. Вошел в состав второй депутации, направившейся в Октябрьскую забастовку к уездному начальнику с требованием о закрытии магазинов, был членом 1 состава Перовского „революционного Комитета“ Особенно ярко себя ни в чем не проявил и незаметно отошел совершенно от революционного движения. На допросе 3 февраля 1907 г. высказывал свое мнение о забастовке более решительно, нежели другие бывшие члены „Революционного Комитета“. На основании имеющегося материала не представляется возможным установить, к какому формально политическому течению примыкал Паули в 1905 г. На митингах он не выступал, в кружках, охватывающих рабочих, участия не принимал. Дальнейшая его судьба неизвестна.

6. Новоковски й, Ефим Захарович он же Ефим Зельманович*).

Родился в 1851 году в г. Переяславле Полтавской губерни. „Приговором особого присутствия Правительствующего Сената в январе 1877 года за участие в демонстрации 6 декабря 1876 года на Казанской площади был присужден к ссылке на поселение в Иркутскую губернию“**). Разрешено было жить во всех прочих городах России, кроме столиц и столичных губерний лишь в 1892 году. 28/IV—1901 г. выехал в Ташкент, 27/XII—1901 г. прибыл в Кзыл-Орду, где служил в жел.-дорожной конторе 5-го участка, по постройке южной части Оренб.-Ташк. дороги. В 1903—1904 г. совместно с Паули и другими вел переписку с Женевой и стоял во главе интеллигентского кружка. Новоковский не принимал участия в рабочих массовках, начавшихся с весны 1905 года, и, только начиная с Октябрьской забастовки, стал во главе революционного рабочего движения Кзыл-Ординского жел.-дор. участка, поэтому был избран „Председателем Перовского Революционного комитета“. На митинге, собранном 18-го октября Новоковский выступил с требованием уничтожить самодержавный строй и организовать республику***), и „манифестом 17 октября—говорил он—свобода еще официально не дана и что верить особенно не следует“****). На допросе Новоковский не отрицал этой части своей речи, сделал только попытку дать

*) О. Н. в Цуарделе имеется дело „Иркутского жандармского управления № 62“, хранится в XVI ф. за № 99.

**) „Цуардел“, фонд VI дело № 2, л—145 из протокола допроса Новоковского 1/III—06 г.

***) Из допроса Трофимова Е. И. 7/II—06 г. там же л—9.

****) Из допроса Краевского Ф. К. 13/III там же л—158.

иное толкование, указывая, что республиканская „форма правления считается последним словом науки, но для России это есть только идеал"*).

Борьба жел.-дорожных рабочих в Кзыл-Орде отличалась особым упорством и настойчивостью. Призыв к вооруженной борьбе с царизмом встречал живой отклик. С сентября месяца 1905 года и до декабря рабочие вели открытую наступательную борьбу со всеми элементами старого строя, выдержали в тяжелых условиях почти непрерывную двухмесячную забастовку. С двадцатых чисел октября и до первых дней декабря рабочие фактически управляли железно-дорожной линией, ведали продовольствием, телеграфом в обоих направлениях от Кзыл-Орды, упрявляли общественной и административной жизнью ряда станций. В их руках находилась охрана общественной безопасности и казенное имущество, в необходимых случаях они же производили судебный разбор даже политических преступлений. Например, за избиение деятельного агитатора Табацкого машинист Васейко был приговорен к смертной казни, которая была заменена бойкотом. Но со 2-й половины ноября месяца интеллигентская часть Перовского Революционного Комитета, возглавляемая Новоковским, начала отбой. После прихода правительственных войск Новоковский подает немедленно в „отставку" и предлагает тоже сделать и остальным членам комитета.

Несмотря на это, рабочий класс в Кзыл-Орде, после этого возглавляемый только социал-демократией, смог одержать еще несколько побед над царскими чиновниками.

Роль Новоковского в конечном счете оказалась вредной делу рабочего класса. Свои ошибки он углубил еще на допросах, где, спасая себя, пытался доказать, что „Перовский Революционный Комитет" с самого начало имел целью внутри взорвать революционную борьбу пролетариата.... „у некоторых лиц, говорил он, и в том числе у меня, возникла мысль—нельзя ли устроить как-нибудь так, чтобы помешать рабочим депо произвольно распоряжаться движением поездов и восстановить правильное движение на железной дороге. Тогда и был основан Комитет"**).

7. Иванов, Василий Григорьевич.

На имя Туркестанского генерал-губернатора департамент полиции в отношении от 23 октября 1904 года за № 13342 сообщил, что Иванов „приговором С.-Петербургского Военно-окружного суда 28 сентября 1884 года признан виновным

*) Там же л—147 из протокола допроса Н. 1/III—1906 г.
**) Цуардел, фонд 6, дело № 2, лист—336, из допроса 27 сент. 1907 г.

в принадлежности к „террористической“ фракции „Народной Воли“, в сношениях с членами означенной фракции Веры Фигнер и другими, в преступной пропаганде среди рабочих и формирования между ними революционно-боевых (организаций) и присужден к ссылке в каторжные работы без срока“. Отбыл наказание в Шлиссельбургской крепости. Бессрочная каторга была заменена 31 октября 1896 года 20-тилетней. 28 сентября 1904 года был освобожден и направлен на поселение в Туркестанский край.

При от'езде в Ташкент Иванов виделся с митрополитом Антонием, который в письме на имя Туркестанского генерал-губернатора Тевяшева от 12 ноября 1904 года сообщает, что передан „ему святой образок Серафима Саровского и новый завет. При моих беседах Иванов произвел на меня доброе впечатление“.

Митрополит Антоний хлопотал об оставлении Иванова в одном из крупных средне-азиатских городов. Это же поддерживал и начальник главного тюремного управления Стремоухов. Иванов был оставлен по состоянию здоровья на жительство в городе Ташкенте до весны 1905 года. Но Иванов не остался совсем в стороне от движения и в первые же месяцы своего пребывания в Ташкенте установил связь с эсэровскими кружками. Вся его последующая деятельность связана с партией социалистов-революционеров. В настоящее время трудно установить, какую роль в ней играл Иванов, так как имеющийся документальный материал еще не разработан и архив партии социалистов революционеров не найден.

После революции 1917 г. Иванов продолжал жить за границей.

8. Курицын, Ф. Е.

Статский советник, управляющий ветеринарной частью Туркестанского края. Как предатель народников семидесятых годов, был казнен по постановлению „Ташкентской группы социалистов-революционеров“ 18 сентября 1906 года в гор. Ташкенте Грюнбергом, Ю. А.

Сохранилось два относящихся к Курицыну любопытных документа.

В конце августа 1906 года из Фрунзе было послано письмо на его имя следующего содержания: „Ташкент, Ветеринару Курицыну“. „Мерзавец, час твой пробил, постановлено убить, кайся, предатель“ 1879*).

*) Цуардел. Канцелярия Туркестанского Генерал-Губернатора, т. XI, д. № 96-а. л—39.

После казни эсерами была выпущена прокламация, дававшая оценку этому событию „Да послужит эта казнь предупреждением всем провокаторам и правительственным шпионам. Пусть знают, что карающая рука революции висит над врагами угнетенного народа и никакое преступление против него не остается без справедливого возмездия, хотя бы после его совершения прошли десятки лет. Да погибнут враги народа, как погиб Курицын; да здравствует справедливая народная месть. Да здравствует террор, да здравствует Великая Российская Революция, да здравствует социализм"*).

9. Червинский.

Поручик. Привлекался по делу „руководящего кружка партии „Народной Воли", был связан с Саловой Н., членом распорядительной комиссии". В 1886 году переведен в Ср. Азию. Больше никаких сведений о нем в средне-азиатских архивах не сохранилось.

10. Шараго, Семен Кондратьевич.

Был членом народовольческого студенческого „центра". В Ср. Азию попал, как административный ссыльный и был зачислен 5 ноября 1887 года в 19-й Туркестанский линейный батальон. Других сведений о нем в средне-азиатских архивах не сохранилось.

11. Волков, Ф. И.

Студент Военно-медицинской Академии. В 1883—84 году состоял членом народовольческого студенческого кружка. В 1888 году выслан в Ср. Азию под надзор полиции и зачислен в 4-й Туркестанский линейный батальон. Других сведений о нем не сохранилось.

12. Хлебников, С. И.

Входил в 1884 году в студенческий кружок по самообразованию, который работал под руководством народовольцев. В 1888 году выслан в Ср. Азию под надзор полиции и зачислен в 4-й Туркестанский линейный батальон. Других сведений о нем в средне-азиатских архивах не сохранилось.

13. Сотников, И. В.

Студент Московского Университета. В 1884 году руководил Московским Народовольческим кружком. В 1888 году сослан в Ср. Азию. Других сведений о нем в средне-азиатских архивах также нет.

*) Там же, л—40.

14. Шкапский, О. А.

Бывший студент Петровской Академии. 27 июля 1888 года выслан в Ташкент. Прибыл 17 декабря 88 года. Благодаря лойяльному отношению к правительству, надзор был снят 8 ноября 91 года. Слухи о его участии до 1905 года в революционных организациях служащих и кустарей часовых мастерских об'ективным материалом не подтверждаются. В 1905 г. был председателем Переселенческого Комитета.

В период Февральской революции входил в состав Туркестанского Комитета Временного правительства. После Октябрьской революции организовывал в Джетысуйской области контрреволюционные силы для борьбы с советской властью. Был убит в гор. Верном.

15. Волкова, А. А. урожденная Амбарова.

„Дочь мастерового императорской гранильной фабрики" род. 1846 г.

В 1886 году участвовала в беспорядках на Волковом кладбище. В 1887 году призывала к борьбе с царизмом студентов Казанского университета. Находилась под негласным надзором полиции. С 22 мая 1902 года находилась под надзором полиции в гор. Кзыл-Орде, где работала женщиной врачом. Больше никаких сведений о ней не сохранилось.

16. Губаревич-Радобыльский, А. Ф.

Входил в состав кронштадского народовольческого пехотного кружка.

По „высочайшему повелению" от 17/VII—85 г. выслан в г. Н. Маргелан, под гласный полицейский надзор, на 2 года.

Служил подпоручиком 4-го Туркестанского линейного батальона.

14/III—86 г. разрешен переезд в Ташкент. Других сведений о нем не сохранилось.

Но кроме перечисленных здесь 16 народовольцев, высланных в Среднюю Азию, в нашем распоряжении имеется относящейся к этому же периоду значительный список ссыльных, политическую физиономию которых как по опубликованным центральным материалам, так и местным архивным выяснить не представляется возможным. Несомненно одно, что они к социал-демократам отнесены быть не могут.

Материал о них будет помещен в следующей части работы.

П. Погорельский.

Страницы из истории борьбы за Октябрь в Джетысу

(Воспоминание)

Об истории революции в Туркестане сказано еще очень мало. Много героических страниц революции большого исторического значения на страницах нашей печати никем не затронуто. Многое уже начинает позабываться, настоящая статья и имеет целью рассказать об одной из таких начинающих забываться страниц о первых жертвах Октября, о гибели, пожалуй, первых в Туркестане большевиков—Дегтярева и Черкашина.

* * *

Февраль в Семиречье начался трогательными речами и патетическими жестами русской и туземной интеллигенции. Кочевья с самого начала своего отношения к революции не выявили, а русские деревни, ждавшие вместе с февралем сыновей, мужей и братьев, получая сведения о вновь убитых и раненых, но не о возвращении.

Схлынула волна манифестаций и митингов с непременным вступлением в каждой речи почему то о „бабушке русской революции"—Брешко-Брешковской. Но вот, знаменитое июньское наступление и караульная команда, интеллигенция, освобожденная от военной службы, купечество со всеми своими домочадцами, мещане—словом все население Семиреченских городов вновь захлебывается в патриотическом восторге. Тут и „бабушка русской революции", тут и „Александр Федорович наш Туркестанский". Один за одним выступали представители „освобожденной России",—все больше городские учителя. К концу речи непременно вынимается платочек и вытираются слезы умиления, а внизу у трибуны ученицы старших классов—прямо навзрыд;—жидкие хлопки да разноголосое „ура" покрывают последние слова ораторов до „победного конца".

Два дня так манифестовали (учителя летом свободны, а команда, зажиревшая без работы и учений, всегда не прочь пройтись), да и кончили.

Опять заснули улицы семиреченских наполовину городов, а на половину сел. Так было в большинстве городов, так было и в Лепсинске—уездном городе самого большого уезда,

граничащего с Сибирью, Китаем с востока и остальным Семиречьем—с юга, уезде, в котором позднее развернулась славная эпопея войны и защиты Туркестана от наседавших из Сибири превосходных сил атамана Анненкова, войск сибирского правительства и в конце тридцатитысячной армии офицерских жен, штабных офицеров и попов, бежавших с атаманом Дутовым. Но это было позднее, в 18-й по 20-й год.

В июле 1917 года в Лепсинск как снег на голову свалился, вернув вместе с собой эшелон отправленных на фронт бородачей (в результате манифестаций в июне) большевик, фельдфебель Дегтерев. С утра начинается митинг, но уже совсем другой состав митингующих, вернее—тот старый растворился в шинельной массе бородачей.

На трибуне—невысокого роста, щеголевато одетый фельдфебель Дегтярев. Звонкий, далеко слышный, уверенный голос, мерная речь приковывают всеобщее внимание. Не стесняется называть себя большевиком. Говорит об единении станиц, сел и „трудящихся киргиз“ против войны, чиновников и купцов.

Выступает лидер местной власти—заведывающий городским училищем—эс-эр Собенинин, говорит об измене, предательстве, о необходимости отправки на фронт, грозит. Но, чувствуя симпатию массы, Дегтерев только спокойно улыбается. Кто то тянет эсера с трибуны, жидкое щуплое тельце в испуге жмется, теряет пенснэ и под общий смех отправляется на гауптвахту, туда же направляются еще каких то два —три таких же суб'екта. Митинг избирает контрольно-следственную комиссию, которая должна явиться и органом власти и в то же время расследовать преступления чиновников. Избирают в эту комиссию тут же на митинге от казаков, горожан, караульной команды и солдат по несколько человек.

Целыми днями шел митинг, целый день вокруг Дегтярева и другого большевика старшего унтер-офицера—бородача Черкашина была толпа. К Дегтяреву идут со всевозможными жалобами и за раз'яснениями и советами, а он направляет или в следственную комиссию или разбирает сам.

Так неделю катилась революционная волна, воспринятая окраинами города и станицы, и начавшая все больше захватывать крестьянскую периферию уезда. Кочевья в ту пору еще нельзя было привлечь, там орудовала феодально-буржуазная интеллигенция, направляя массы на русские села, но это ей не удавалось,—масса, обманутая год тому назад— не шла.

На митингах всем давалось слово. Вот выступает прапорщик из солдат, который должен был ликвидировать „беспо-

рядок", говорит о долге, чести, его стыдят и он начинает совершенно о другом, переходя в лагерь недовольных. Вот выходит крестьянин, говорит о своих нуждах и тоже „долой войну". И так без конца сменяются ораторы, а потом отправляются телеграммы „Председателю Совета Министров" Керенскому с требованием „вернуть всех семиреченских солдат", так как „неспокойно в районах"—и граница близка. Пока же постановляли на фронт не итти, требовать вооружения, по домам не расходиться, а стоять гарнизонами.

Так же, как и в первые дни, только больше озабоченный, да чего то ждущий, ходит Дегтярев после недели митингов вместе с группой солдат около здания, занятого Контрольно-Следственной Комиссией, где шли разговоры и разборы бесчисленных жалоб. Оставшиеся неарестованными члены местной власти и интеллигенции мелкой дрожью дрожали, забившись по своим углам, вздыхая о „добром старом полицейском времячке" и призывая казаков на голову мятежников (это и другое, разумеется, только про себя да среди близких друзей).

Предательский телеграф находился в руках местного домовладельца. Пользоваться им, чтобы связаться с Советами депутатов других городов и центром было нельзя. В свою очередь перепуганный на смерть „начкант" Болгов ежеминутно вопит об „ужасах", „беспорядках" и требует спасения. В телеграмме Начокруга (Ташкент) он пишет „Городе три дня полная анархия, власти арестованы толпой. Митингом постановлено отправить почтальонов фронт, заменить их ранеными. Меры успокоения принять некому".*) Последнее верно, так как успокаивать было некого, ни единого эксцесса, кроме ареста нескольких лиц из интеллигентов, вылезавших пьяными на трибуну (податной инспектор) и кричавших „бараны". В тот же день (3 июля 1917 года) начконт Болгов телеграфирует. „Городе ужасный произвол толпы, должностные лица избиваются и заключаются безвинно в тюрьму. Положение ужасно. Прошен военный караул пока не назначается".**)

Аналогичными телеграммами была засыпана область.

Областной комиссар временного правительства Ор. Шкапский***) вскоре же доносил о событиях телеграммой Туркомитету и в копии Командующему Войсками и Краевому Совету:

*) Дело Туркестанск. Комитета Временн. Правительства № 178 за 1917 г. Цуардел Ср. Аз. Ташкент.

**) Дело Туркестанского Комитета Временного Правительства № 178 за 1917 г. Цуардел Ср. Азии Ташкент.

***) Работавший раньше в Переселенческом управлении. Им написан целый ряд работ по экономике отдельных районов Туркестана.

„Лепсинске, пишет Шкапский, большевик фельдфебель Дегтярев, опираясь белобилетников сорокалетних митинге произвел аресты нескольких лиц местной интеллигенции постановил отправить фронт караульную команду, почтальонов тчк Городе анархия тчк Создался новый Совет солдатских депутатов, контрольная комиссия, которые телеграфом просят Краевой Совет усилить гарнизоны разных местах уезда будто грабежи насилия стороны киргиз тчк Водворения порядка совместно военными властями направили Капала (соседний уездный город П. П.) уездного комиссара Дудудкалова (лепсинский торговец и владелец мельницы П. П.), который, взяв роту солдат, сотню двинулся Лепсинск тчк Дегтярева приказали арестовать, увезти Капал тчк Результаты сообщу тчк Прошу Краевой Совет как орган совещательный самостоятельных распоряжений не делать".*)

Последняя фраза любопытна, между прочим. Она говорит, что с советом того времени мало кто считался.

Как видим, дело не шуточное, коль понадобилась рота солдат и сотня казаков под командой матерого офицера, видавшего всякие виды.

А главой карательной экспедиции был направлен купец, который очень приветливо встретил революцию и еще приветливее—свое избрание—„уездным комиссаром".

В день прихода войск—всеобщий митинг, где слушают гонца (прапорщик, о котором мы уже говорили), но попрежнему спокоен Дегтярев и своей мерной речью вливает спокойствие в серые, бородатые крестьянские лица, сгрудившиеся вокруг трибуны.

Дальше мы лучше расскажем словами правительственной газеты, только кое-где исправляя неточности воспоминаниями и давая свои заключения.

„Семиреченские ведомости"—орган Областного Комитета и кадетско-эс-эровского Совета, называемого „казачьих, солдатских и т. д., в № 155 от 14 июля 1917 г. на первой странице в статье „Трагедия нашего времени" пишет:

«Грозная волна анархии и насилий перекатывается из конца в конец измученной страны. Вместо дружной, организованной работы всех для всех, вместо единства и согласованности—то тут, то там на почве продовольственной неурядицы или элементарного непонимания момента, вспыхивают беспорядки, чинится произвол, неповиновение, самоуправство.

Казалось бы, что состояние страны, разруха хозяйственной жизни и причины ее так очевидны, так ясны, что нежелание оглянуться на это просто преступно".

Вряд ли автор хотел в этом случае сказать то, что мы понимаем под причинами, но послушаем его дальше:

„И если находятся, толкающие свою родину еще дальше по пути развала, если они видят, как глубока, как страшна про-

*) Дело Туркомитета № 178 Телеграмма Шкапского от 4/VII-1917 г.

пасть, на краю которой в судорогах бьется страна, то приписать это только можно глубокому невежеству или злой воле".

Похоже на то, что причины развала усматриваются в революции, ибо что же значат слова „еще дальше по пути развала". Впрочем, нас сейчас пока мало интересует эс-эр или монархист писал эту статью (она по всем признакам писана самим Ор. Шкапским.

Продолжаем читать истлевшие страницы старой газеты, клеймящей первые проблески, первые взлеты молодого орла, рожденного в вихре снарядов, пении пуль, забрызганного кровью товарищей и окопной грязью, так и не полетевшего широко и плавно - первого большевика Семиречья Дегтярева.

„Темная масса идет по первому вздорному крику,—пишет газета,—не разбираясь в последствиях, думая только о своих личных, часто неправильно понимаемых интересах".

„И Лепсинская „история" последних дней—яркий пример гражданской распущенности, которая тяжело бьет по стране. Именующийся большевиком, пропагандирует анархию, производит аресты—гласит первая телеграмма от 1 июля. Большевиков ведь теперь много, ибо превращение из вздорного, крикливого, беспутного человека в большевика совершенно просто:

Я большевик.

Есть, где проявиться, а большевик, как из земли вырастает".

Это очень любопытное указание, свидетельствующее о больших симпатиях к большевикам.

„На митинге сорокалетних белобилетников, призванных недавно приказом военного министра, фельдфебель Дегтярев и выступил с призывом против киргиз....."

Это уже явная ложь и желание привлечь к себе всех людей „порядка".

Это тонко начатая игра в надежде найти реальную опору в местном населении. На митинге таких выступлений со стороны Дегтярева не было. Некоторые из сельчан выступали, но не с призывом к погрому, а против одного из представителей власти националов—алаш-ординца Альджанова, позднее одного из организаторов белого движения.

„.....при чем без всяких причин были арестованы врач Бенедиктов, акушерка, двое учителей, товарищ комиссара Соколов; устранены начальники милиции и гарнизона; упразднены общественные организации и захвачены винтовки. Комиссар уезда находился в отлучке по службе и только поэтому избегнул ареста (Комиссаром уезда был уездный переселенческий начальник, именовавший себя эс-эром—Балабанов, ставший позднее, с благословения Анненкова, управляющим областью п. п.)—На его место выбран новый, а в товарищи поставлен Дегтярев, по идее которого была организована еще контрольная комиссия. Все это мотивировалось, конечно, народным правом. Но большевик Дегтярев, понимая, что с его толкованием народного права не согласятся,

что надо указать другие мотивы его „гражданских“ подвигов, телеграфирует в Краевой Совев и военному министру: „Местная, вновь образовавшаяся, контрольная комиссия и совет солдатских депутатов (тоже вновь избранный), просят вашего распоряжения об усилении пяти гарнизонов в Лепсинском уезде, в виду угрожающей опасности населению от киргиз. Является возможность нападения на русских жителей, грабят их скот, имущество, делают насильства, а поэтому войска, находящиеся в Лепсинске, задержаны для пополнения пяти гарнизонов, считая по 200 чел. в каждом. Просим вашего распоряжения распределить эти войска по гарнизонам:

В Лепсинске, Сергиополе, Урджаре, Бахты и Чугучаке“.

И дальше:

„Немедленно принимаются меры, но ни увещевания, ни угрозы не оказывают никакого влияния. Возбуждение растет, положение осложняется. Местный гарнизон с трудом удерживает толпу от разгрома военного склада. Приказ комиссара временного правительства об аресте Дегтярева выполнить уже некому и в городе полный произвол, должностные лица избиваются и заключаются в тюрьму.

Положение ужасное.

Телеграммой от 3/VII за подписью г. г. Шкапского, Грызова, Шербакова, Абрамова и Егошкина было предложено уже Капальскому комиссару и организациям принять меры к водворению порядка, но и Капальским делегатам не удалось воздействовать на разбушевавшихся белобилетников.

Лепсинский городской голова 3/VII сообщил, что делегаты прибыли, уговоры не действуют, арестовали податного инспектора. (Надо было приписать: за то, что едва держась на ногах, обвел митинг мутными, посовелыми глазами и вместе с пьяной икотой выхаркнул „бараны“ п. п.), а 4/VII был арестован и сам голова. Почтовая контора оказалась тоже в руках бунтовщиков.

Тогда из Капала была отправлена рота солдат, сотня казаков и пулемет, но положение все же оставалось опасным. Прибывшие части, очевидно, не казались Дегтяреву достаточно решительными. Увещевания не помогли. Большевик фельдфебель был окружен тысячной толпой и арестовать его, не проливши крови, не представлялось возможным. Возбужденная толпа шла на штыки.

На требования выдать Дегтярева, как провокатора, для расследования было заявлено, что против следствия над ним ничего не имеют, если следователи будут выбраны из их же среды. Толпа потребовала также сдачи оружия караульной командой, в числе 43 чел., отстаивавшей в течение 5 дней склад оружия и военных припасов Добровольно освободить арестованных „народовольцы“ решительно отказались и пригрозили самосудом над ними, если их выпустят. К белобилетникам присоединились находившиеся в отпуске, а также кушкинские и самаркандские солдаты“.

Здесь важно замечание о том, что не одни отправляемые на фронт поддерживали Дегтярева, а все отпускные, а от себя добавим, что и все „неинтеллигентное“ население уезда, кроме кочевников, которые, несомненно, были до мелочей осведомлены о всем происходящем, но ничем не обнаружили своих настроений. Пойдем дальше.

„По мысли Дегтярева не нужно было ни судов, ни прокуроров, ни воинских начальников и врачей. Контрольная комиссия вступила в „делопроизводство", а различные вопросы решались в митинговом порядке".—

Вот это приводится, как что-то ужасное. Этим предполагается запугать, но кого? Верно, что Дегтярев говорил против суда, прокуроров воинских начальников и врачей, не как лекарей, а как имевших право освобождать, продлить отпуск и пользовавшихся этим за мзду. Верно, что все это он говорил; верно, что его с восторгом поддерживала толпа, так как видела, что значит суд буржуазии и прокурор—и защитник ее интересов. Не только это можно было слышать на митинге, там раздавались еще большие „ужасы" в роде ограничения прибыли торговцев двадцатью процентами. Это уже прямо поход против самого „святого".

Дегтярев помимо школы фронта, разбудившего в нем подспудно скрывавшиеся классовые инстинкты и способности трибуна и организатора, прошел в хорошую школу агитатора, как заявлял он в личных беседах некоторым из близко стоявших к нему.

Читаем дальше, чтобы представить себе весь фактический ход дела.

„Новый уголовный закон о виновных в призыве к убийствам, грабежам и насилиям, изданный Временным Правительством под давлением пережитых Петроградом, событий 3—4 июля, является мерой решительно необходимой, более действительной в борьбе с анархией. Он заставит побольше думать одних и бояться других там, где был слишком большой простор для изобретательности доморощинных большевиков и реформаторов".

Значение „лепсинским событиям", как видим, придавалось большое. Действительно „беспорядки" уже и в то время могли широко раскинуться по другим уездам и создать серьезную угрозу комиссарам временного правительства, имевшим небольшую и не доверявшую особенно им охрану казачьих сотен.

Обращает на себя внимание конец статьи (повидимому Шкапский пишет): „Новый уголовный" и т. д.

Как видим, не случайным являлось и лепсинское возмущение. Оно было одним из событий в общей цепи подготовляемого смотра действенным силам октября и Дегтярев был из числа той армии организаторов октября, которые к июлю направлялись в разные концы для подготовки переворота.

Аналогичные сообщения появлялись и в Краевой газете „Наша газета" в № 62 от 7 июля 1917 года и в № 79 от 20 июня, где такая же черносотенная инсинуация и грязь лились на теперь уже мертвого Дегтярева. И эта газета бы-

ла органом Краевого Совета депутатов. Тов. Резцов был прав, не скупясь на эпитеты по адресу этого „совета“ в своей книжке „Октябрь в Туркестане“*).

Выступление Дегтярева было вовсе не единичным. В той же газете—„Семиреченские ведомости“ от 20 августа 1917 г. услужливый сельский комитет села Никольского того же Лепсинского уезда сообщает:

„ В одно время с беспорядками в Лепсинске, происходившими по вине фельдфебеля Дегтярева, явился и в наше селение доморощенный большевик, бывший волостным писарем и состоящий теперь на военной службе фельдшерским учеником Термезского местного лазарета Филипп Корницкий, попросил председателя созвать сход, на котором начал свой рассказ следующими словами:

„Граждане и гражданки! Вот у нас сейчас свобода. Ну где же эта свобода? Она только до Ташкента, а здесь по всему Семиречью старый режим. Вас обдирает тот же свой комитет, в который вы избрали какого-либо черта—дьявола и они над вами издеваются, берут с вас всякого рода сборы, каких приказано не платить, так-как нигде не платят и платить их не полагается.—Корницкий и другими разными неприличными словами при этом выражался про комитет“.

Недовольство властью, состоящей в уезде из чиновников и старших учителей, а в селах—из богатеев и их сынков, сказывалось всюду. Нужна была только спичка, чтобы порох возмущения вспыхнул и беднота крестьянская (новоселы) начала бунт против этой новой власти, менее грубой, чем прежняя, но пока реально ничем не отличавшейся от прежней. Начала она его только в феврале 1918 года, образовав фронт, законченный только в апреле 1920 года.

Пришедшие в Лепсинск для ликвидации беспорядков войска были надежными частями: во-первых, казаки, во-вторых, рота караульной команды, боявшаяся фронта, распропагандированная и настроенная на „порядок“, состоявшая из купцов и их сыновей, использовавших всякие возможности не быть на фронте.

Митинг встретил эти войска открытой грудью. В нем была слишком велика вера, что не посмеют пустить в дело привезенного пулемета даже эти всего через год заклятые враги. И они не посмели. Они пытались схватить Дегтярева, окруженного солдатами, поймать его ночью на квартире, но это не удалось. Бережно охраняли Дегтярева солдаты и население. Безрезультатно раз'езжали казачьи раз'езды.

Однако, положение делалось напряженным. Город вовсе не был тем местом, где можно было развертывать работу и

*) Резцов Л. „Октябрь в Туркестане“ Изд. Истпарт Ср.-Аз. Бюро ЦКВКП(б) Ташкент 1927 г.

чувствовать безопасность. Центральные Советы депутатов молчали. Дошли вести о разгроме большевиков в Петрограде, диким, воем взметнулась клевета на них. Надо было сдаваться.

Дегтярев вместе с Черкашиным с ведома почитай что всего митинга решили скрываться в направлении к Сибири.

Рассчитывая на поддержку населения сел, на свою выдержку и документы, они прямо являлись в села, просили лошадей и ехали дальше, всюду после себя оставляя семя „большевицкой заразы".

В Уч-Арале, в 100 верстах от Лепсинска, в богатом старожильческом поселке, в период Аненкова переименовавшимся в Станицу, они были задержаны и не смотря на уговоры арестованы. Следом за ними мчалась казачья сотня, разочарованная тем, что преступники ускользнули из-под самого носа и приказ Туркомитета об аресте и доставке бунтовщиков в Ташкент будет невыполненным.

Дальше дело обычное; сухое донесение: „при попытке к бегству оба убиты".

В тот же день, как то ошеломленные вестью, перешептывались все—и горожане и еще не отправленные на фронт „белобилетники" и отпускники солдаты.

Посерели бородатые лица, ненависть залила глаза, грозно сжимали кулаки отправляемые на фронт крестьяне.

В полголоса передавались подробности убийства—может быть и неверные, но очень характерные для представления о Дегтяреве, стяжавшем себе славу храброго, честного, стойкого большевика.

Рассказывают, будто арестованные в Уч-Арале Дегтярев и Черкашин были обезоружены и под конвоем казаков направлены в Лепсинск.

Путь предстоял через довольно шумную реку Тентек. И вот на середине реки связанные Дегтярев и Черкашин глазами условились бежать.

С низких дрожек, затопленных водой, они скользнули в реку и поплыли. Черкашин тут же был убит, а Дегтярев еще долго плыл по реке вниз, избегая пули, и только шашки догнали наконец его. Уже полуживыми были они вытащены на берег и здесь добиты и закопаны.

Так погибли первые большевики Семиречья, первые ласточки грядущего Октября.

Тут же через несколько дней чья-то заботливая рука поставила вокруг холмика закопанных большевиков оградку, а какой-то деревенский грамотей написал имена погибших и обстоятельства смерти.

Так эта могила и была знаменем сельских окраин, сельской бедноты, позднее вступившей в смертный бой с казаками и старожильцами—богатеями.

Днем изгородь вокруг могилы сметалась посылаемыми казаками и всеми, кому имя Дегтярева было синонимом анархии и народного бунта, а ночью она вновь становилась, вновь возвышался свеже накопанный холмик. Так, не смотря на самую жестокую реакцию, проводимую черными гусарами атамана Анненкова, этот холмик все время обрастал свежей оградкой.

Имя Дегтярева и Черкашина было знаменем в осажденных Анненковым селах, геройски выдержавших осаду, живет и посейчас в заброшенных селах Семиречья.

Купеческий и чиновный семиреческий город торжествовал победу, но торжество это было, как похороны.

Опущенные головы, хмель „братских" речей интеллигентов из Комитета у многих, даже противников „дегтяревщины", прошел и немного нашлось героев из „доблестной армии" эс-эров, благословивших убийства и зашагавших вперед теперь уже по определившемуся пути.

Понурые, с затаенной злобой и жаждой мести, ушли белобилетники и отпускники на фронт, откуда через полгода вернулись оформившимися организаторами октябрьского переворота и боев за свободу.

Краткое время большевистской республики и смерть руководителей ее—Дегтярева и Черкашина для очень многих послужили первым толчком для осознания и выбора лежащих перед глазами путей.

Весь актив этой республики в последующем совершенно четко определился продолжателями Дегтярева.

Так окончился первый в Семиречье и, повидимому, в Туркестане большевистский мятеж, а имя Дегтярева стало нарицательным и долго жило, имея два смысла: „Дегтяревщина"—у одних—это синоним анархии, покушение на собственность, „злостный большевизм", измена союзникам—это для одной стороны фронта; „Дегтяревщина" для других—это символ геройской борьбы за коммунизм.

Пусть живет слава о первых большевистских жертвах в Туркестане, о первых большевиках: Дегтяреве и Черкашине, зверски убитых казачьей сотней и июле 1917 года на берегу реки Тентек у селения Уч-Арал, где так бесславно через три года кончили свою авантюру белогвардейские атаманы Анненков и Дутов.

К. Ельчибеков.

Памир в революции

(Воспоминание)

Февральская революция на жизни местного населения Памира не отразилась. Так же как и прежде, гражданская власть осталась в руках командования отряда. Правда, в отряде произошли перемены уже и в 1917 г. (во время командования подполковника Ягелло): в отряде был избран совет солдатских депутатов, но на взаимоотношениях отряда с местным населением это почти не сказалось. С самого начала войны (3—46) состав Памирского отряда не менялся, но вследствие постепенной утечки кадрового состава уже в 1918 г., когда отрядом командовал подполковник Фенин, в отряд было принято некоторое количество местных таджиков и военно-пленных чехов и этим была создана так называемая добровольная милиция.

В том же 1918 г. Фенин привез из Ташкента офицеров, которые, несмотря на то, что это было уже через 2—3 месяца после Октябрьской революции, надели погоны. В конце ноября 1918 г. почти весь русский состав отряда, забрав 2 пулемета и большую часть винтовок, через пост Лянгар*) и перевал Барогиль бежал в Индию, предварительно разоружив таджиков-милиционеров под предлогом починки оружия и спрятав затворы от оставленных винтовок. На постах остались только милиционеры таджики и чехи, а из русских медперсонал, да, кроме того, на восточном Памире (Пост Памирский)—один из офицеров по фамилии Юнг и пулеметчик, которые впоследствии были вырезаны басмачами-киргизами **).

После бегства Фенина начальником отряда, а тем самым, и главой гражданских властей на Памире, остался военнопленный врач Хорват-Вичич, который успокаивал население, говоря, что убежали офицеры, но вместо них придут больше-

*) Через пост Лянгар и перевал Барогиль идет наиболее удобная дорога в Чироль (Северная часть англоиндийских владений (АД).

**) Восточный Памир населен киргизами, которые поддерживали во время басмачества связь с Алайскими киргизами. Поскольку мне известно гарнизон поста был вырезан местными киргизами при участии басмачей из Алайской долины (АД).

вики. Но только весной 1919 г. на Памир приехала политическая тройка в составе т. Хапмакова, Валовика и еще одного товарища, фамилию которого я не помню. В это время сбежавшие в Афганистан военнопленные мадьяры пытались перейти через Памир в Китай. В Хороге их задержали и хотели послать в Ташкент, но они, убив Хапмакова и фельдшера Носова, бежали в Афганистан обратно (это было в июне 1919 г.).

Осенью 1919 г., когда дорога от Оша на Памир была занята басмачами и белогвардейцами во главе с полк. Мухановым, штаб которого был в Иркештаме *), на Памир приехал новый начальник отряда полковник Тимофеев, который часть винтовок и пулеметов, оставшихся в отряде после Фенина, отправил белым. После того, как белые были разбиты, Памирский отряд начал готовиться к бегству в Китай, для чего на всех станциях по главной дороге был запасен фураж и продовольствие. Перед бегством начальником отряда были арестованы двое из таджиков, служивших в отряде: т. Хубон-шо-Кирманшаева и Азизбек Каурузбеков, при чем последний был приговорен к расстрелу, как ташкентский красногвардеец и остался жив только благодаря заступничеству доктора Вичича.

Но бегство в Китай через восточн. Памир не удалось, так как киргизами-басмачами был вырезан весь Памирский пост (60 чел.) и боясь басмачей, гарнизоны всех постов, за исключением Кызыл—работа бежали в Индию.

С дороги вернулись нежелавшие бежать в Индию: т. Воловик, доктор Вичич, 2 лекпома и 3 военнопленных, но и эти, будучи напуганы слухами о басмачах, почти все, за исключением 2-х военнослужащих, бежали в Афганистан.

Таким образом на Памире за исключением одного армянина-жестянщика и 2 военно-пленных в Хороге и одного русского в Ишкашиме**), осталось только местное население ***).

Тогда собрались ишаны ****) и старики и начали обсуждать вопрос, кого пригласить управлять Памиром. Некоторые предлагали написать в Бухару, другие в Афганистан.

*) Штаб памирского отряда и адм. центр всего Памира находится в Шугнанском (Таджикском) кишлаке Хорог (АД).

**) Пост на Китайской границе Восточного Памира, гарнизон которого бежал в Китай.

***) Таджикское население Памира.

****) Пост на Западном Памире принадлежит к шиитской секте измаилитов, глава которой Ага-Хан живет в г. Бомбее. Все измаилиты должны обязательно быть муридами какого-либо из измаилитских ишанов-пиров. Наиболее влиятельными пирами на Памире были Саид-Махмуд ШО и Саид Юсуф Али ШО.

Сошлись на том, что написали в Бухару, но так, как ответа оттуда долго не было, ишаны предлагали назначить временного хана: Шахдаринский *) ишан Саид Махмуд Шо предлагал назначить Азиз-Хана (бывш. волостной Шугнанской волости, потомок Шахдаринского хана), а Паршневский **) ишан—Юсуф Али-Шо—настаивал на назначении Абдул Гиясхана (потомок хана Шугнанского ***). Не договорившись мирно, ишаны начали собирать своих Мюридов для боя: Саид Махмуд Шо в Верхнем Хороге, а Юсуф Али-Ша—в Нижнем. Мюриды были вооружены милтыками и палками. Но еще до начала борьбы между ишанами приехали басмачи из Дарваза, и ишаны примирились передать власть басмачам.

Басмачи выгнали с поста всех служивших там таджиков и назначили служащих из бывших прислужников бухарского бека.

На посту остались из нас только я в околодке ****) и т. Таваккал Бердаков на электростанции. Передавая пост бухарцам, мы патрон им не передали, а спрятали их в землю. Также не сдал своего ружья и Хубоншо Кирманшаев.

Бухарцы прожили на посту три месяца; брали взятки, назначали чиновников-мирахуров, кушбеги и т. д. и отправляли с поста казенные вещи домой. Тогда часть таджиков—бывших милиционеров—стали подготовляться к тому, чтобы прогнать басмачей с Памира. Для этого мы собрали в оружейной мастерской из разных частей 3 берданы и пристреляли их. Ат. Наурузбеков в это время завязывал связи с молодежью кишл. Поршнев. Из хорогцев в этой подготовке участвовали—Ноурузбеков, Таваккал Бердоков, Гариб, Бек, Пурак, Шурек, Хубоншо Кирманшаев, Сайфулла Абдуллаев, Бош Худжа, Курбасен, Мирак, Мамадзамин, Валдош и я; из к. Поршнев—Латиф, Мирзабек и Бозыча.

Старшим мы выбрали Курбасена, а направление в работе давал нам Ахунджан (отец Бошхуджа).

Нападение на басмачей было сделано нами в мае м-це и следующим образом. Собрались мы в доме Хубоншо и оттуда направились на пост. Те, кто был с ружьями направились верхней дорогой, а без ружей пошли прямо через пост.

*) Шахдира довольно густо населенная долина одного из притоков р. Гунт.

**) Поршнев крупнейший кишлак в Шугнане.

***) Шугнан крупнейшая волость на Памире. Населена таджиками-шугнанцами. До завоевания афганцами Шугнан был самостоятельным ханством.

****) т. Ельчибеков, автор статьи—работал в качестве санитара, а потом лекпома в Памирском отряде ч/п с 22 г. упол. КК на Памире.

Подойдя к казармам, сразу закричали „ура“ и дали выстрелы. Испуганные часовые были обезоружены, все оружие было захвачено, откопали патроны. Все басмачи были арестованы. Избежал ареста только главный из них, бывший в это время у ишана Саид Махуд Шо, который отказался его выдать. Арестованные были через 2-3 дня отправлены под конвоем в Дарваз.

После того, как мы захватили пост, ишаны начали уговаривать наших родителей, чтобы они убедили нас отдать пост опять бухарцам, угрожая в противном случае убить нас, но мы не послушались ни ишанов, ни родителей.

Тогда Саид Махмуд Шо созвал своих мюридов, более 300 человек, с мылтыками*), палками и луками, просил помощи у киргиз и решил занять пост.

Они осаждали пост 10 дней, но наши силы за это время все росли, так как к нам присоединялась молодежь. Мы вызвали из Гунта**) бывшего волостного Абдулл Назара и сделали его своим начальником.

Мы делали из пироксилиновых шашек, связывая их вместе и приделав к ним капсюли и фитили, бомбы и каждый вечер бросали по одной. Кроме того мы, делали ручные гранаты. Это все сильно пугало осаждающих, они боялись к нам подойти.

Через 10 дней к нам присоединились поршневцы, и в тот же день нами были переправлены из Афганистана бывшие там. Вичич, Волковик и др., которых афганцы хотели уже отправить в Кабул.

В то же время к нам подошла помощь и из Ишкашима и Вахана***). После этого шахдаринцы сняли осаду и сдали нам начальника Бухарской шайки, которого мы выгнали в Дарваз.

Вичич был выбран руководителем Памиротряда, а на всех западно-памирских постах была организована милиция из таджиков.

Только в Рушане****), куда начальником поста был послан фельдшер Сухитченко, бухарские чиновники*****) (из местных) побудили население осадить пост Калаи Вомар.

*) Мылтык киргизское название местного ружья. Шугнанцы называют его пан.

**) Местность на реке Гунт.

***) Ишкашим и Вахан волости Памира населенные таджиками—ишкашимцами и ваханцами.

****) Волость Западного Памира прилегающая к Дервизу.

*****) До революции весь Западный Памир, т.-е. волости Шугнанская, Рушанская, Ишкашимская, Ваханская и Орошурская (теперь Бартангская), номинально входили в состав Бухары.

Для выручки его пришлось направить отряд в 20-30 ч. из Хорога. Несколько человек из рушанцев было арестовано, главари бежали в Афганистан (Байг и Роматшо) и все успокоилось.

После этого в течение месяца ждали прихода из Ташкента большевиков. А когда выяснилось, что не будут они, за нами была направлена делегация во главе с Воловиком.

Советский отряд пришел только в августе 1920 г. Начальником этого отряда был Семыкин. Отряд, не трогая бедноты, у баев забирал бесплатно продукты и скот. Но он брал взятки. Но и после прихода этого отряда система управления на Памире осталась старая. Во главе волостей стояли волостные (миньбоши), в кишлаках—аксакалы и арбабы. Памиром управлял Нач. отряда. Выборные советские органы были созданы только в 1927 г., когда приехал новый отряд и военно-политическая тройка, уполномоченная Турциком, в составе т.т. Шотимора, Т. Дьякова и Хусанбаева.

Тогда же было положено начало к вовлечению в партию местных таджиков.

Гуща.

Банды январского восстания (1919 г.) в Фергане.

(Воспоминания).

В январе месяце 1919 года лев.-эсеры совместно с бывшим военным комиссаром Туркреспублики Осиповым и белогвардейскими организациями подняли в гор. Ташкенте восстание против власти Советов. Но это восстание под руководством нашей большевистской организации, при активном участии ташкентского пролетариата и революционных частей ташкентского гарнизона, при содействии пролетариата и Красной армии других областей бывшей Туркреспублики, было в Ташкенте и его окрестностях подавлено.

Осипов со своим новоиспеченным правительством—частью второго полка, кучкой гимназистов и других групп белогвардейцев города Ташкента—бежал в Ферганскую область к другому организатору белогвардейских отрядов Мадамин-Беку, захватив с собой из Ташкента много ценностей, вооружения и военного снаряжения.

В Фергане Осипов приступил к организации своих белогвардейских частей и к подготовке в союзе с Мадамин-Беком нового наступления на молодую Туркестанскую советскую республику. Скоро части Осипова и Мадамин-Бека стали представлять из себя по тому времени довольно внушительную боевую силу, тем более, что Туркреспублика со всех сторон была окружена другими белогвардейскими фронтами. Красное командование ферганским фронтом не располагало такими боевыми силами, которые могли бы быть противопоставлены силам белогвардейцев и обратились в Ташкент за помощью. Положение внутри Туркреспублики были чрезвычайно напряженное, так как белогвардейские организации на местах также подняли голову в связи с лево-эсеровским мятежом в Ташкенте, в особенности в Самаркандской области. Но в Самарканде белогвардейские группы, пытавшиеся поднять восстание, были уничтожены своевременно областной властью.

В марте месяце 19-го года Совнарком и военное командование Туркреспублики отдали распоряжение Самаркандскому Областному Военному Штабу организовать отряд и высту-

пать против Осипова и Мадамин-Бека. Отряд был быстро сорганизован из лучших революционных частей Самаркандского гарнизона и сильно вооруженных технически. Он состоял из всех родов войск. В него были влиты и все революционные части гарнизона из местного населения Командование Самаркандской областью выделило для этого отряда штаб во главе с начальником гарнизона и военным комиссаром области. Штаб был исключительно большевистский. До этого в ферганское командование входили два основных больших боевых отряда—один под командованием т. Коновалова, другой—кокандский. Были и другие небольшие отряды. Прибыв в район белогвардейской базы—г. Наманган—штаб самаркандского боевого отряда поступил в подчинение командования ферганским фронтом и тут же получил боевое задание—разбить белогвардейские войска, находившиеся в то время под командой Осипова и Мадамин-Бека. Части белогвардейцев состояли не только из русских и мусульман, но туда входили все почти национальности, в том числе и бывш. военнопленные, состоящие в большинстве из офицерства.

Штабу самаркандского боевого отряда были подчинены и все действовавшие в районе Намангана отряды. В связи с этим он был преобразован в штаб Наманганской группы войск. По полученным от разведки местных отрядов и командования фронтом сведениям главные силы противников должны были находиться в г. Касане и частично в кишлаках Чертак и Чуст.

На основании этих данных штаб, оставив довольно значительный резерв в Намангане, остальную группу войск разбил на три отряда и двинул по направлениям Касана, Чертак и Чуст с целью припереть все силы противника в горам, там их уничтожить и выручить Зазвоновский отряд. Но все сведения оказались ложными (главные силы противника были сосредоточены не в Касане, а в кишлаке Чертак), и отряды, потерпев в боях четыре незначительных поражения, вынуждены были отступить к Намангану. Выяснилось, что дача ложных сведений—дело рук местных левых эсеров и дашнаков, которые всячески тормозили быструю ликвидацию белогвардейского фронта. В Намангане вся группа войск на всякий случай хорошо забаррикадировалась на ст. Наманган кипами хлопка, намереваясь предпринять отсюда на белогвардейцев новое наступление. Осипов и Мадамин-Бек, учитывая техническую сторону и боевое значение нашей группы в Фергане, быстро сосредоточили все силы у Намангана, перерезали с двух сторон железную дорогу, телефонную связь и на рассвете густыми колоннами двинулись с трех сторон в бой. Бой бес-

прерывно продолжался целых 32 часа. Примитивная хлопковая крепость оказалась для неприятельских ружейных и пулеметных пуль неприступной и все поле сражения оказалось сплошь усеянным белогвардейскими труппами. Надежды Осипова и Мадамин-Бека на захват военной техники и уничтожение нашей группы оказались для них роковыми—они были на голову разбиты. С жалкими остатками своих банд Осипов и Мадамин-Бек, преследуемые группами войск и добитые под Кокандом, бежали по направлению Бухары и там скрылись.

Осипов и Мадамин-Бек избежали захвата лишь благодаря простой непредусмотрительности другого революционного Самаркандского отряда, который должен был преградить путь Осипову, направлявшемуся в Бухару. Горы белогвардейских трупов в течение 3-х дней убирались населением. Были не столь значительные потери и с нашей стороны. Штаб самаркандского боевого отряда и Наманганской группы войск, блестяще выполнив свою боевую задачу под большевистским руководством, возвратился в Самарканд, откуда часть отряда была направлена на Закасписки фронт.

Вот частица героической борьбы пролетарских и дехканских масс за свое освобождение, за власть советов, за Октябрь.

В. Гуща.

Самаркандско-ростовцевский бой

(январь 1918 года)

Доклад-воспоминание, сделанный в 1929 г. в Москве в доме Кр. Армии).

Экономическое положение Туркестанского края, в частности Самаркандской области, к январю м-цу 1918 года было напряженное.

Советская власть к тому времени пустила корни только в больших городах края, а местное коренное население—дехкане в то время были вовлечены в революционное движение только в Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областях. Коренное местное население Самаркандской области, в особенности та часть, которая прилегала к городам, было вовлечено не только в Октябрьский переворот, но оно участвовало и в ликвидации бело-казачьего нашествия и в ослаблении влияния и ликвидации белогвардейских национальных организаций, как например: Шура-Исламия.

Описывая бой под ст. Ростовцево, нельзя кратко не коснуться первой группы казачьих войск в количестве 8 эшелонов, разоруженных Самарканским революционным гарнизоном в конце декабря 1917 г. и начале января 1918 года.

Под руководством комитета Самаркандской большевстской организации и Ревкома был создан отряд из следующих частей: а) 6 рот 7-го Сибирского стрелкого запасного полка, б) части 731 дружины и в) крепостной батареи. Штаб отряда находился на станции Самарканд. Одна часть отряда заняла дорогу по тракту в лагери, другая расположилась по полотну железной дороги, а остальные части расположились на путях, ведущих в город. Резервы были оставлены в крепости и на ст. Самарканд. Приняв предохранительные меры на случай наступления казаков, Городской совет одновременно послал делегацию в составе: Бурикова, Рубцева, представителей Ташкента, Чечевичкина, Шустова, Исаева и др. в Кизил-Тепе для переговоров с казаками о разоружении. В Кизил-Тепе состоялся митинг, на котором делегацией был пред'яв-

лен ультиматум от имени революционных властей о сдаче оружия. Несмотря на противодействие офицерства и части реакционного казачества, оружие ими было сдано. Казаки уехали домой обезоруженными. Это оружие и снаряжение были перевезены в крепость. Отрядом руководил штаб (Фролов, Гуща и Поспелов). Об этом эпизоде, хотя он и был бескровным, можно дать много интересных воспоминаний.

Перейдем к изложению обстоятельств, при которых происходило обезоруживание второй группы казачьих эшелонов, двигавшихся с Персидского фронта по направлению к Самарканду. Соотношение вооруженных сил к моменту возникновения конфликта со второй группой бело-казаков, когда наша организация была вынуждена, по распоряжению краевой власти, срочно выделить из лучших частей Самаркандского гарнизона отряд для посылки на Оренбугский фронт, изменилось для нас в худшую сторону. Отряд был организован 10-го января 1918 года. Им командовал штаб в составе Понамарева, Гуща и Поспелова. В отряд были влиты и коммунисты. Этому же отряду краевой властью было дано задание (особая комиссия в составе: Полторацкого, Пономарева, Буракова, Бабушкина и Гуща)—из'ять ценности из Кокандских банков. Ушедшее в подполье автономное Кокандское белогвардейское правительство предполагало захватить ценности в свои руки, а с захватом ими ценностей они могли бы организовать банды для борьбы с Советами. В связи с отправкой на фронт лучшей части гарнизона, а также членов партии, мы к тому времени имели безусловное ослабление наших вооруженных сил в Самарканде и ослабление рядов в нашей партийной организации Нужно заметить, что офицерство, выступавшее до октября на митингах и агитировавшее за продолжение войны до победного конца, после Октябрьской революции и в особенности перед приходом казаков, изменило тактику в том смысле, что стало агитировать за демобилизацию солдат старой армии, что в условиях Самаркандской области означало ослабление мощи Советской власти при отсутствии новой революционной армии и при малочисленности в Самарканде индустриального пролетариата. После Октябрьской революции для Самаркандской области требовалась революционная вооруженная армия до момента организации новой армии из местного коренного населения. Эта армия нужна была не только для отражения внутренней контр-революции, но и для обеспечения работы среди местного коренного населения, в особенности в отдаленных уголках Самаркандской области. Такая армия под рукодством большевистской организации была создана. Новая армия, как

ее в первое время называли—Народная социалистическая армия, сыграла крупную роль в дни гражданской войны в Средней Азии. Первая рота будущей Красной армии, организованная большевиками в первых числах января месяца 1918 года, пользовалась авторитетом среди солдат крепостного гарнизона и вместе с ним принимала активное участие в разоружении казачьих эшелонов. Первые отряды Народной социалистической Армии, а впоследствии Красной Армии, принимали активное участие в боевых действиях против внутренней и внешней контр-революции.

Исполнительному Комитету Совета рабочих, солдатских и дехканских депутов, несмотря на противодействие офицерства, удалось организовать отряд из оставшихся в Самарканде солдат 7-го сибирского стрелкового запасного полка и 731-й дружины, который под командой командира 7-го сибирского стрелкового запасного полка капитана Степанова выступил в поход и занял позицию в 9-ти верстах от Самарканда. До этого похода на территории полка состоялся митинг, на котором было постановлено уехать по домам с оружием, взяв с собой на человека одну винтову и к ней 240 штук патрон. Отряд, организованный Советом, политически был малонадежный. В такой трудной и сложной обстановке организация, обессиленная уходом революционных красных частей и части членов партии, на Оренбургский фронт, лишена была маневренной способности.

Казаки, заняв город Ката-Курган, двинулись на ст. Джума. Краевой властью была послана для переговоров с казаками делегация во главе с тов. Полторацким. Со стороны казаков также была послана делегация. Обе делегации встретились в Самарканде, где на совещании в железнодорожном Ревкоме обсуждался вопрос разоружения. Представители рядового казачества на этом совещание склонны были сдать оружие революционной власти, в то время как офицерство категорически возражало. Не достигнув соглашения, обе делегации решили выехать на ст. Джума для непосредственных переговоров с рядовым казачеством, но, не доезжая ст. Джума, (10 вер. от Самарканда) делегация была встречена провокационными выстрелами, вследствие чего она вынуждена была возвратиться в Самарканд. В нашем отряде принимало участие и офицерство, которое агитировало солдат ехать по домам, а само вооружалось, закрепляя свое положение в Самарканде, несмотря на линию, проводимую большевиками о демобилизации офицерства и оставлении революционных солдат, необходимых для поддержания и укрепления новой революционной власти. Это же офицерство с'агитировало солдат на посылку

своей делегации к казакам. Явившись туда, делегация солидаризировалась с ними и по возвращении обратно заставила железнодорожных рабочих восстановить разобранный до этого железнодорожный путь и тем самым очистить дорогу казакам. Путь был восстановлен. Казаки двинулись к Самарканду, а наш отряд, позорно снявшись с фронта, возвратился в казармы. Офицерство 7-го полка и гарнизона, за небольшим исключением, выступило активно против руководства большевиков. Наиболее активными были: казачий полковник Зайцев, капитан Степанов, Сливко, Сивко, Шутихин, Бай, Березин, Татаржинский, Воскресенский и нек. другие. Руководители бело-казачьими отрядами, имея сведения о неустойчивости Советского отряда, двинулись по направлению к Самарканду. Нашей большевистской организации и совету оставалось только одно—отступить на такую позицию, где можно было бы хотя бы временно закрепиться до прибытия помощи из Ташкента. По распоряжению Исполкома и железнодорожного Ревкома ночью вся красная гвардия депо-ст. Самарканд, часть солдат гарнизона и часть партийцев, в особенности та часть, которая не могла оставаться для работы в подполье, организуется в особый Самарканский рабочий отряд. Рабочие, бросив свои семьи, организованно отступили по направлению к ст. Джизак. Самым удобным местом для расположения красных частей было Тамерлановское ущелье, которое и занял Самаркандский рабочий боевой отряд.

Руководящая часть членов партии во главе с председателем организации Чечевичкиным ушла в подполье. Часть же членов партии осталась в крепости. Была установлена через мусульманское население непрерывная связь между отступившими рабочими Самаркандского отряда и крепостью. Казаки вступили в Самарканд с песнями и с лозунгами временного правительства. Советская власть в Самарканде пала. Власть буржуазии восторжествовала. Казаки были встречены русской и национальной буржуазией с особой торжественностью. Ими были заняты все стратегические пункты, в том числе и телеграф. Русская и национальная буржуазия поила казаков вином, кормила их. Собирающихся на улицах граждан казаки разгоняли.

Революционное движение было подавлено. Организация большевиков ушла в подполье. Под влиянием этих событий несколько членов партии, даже из активистов Самаркандской организации большевиков, вышли из партии. Неустойчивость проявлялась и среди части солдат гарнизона и незначительной части рабочих. Колебания имели место и среди членов партии и даже в самом Комитете самаркандской организации

большевиков. Но основной костяк организации держался крепко.

Какую же роль играло местное население в отношении оказания помощи нашим отрядам, дравшимися с казаками? Прежде всего, через трудящихся мусульман, командование группой войск поддерживало непосредственную связь с крепостью. Кроме того, оно активно помогало в снабжении наших отрядов продовольствием, не говоря уже о том, что мусульманская рота 7-го полка принимала участие в разоружении первой и второй группы казачьих эшелонов. Нужно определенно сказать, что местное трудовое население Самаркандской области и до этих событий и после активно принимало в них участие, поддерживая советские отряды.

Таковы кратко события, предшествовавшие бою под станРостовцево. Общая установка белого командования была такова: двигаться на помощь атаману Дутову, свергая на своем пути Советы. Задание, повидимому, исходило из штаба Дутова. И есть основание утверждать, что бело-казаки имели соответствующую связь с Кокандским автономным белогвардейским правительством. На помощь отступившему отряду к Джизаку, краевой властью был послан отряд на подкрепление. Кроме того, командование Оренбургским фронтом срочно отправило в Джизак Самаркандский боевой отряд, находившийся в то время в гор. Оренбурге. После прибытия Самаркандского отряда из Оренбурга и других отрядов из Урсатиевской и Ташкента, был организован штаб (военный совет) группы войск в составе: Колесова Федора, Фролова, Понамарева, Дунаева, Пендо и Гуща. Эта группа войск, действовавшая против бело-казаков состояла: 1) из 1-го Ташкенского отряда, 2) Самаркандского рабочего отряда; 3) Самаркандского боевого отряда, участвовавшего на Оренбурском фронте; 4) других мелких групп и 5) одной батареи. В группе войск была и кавалерия. Численность группы доходила до 3.000 человек. А бело-командование имело в своем распоряжении около 2.700 чел. Казаки возвращались с Персидского фронта и из Хивы в полном боевом вооружении, имея артиллерию двух-батарейного состава и две пулементые команды. Помимо казаков в их состав входили фронтовики, возвращавшиеся с турецкого и других фронтов, а также офицерство Самаркандского гарнизона, насчитывающее к тому времени до 300 чел. Целью казаков было двигаться в полном вооружении домой. Целью офицеров—использовать казачество против Советской власти и помочь восставшему против власти Советов атаману Дутову. Задача красных отрядов сводилась к тому чтобы наибыстрейшим образом разбить врага,

не дав ему возможности организоваться, закрепить тыл и получить соответствующую поддержку у эмира бухарского. Этот момент требовал немедленного наступления красных на Самарканд и ликвидации казачьих банд. Настроение в тылу противника, в особенности среди рабочих, а также державшего нейтралитет крепостного гарнизона постепенно изменялось. Оставшиеся рабочие и крепостной гарнизон в Самарканде убедились, что казаки принесли им не освобождение, а настоящее закабаление. С приходом казаков пролетарские организации прекратили свое существование. Буржуазия, офицерство и старое чиновничество постепенно стали реставрировать свое положение и свои права, отнятые у них Октябрьской революцией. Белогвардейщина работала во всю. Красное командование, получив сведения о благоприятном настроении тыла, решило воспользоваться моментом. Немедлено было предложено через ответственное лицо крепостному гарнизону выступить против казаков. Крепость дала свое согласие. Назначен был день совместного выступления. Но план выступления полностью не был осуществлен, потому что крепость выступила с некоторым опозданием. Что же побудило крепость нарушить нейтралитет и активно выступить в защиту Октябрьской революции? Солдатская масса была недовольна ликвидацией Советской власти и под влиянием успехов краных отрядов под ст. Ростовцево пред'явила требование немедленного разоружения казачьих эшелонов. Комсостав крепости, под влиянием ликвидации Дутовского фронта и получения сведений о движении красных отрядов из Оренбурга по направлению к Самарканду и неудачи казаков под ст. Ростовцево, был вынужден дать согласие на разоружение и выступление. После состоявшегося в Депо летучего митинга железнодорожные рабочие ст. Самарканд, нелегально пробравшиеся в крепость, с согласия солдатского комитета влились в отряд, который потом выступил против казаков с тыла. Зная настроение тыла, заручившись поддержкой крепости и принимая во внимание создавшийся благоприятный момент, штаб группы не задумываясь решил пойти в наступление. Необходимо особо отметить, что в классовом и политическом отношениях наша группа войск была вполне однородна, чего не наблюдалось у казаков. В военной же подготовке наша группа была слабее. Поэтому часть рабочих, не обладавшая познаниями в военном деле, за 2 дня до похода на Самарканд была привлечена к обучению стрельбы и тактическим занятиям в поле около ст. Джизак и проводила их без всякого почти отдыха. Перед походом на ст. Джизак состоялся большой митинг с представителями местных властей и рабочих

станции, на котором председатель Совнаркома Туркестанской республики Колесов выступил с большой речью о внутреннем положении Республики. Все присутствовавшие на митинге заверили правительство о своей готовности двинуться в любой момент для подавления контр-революционного восстания, откуда бы оно ни исходило. После митинга состоялось заседание военного совета, на котором был принят план наступления. Реорганизовав отряды и создав из них боевые единицы, военный совет в полном боевом порядке двинул их по направлению Самарканда по линии железной дороги. Наша разведка в 5-ти верстах от ст. Ростовцево столкнулась с разведкой противника. Получив сведения, что противник расположился на ст. Ростовцево, военный совет отдал распоряжение двигаться войскам развернутым фронтом. Отряды двигались цепью вдоль железнодорожного пути, одни справа, другие слева. На оба фланга была послана разведка. По полотну железной дороги двигался „броневик"—платформа, защищенная хлопковыми тюками. Местность между ст. Куропаткино и Ростовцево, в особенности около последней, была невыгодна в военном отношени для нашей группы войск. Не доходя 3-х верст до ст. Ростовцево, красные отряды приняли бой. Казаки начали обстреливать сначала артиллерией, а при приближении к самой ст. Ростовцево открыли по отрядам ураганный пулеметный огонь. Противник занимал самую наивыгоднейшую позицию. Пулеметы были выставлены, как впоследствии выяснилось, на колокольне. С большим напряжением красным отрядам удалось занять ст. Ростовцево. Заняв станцию и окончательно выбив противника из занимаемой им позиции (противник занимал ст. Ростовцево и лощину, проходившую вдоль кладбища), группа войск, преследуя противника, после упорного боя заняла удобную для себя позицию. Но, несмотря на сильное сопротивление, красные отряды противника выбили. Вторая попытка противника занять свои старые позиции была отбита: казаки отступали по направлению к Самарканду. Отряды после закрепления занятых позиций, переформирований должны были преследовать противника. Но оказалось, что двигаться вперед с точки зрения наших хозяйственных ресурсов и недостаточно укрепленного тыла было невозможно. При дальнейшем наступлении, при отсутствии к этому времени сведений о выступлении крепости—отряды рисковали потерпеть поражение. К этому времени снаряды иссякли, продовольствие отсутствовало. Поэтому командование вынуждено было отдать приказ об отступлении красных частей для того, чтобы перевооружиться и получить соответствующее подкрепление со стороны отрядов, двигав-

шихся с Оренбургского фронта под командой тов. Перфильева (быв. командующий Туркестанским Военным Округом после Октябрьской Революции) и только тогда предпринять наступление. Красные отряды организованно отступили по направлению к ст. Куропаткино. При отступлении оказалось, что противником в тылу был разобран железнодорожный путь, который через два часа рабочими был восстановлен. Одновременно казаки тоже отступили в Самарканд.

Во время самого боя под ст. Ростовцево штаб казачьих войск решил направить подкрепление для своих передовых частей, сражавшихся под ст. Ростовцево, но в ответ на это группа большевиков, находившаяся в подполье, организовала летучий митинг в жел.-дорожном депо, на котором выступили Мурашкин Семен и два солдата с речами, требующими разоружение казаков. После этого митинга часть участников из рабочих ст. Самарканд, нелегально пробравшаяся в крепость с согласия солдатского комитета организовались в отряд и выступили из крепости на вокзал. Крепостной отряд, расположившись в саду, где некогда помещался железно-дорожный батальон, расставил пулеметы и орудия, направив дулы их прямо на штаб и казачьи эшелоны, находившиеся на ст. Самарканд, предъявил ультиматум о сдаче ими Советской власти оружия и снаряжения. Необходимо отметить, что уже в то время часть товарищей из бывших военно-пленных Австро-Венгрии и Германии принимали участие в разоружении казачьих войск.

Казаки, получив сильный удар под ст. Ростовцево, окруженные с тыла, имея достоверные сведения о поражении Дутова под Оренбургом и движении красных отрядов с Оренбургского фронта — сдали оружие. Все это оружие и снаряжение было убрано рабочими ст. Самарканд и сдано по описи, под руководством особой комиссии в крепость. На рассвете войска группы, соединившись с отрядами, только что прибывшими с Оренбургского фронта, двинулись в Самарканд, не имея на своем пути никаких сопротивлений и препятствий со стороны казачьих войск.

Советская власть победила: на ее стороне были и рабочие массы и местное трудящееся население. Исход борьбы поднял силы революционных организаций на дальнейшую борьбу и строительство советского государства.

В результате боя Красные получили восемь (8) трехдюймовых пушек, большое количество пулеметов, оружия и снаряжения.

* * *

В заключение перечислим активных участников Самаркандско-Ростовцевского боя: со стороны красных это были: Федор Колесов, Полторацкий, Фролов Андрей, Пономарев, Пендо, Дунаев, Михайлов, Поспелов, Есауленко, Берг, Шустов, Константинопольский, Баркус, Орлов (железнодорожник), Исаев, Спицин, Гуща и др. товарищи.

Работали в тылу противника: Чечевичкин, Галимханов, Кулахметов, Горбунов (унтер-офицер—не смешивать с быв. секретарем тов. Смирнова), Мурашкин Семен, Ниязов, Джурабаев, Сердюк, Паршин, Эпштейн, Бухонов, Тим-Христофоров, Тимофеев, Орехов и другие.

Со стороны белых: казачий полковник Зайцев, Слинко, Сивко, Степанов, Воскресенский, Бай, Соколовский, Гинзбург, Сиянов, Токарев, Иванченко, Подпалов, Горелов, Гапеев, Грибов и др.

От Истмола.

История юношеского движения в Средней Азии и участие молодежи в Октябрьской революции у нас до сих пор почти совершенно не проработана. Между тем, годы стирают из нашей памяти многие моменты комсомольской жизни, его революционные заслуги и традиции.

Все, что знают об этой работе еще живые свидетели-участники борьбы — старые комсомольцы, обязаны рассказать и передать это новым подрастающим слоям комсомола.

Отдел Истмола в отведенном Истпартом специальном отделе и ставит себе целью—вести систематическую работу по опубликованию: воспоминаний участников комсомольской работы, документов и отдельных научноисследовательских работ.

Выполнить эту задачу отдел может только в том случае, если и члены партии, ранее работавшие в комсомоле, и комсомольцы помогут нам в этой работе.

Мы надеемся на эту помощь.

Г. Федоров.

На заре юношеского движения в Семиречьи

(Воспоминание)

До Февральской революции в бывшей Семиреченской области нам известна только одна организация молодежи*). Это—общество юных натуралистов в Алма-Ата, состоявшее из сынков и дочерей буржуазии и чиновников и работавшее под покровительством „высоко-поставленных" лиц и реакционных педагогов.

После Февральской революции в Алма-Ата возникло много ученических организаций по школам, об'единявшихся союзом учащихся. Эти организации замыкались в рамки узко ученических вопросов. Наибольшую деятельность эти органи-

*) По словам тов. Полканова в Семиречьи перед 1917 годом имелись еще и другие юношеские организации, как, например, общество „Сокол" в Алма-Ата. Редакция.

зации развивали по линии устройства танцулек, пикников, выпивок. Мелкобуржуазный характер этих организаций понятен: в среде учащихся средних школ на 99% были дети чиновничества, буржуазии и кулачества.

В момент Октябрьского переворота эти ученические организации стали на путь прямой контр-революции, приняв постановление о вооруженном сопротивлении власти Советов. Только благодаря энергичному протесту большевиков—членов городской думы Овчарова и Березовского—это постановление осуществлено не было. Проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и введение представителей учащихся в педагогический совет встретило в союзе учащихся категорическое сопротивление: было решено устроить забастовку учащихся. Однако, большинство наиболее авторитетных выборных от учащихся решение о забастовке саботировало. Этим забастовка была сорвана. За несколько дней до свержения временного правительства учащиеся провели свой внутренний переворот, вышвырнув из состава союза всех противников забастовки. Руководство союзом после этого перешло в руки сочувствовавших власти Советов.

Первая попытка создания в Алма-Ата социалистического кружка учащейся молодежи относится к марту—апрелю 18 г., т.-е. к тому времени, когда в Алма-Ата вспыхнула гражданская война. Эта борьба требовала железной организации всех сил трудящихся, в том числе и молодежи. И вот в этот период у нас возникла мысль о создании своего союза молодежи.

Помню такой случай. Однажды, я встретил своего товарища, активного работника городского комитета партии большевиков Варлова, который сунул мне целую кипу иркутских газет и пачку воззваний и посоветовал прочитать их, сказав: „Вот это молодежь. Вам также надо работать“. С большим увлечением я перечитал все эти газеты.

Газета иркутской молодежи описывала, как рабочая молодежь с оружием в руках шла на борьбу с белой гвардией; как революционеры учащиеся под контр-революционный вой педагогов и своих бывших однокашников проводят Октябрь в школе.

Как только белоказачье было отбито от Алма-Ата, я приступил к организации кружка по примеру Иркутска, по всем школам развесил воззвания. В „Зарю свободы“ (орган горком партии большевиков и Военн. Ревкома) поместил большую статью, которую редакция пустила передовицей. Нужно сказать, что в типографии, когда я пришел сдавать свою статью, меня встретили очень хорошо. „Давно пора нашей молодежи организоваться“, сказал один из рабочих. Однако на мое воз-

звание откликнулись очень слабо. На организационном собрании присутствовало всего 15 человек. Из числа коренного населения не было никого, если не считать несколько учащихся татар.

Было решено организовать социалистический союз учащейся молодежи на основе признания диктатуры пролетариата. В состав оргбюро были избраны Яковлев (бывш. член ВКП(б), работник органов ЧК), Погорельский (член ВКП(б), сейчас аспирант Раниона) и я.

В этот период проходила организация областного комиссариата просвещения, против которого учительство проводило саботаж. Для того, чтобы сорвать учительский саботаж, при помощи нашего оргбюро на должности учителей были назначены ученики старших классов учительских семинарий. В результате саботаж учительский союз тотчас же прекратил. После этого товарищи Яковлев и Погорельский уехали на работу по просвещению в уезды. Из оргбюро остался один я. После их от'езда нам удалось организовать читальни для учащихся.

Перед от'ездом Яковлева и Погорельского мы договорились отложить организацию социалистического союза учащихся на осень. Наступила осень. С радужными надеждами вступил я в школу, но мое появление в ней было встречено весьма враждебно. В первый же день учебы класс вынес постановление потребовать от меня добровольного ухода из школы. „Мы не хотим учиться с большевиками"—вот был их основной мотив моего удаления. Я отказался подчиниться. Тогда меня схватили вместе с партой и „торжественно" вытащили под сочувственные улыбки учительства на улицу, где и бросили вместе с партой. Такой бойкот продолжался почти в течение месяца. Каждый раз мое появление сопровождалось изгнанием. От левых настроений учащихся средней школы не осталось и следа. Причина тому—обострение классовой борьбы. Кулачество и чиновничество, ставшие основой контр-революции, организовались в партию левых эсеров, захватили влияние в советах и усиленно готовили восстание и уже начали выступать. Пример—белогвардейское восстание в Беловодске.

В этот-то момент я выступил в школе за организацию союза учащихся-большевиков. Мое выступиление было встречено свистом и криками „Долой негодяя, красную сволочь, большевика! Скоро на веревочке болтаться будете".

Мне не только не дали говорить, но и удалили с собрания и сняли с выборной работы ученических организаций. Возвратившись в класс, я выступил снова с указанием, что

учащиеся встали на путь контр-революции и борются за интересы буржуазии. В ответ на это сынки Алма-Атинских буржуа сбросили меня с криками „убить его“ с кафедры и стали избивать. Только вмешательство ряда однокашников, сочувствовавших нам, избавила меня от более серьезных побоев, а возможно и убийства. Убедившись в бесполезности открытых выступлений, мы решили продолжить работу другим путем. Из числа отдельных товарищей, сочувствовавших идеи социалистического Союза Молодежи, организовали группу в составе: Гелер, Ставроцкого, Бердникова, Шахова и Малькоѵского Михаила. Кроме того, мы организовали литературный кружок, в котором вели пропаганду социализма. Основная задача была выявить учащихся, сочувствующих социализму. Между тем, в школе,несмотря на власть советов, господствовала самая непроглядная реакция. Учащиеся под влиянием учительства сами восстанавливали все порядки царских гимназий. В состав школьных комитетов были избраны наиболее контрреволюционно-настроенные. Достаточно указать, что председатель школкома школы имени Некрасова (быв. мужская гимназия) некто Кислицин (сын попа), немедленно по окончании занятий убежал к Анненкову. Такое положение в школах было примерно до января 1919 года (до момента контрреволюционного восстания в Ташкенте).

Разгром белогвардейской сволочи в Ташкенте заставил нашу Алма-Атинскую контр-революцию сдать свои позиции.

Начала изменяться обстановка в школах.

В этот момент мы расклеили по всей школе призыв приветствовать победу пролетариата в Ташкенте и в ответ на происки буржуазии организовать союз учащихся большевиков.

Организационное собрание состоялось числа 25-го января. Собралось свыше 100 человек. В самой нашей инициативной группе произошли разногласия. Большинство (Ставровский, Бердников и я) высказывались за организацию большевистского союза учащихся а двое товарищей за социалистический кружок. На общем собрании по этому вопросу разгорелись горячие прения. Представитель Горкома партии*) высказался за организацию социалистического кружка учащихся и спор был решен в пользу кружка. Самое название в значительной мере определило характер работы кружка. Мы начали работу по изучению марксизма. Работа эта представляла в то время большие затруднения.

В Алма-Ата не было до Октября политических партий. Партия большевиков организовалась уже после Октября

*) Шабалин бывш. с.-д., меньшевик, впоследствии опять отошел от большевизма.

1917 года. Очень трудно было достать марксистскую литературу. В нашем кружке были прочитаны доклады „Основы марксизма“, „История социализма с древнейших времен“, „История революционного движения в Западной Европе“, „Деньги и их значение“ и некоторые другие.

Большим событием в жизни кружка было получение книги Бухарина „Программа коммунистов-большевиков“. Нужно сказать, что в то время в Алма-Ата было всего 2 экз. этой книги. Если трудно было достать старую литературу, то новейшая в Алма-Ата почти не доходила. Книжка Бухарина была первой книгой по которой не только наш молодняк, но и члены ВКП(б) алмаатинской организации впервые знакомились с программой партии.

Мы получили книжку на три дня. Три вечера под ряд по пять—шесть часов кружок в сто человек внимательно сидел и слушал чтение книжки. Каждый старался не пропустить ни слова из книжки. Никогда не забудутся эти три вечера учебы. Недоумения, вопросы, которые возникали у молодежи, здесь находили свое разрешение. Только резкая критика религии вызвала некоторое недовольство среди женской части кружка, но горячие прения быстро заставили колеблющихся отказаться от своих сомнений. Вскоре на кружке был поставлен доклад „Анархизм и социализм“. Несколько членов кружка пытались отстаивать идеи анархизма, но получили отпор со стороны огромного большинства. Работа по изучению марксизма не могла нас удовлетворить: чем больше мы изучали, тем больше хотелось принимать участие в борьбе против буржуазии. Мы решили реорганизовать наш кружок в Социалистический союз молодежи, Горком партии пошел нам навстречу: утвердил устав и выдвинул к нам представителя (тов. Перевалова). Одновременно мы провели чистку кружка и в новый союз приняли из старого состава только тридцать человек*). Основной задачей кружка было поставлено создание массового союза молодежи и участие в политической жизни под непосредственным руководством горкома компартии. На собрании союза стали решаться и обсуждаться общеполитические вопросы. Когда в органе Семир. север. фронта „Голос Землероба“ затесавшиеся антисемиты повели открытую контр-революционную агитацию и краевой с'езд партии требовал немедленного их ареста, наш союз первым на это откликнулся: заслушав доклад об антисемитизме выступил с большой статьей „Долой антисемитизм“ в которой требовал смертной казни для антисемитов пытавшихся разложить фронт.

*) Из актива этого времени помню: т. т. К. Милахину (секретарь), Лобынцева, А. С. Лобынцев, Пригородова, 3-х сестер Шышкиных, Федорова Растислава и Федорову В.

По предложению горкома партии, члены Союза были выделены для чтения лекций в городском клубе. В июне 1919 г. в Алма-Ата приехал инструктор ПУР тов. Стельмашевский, который приступил к организации политотдела области. Он обратился к союзу с предложением принять участие в организации политической работы в Красной армии. Единогласно было решено отдать в Красную армию весь актив кружка. Правление союза полностью ушло в ряды Красной армии (в том числе и девушки).

Здесь нам молодым и по возрасту и по политстажу пришлось нести весьма тяжелую работу. Одновременно с налаживанием политработы проводилась реорганизация Красной армии из партизанских отрядов в регулярные полки.

На лето работа непосредственно по организации союза замерла. Я выехал на Семиреченский северный фронт и поддерживал переписку с товарищами. Когда в ноябре 1919 г. я вернулся в Алма-Ата, то в связи с приездом центровиков наши ребята развернули широкую агитационную кампанию. Я попал на организационное собрание. Присутствовало свыше 300 человек молодежи (учащейся, крестьянской и рабочей). Комитет предлагал название „Союз Красной Социалистической молодежи". Мы, несколько товарищей-фронтовиков, высказались против, предлагая назвать „Коммунистический Союз молодежи". Мы указывали, что вся революционная молодежь России об'единяется под флагом коммунизма, что все теперешние „социалисты" находятся на стороне Анненкова, Колчака и им подобных. Общее собрание с аплодисментами приняло наше предложение. Работа союза закипела. Агитаторы союза поехали по деревням и аулам. В состав комитета городской организации комсомола были избраны т. т. Дублицкий, Абдурахманов (работавший тогда в Красной армии, сейчас предсовнаркома Кирреспублики), Франк, Г. Дегтярев и я. К этому времени возникли организации союза в Караколе, Фрунзе (Пишпек), Джаркенте. В середине декабря мы получили обращение Ташкентской организации о созыве краевого с'езда и 2 номера „Юный Коммунист". Это вызвало громадный взрыв энтузиазма. Когда об этом сообщили общему собранию, то оно постановило прочитать ему оба номера журнала. При громадном внимании собравшейся молодежи оба номера были прочитаны от корочки до корочки. Сообщение о движении молодежи в России и во всех других странах мира вызвали горячие приветствия. Мы почувствовали, что мы не одни, что армия пролетарской молодежи организуется во всем мире. После чтения журналов разгорелись оживленные прения. Ташкентскую организацию приветствова-

ли как вождя молодежи Туркестана. Трудно передать тот радостный энтузиазм, который охватил молодежь. Было решено созвать первую уездную конференцию. В конце декабря конференция была проведена. На конференции участвовали представители целого ряда деревень. Была молодежь и из коренного населения, организовавших свой район. Конференция проходила при ближайшем участии и руководстве обкома партии в лице товарища Фотеева и завполитотдела 3 дивизии тов. Кравчука. Нужно сказать, что с самого начала организации политотдел принимал непосредственное участие в работе комсомола. При помощи работников политотделов была проведена неделя красной молодежи.

Вскоре состоялись выборы на первый краевой с'езд комсомола Туркестана. Делегатами были избраны Дублицкий, Лукина, Франк и я. Кроме того, присутствовали на с'езде еще 8 делегатов из разных мест Семиречья (где был организован комсомол. После окончания с'езда на заседании крайкома РКСМ совместно с делегатами Семиречья было создано оргбюро РКСМ в составе т. т. Дублицкого, Абдурахманова, Джиенкулова (умер от сыпного тифа в 1921 году) и меня.

Возвратившись через месяц, мы увидели, как быстро развивался союз. За месяц выявился громадный слой актива из крестьянской молодежи (Емцов, Ходеев, Бендюков Яр-Мухамедов, Исаев и многие другие будущие члены ЦК и Обкома). Ребята успели провести „Неделю помощи детям Ленинграда и Москвы", собрав большие средства деньгами и хлебом. Напр., в Пишпеке две комнаты в комитете комсомола до потолка были завалены зерном. Оргбюро немедленно принялось за работу. На мою долю выпало председательство, Джиенкулова секретарство, Дублицкий руководил алма-атинской организацией, Абдурахманчик (так звали его комсомольцы) по уездам.

Одновременно мы приняли не только участие, но фактически взяли на себя целиком проведение „Недели помощи фронту", мобилизовав для этой работы всех членов комсомола и всех учащихся.

В этот же период, в целях увеличения рабочего состава комсомола, была проведена первая широкая конференция беспартийной рабочей молодежи, после нее в конце апреля 1920 г. состоялся первый с'езд комсомола Семиречья.

Между прочим крайком, организовав оргбюро и снабдив его литературой, не дал ни одной копейки на организацию. Оргбюро долго ломало голову, откуда получить средства. И, наконец, обратились в революционный трибунал к тов. Кон-

дурушкину (теперь прокурор Верхсуда СССР). Он моментально удовлетворил нашу просьбу, отпустил нам несколько „миллионов" рублей за счет конфискации имущества у буржуазии. На первом с'езде было представлено 4 уезда области. Алматинский, Пишпекский, Джаркентский и Каракольский. Всего было 56 делегатов, в их числе 10 человек работников коренного населения и 10 девушек. (Через год на втором с'езде было 150 делегатов от всех уездов и в том числе значительное количество от аульной молодежи).

На первом с'езде присутствовали представители Крайкома РКСМ Кузнецов С. и Константинов. Интересно отметить, что если на с'езде в Ташкенте мы могли только слушать представителей центра, то теперь, через каких-нибудь два месяца, мы выступали с ними в самые серьезные споры по вопросам юношеского движения.

Активность молодежи росла чрезвычайно быстро. Стоило только об'явить о какой либо работе, как записывались десятки. Так были выделены работники в органы ВЧК (из 60 человек желающих отобрали 10).

После с'езда мы приступили к организации уездных оргбюро. С'езд прошел под знаком высокой активности. С'езд обратился к молодежи с воззванием помочь призыву 1900—1901 года в Красную армию. Этот призыв прошел блестяще. Комсомольские ячейки целиком постановляли итти в ряды Красной армии, многие ребята прибавляли себе года лишь бы попасть в Красную армию. Сюда ушел почти весь наш актив ячеек. Первый с'езд призвал молодежь к участию в субботниках. И первое мая 1920 года тысячи молодежи, членов и нечленов комсомола, приняли участие в этой работе.

В первый состав обкома вошли т. т. Абдурахманов, Дименкулов, Забиров, Тимофеев, Бруй Костя, Федорова, В. Бендюков, Дублицкий, Исеев, Яр-Мухамедов, Федоров Г.

Обком РКСМ уже поселился в одном помещении с обкомом РКП(б) и приступили к организации комсомола в уездах. Начали издавать свою газету. Интересно, что, не имея возможности печатать ее в Алма-Ата, мы умудрились выпускать ее в Пишпеке. В работе обкома оказал большую помощь В. Колчин, который приехал для работы в политотдел и взял на себя проведения с'езда комсомола в Джаркенте.

За год своей работы первый состав обкома вовлек в свои ряды до десяти тысяч человек из рабочей и крестьянской молодежи, как русской, так и казакско-киргизской.

Козлов Т. С. „Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении" (1904—1916 г. г.).

К 30-летию 1-го съезда РСДРП, Туркменский Истпарт, отдел ЦК КП(б)Т, Ашхабад 1928 г., тир. 1050, 18 стр., цена 30 коп. На русск. яз.

Было бы значительно правильнее, если бы автор озаглавил свою брошюру иначе: не „Зачатки большевизма", а „Социал-демократические организации Туркмении в революцию 1905—7 годов". Почти весь приводимый автором материал трактует именно этот вопрос. Что же касается прямой задачи работы—выявления большевизма—то в этой части автор с задачей совершенно не справился. Попытки выявить и анализировать большевистское крыло местных социал-демократических организаций страдают и противоречивостью и малодоказательностью.

Имеется и второе несоответствие между заголовком работы и ее содержанием: указано, что изучается зарождение большевизма за период 1904—1916 годов, а содержание охватывает социал-демократическое движение только периода 1904—1907 годов. Последующий же период (1907—1916 г. г.) характеризуется заключительной главкой совершенно по иному вопросу о „национальном движении среди „туркмен".

Таким образом, заголовок книги не соответствует ни ее содержанию, ни охвату во времени: вывеска—одно, содержание—другое.

Перейдем к разбору содержания книги по существу. От автора коммуниста, взявшегося за разработку такого важнейшего вопроса, как зарождение большевизма, мы в праве требовать строго-научного, марксистско-ленинского подхода к этому вопросу. Но, к сожалению, это основное методологическое условие в разбираемой работе и отсутствует. Автор собрал кое-какие, иногда довольно интересные, факты, расположил их в хронологическом порядке и от себя добавил ряд выводов, в большинстве случаев внешне-формального характера к тому же нередко протеворечивых и не вытекающих из приводимого материала. В основном же материал книги—хроника событий. С такой хроники и начинается. Ни в начале, ни в дальнейшем изложении автору не заблагорассудилось подвести под эту хронику соответствующего фундамента, дать социально-экономическую и политическую обстановку, в условиях которой стало возможно возникновение и рост социал-демократических групп и организаций. Игнорирование автором этой марксистской азбуки и лишило его возможности и самому понять описываемые события и верно об'яснить их в работе.

Если бы автор попытался дать характеристику положения рабочего класса в Закаспии перед 1905 годом, и отобразил бы картину классовых и национальных взаимоотношений этого периода, для него бы не составило большого труда понять и об'яснить весь процесс формирования и роста социал-демократии и большевистского в нем течения. Это основной недостаток всей работы. Посмотрим теперь, как автор характеризует социал-демократические организации Закаспия в период 1904—1907 годов и деятельность их большевистского крыла. В главке: „Блок срывается" (стр. 79) он пишет: „с.-д. организации, в 1905 году, несмотря на довольно значительное меньшевистское течение, под давлением революционно-настроенных масс, в большинстве проводили тактику бельшевиков". И далее на стр. 8: „соц.-дем. организации, раздираемые партийными противоречиями,

продолжали вести примирительную политику и не были в состоянии осуществить полное руководство в стачечном движении среди железнодорожных рабочих и в массовом движении солдат".

Оба эти вывода показывают, что в социал-демократических организациях Закаспия преобладало меньшевистское течение, и что, как это иногда бывает, меньшевики „левели" только под влиянием революционного под'ема масс, под их давлением. Все это верно, но пишущему о зачатках большевизма не следовало бы останавливаться только на доказательствах от противного, а доказать конкретно существование большевистского крыла. К сожалению, этого не сделано и большевистское ядро декретировано, а не доказано.

Несомненно, кое-какие возможности на этот счет у автора имелись. Это, прежде всего, неоднократно отмечаемая автором подпольная печать: листовки, воззвания и др. аналогичные печатные документы. Затем, состав социал-демократических кружков и организаций. Если бы автор поглубже заглянул в дела архивов, он бы смог определить партийную физиономию большинства тех социал-демократов, фамилии которых он приводит. В частности, он бесспорно смог бы установить всех тех большевиков, кои сюда были высланы из России.

Таким образом, зачатки большевизма в социал-демократии Закаспия автором не выявлены и не доказаны. Выявлено иное: стихийный большевизм в поднявшихся в первой революции рабочих масс и солдат. Понятно, что при такой обрисовке большевизма автор ничего не смог сказать и о тактике и о стратегии большевистских групп и их борьбе с меньшевиками и эсерами.

Слабо проработан материал и по первым социал-демократическим кружкам. Приводятся списки участников этих кружков, но не дается партийной принадлежности этих лиц. Отсюда неизвестно, кто в этих кружках преобладал: эсдеки или эсеры, и вообще много неясного и недоговоренного по всей работе.

Так, на первой странице мы имеем, „Революционное движение среди рабочих масс и солдат быстро развивалось. Перед политическими партиями стояла задача овладеть этим движением и направить его по настоящему руслу". Что в 1903—4 г. г. „революционное движение в Закаспии быстро развивалось"—это нужно было все-таки показать на примерах.

Затем совершенно неясно, перед какими это „политическими партиями" стояла задача овладеть движением? Это, пожалуй, уже больше чем неясность. На странице 4-й говорится о „Туркменском" с'езде с.-д. организации в 1906 г. Это же искажение исторической перспективы! На стр. 13: „Волна выступлений войсковых частей, прокатившаяся по всей области в одно и то же время, показывает мощь и организованность воённых социал-демократических организаций". Фраза приведена без всяких доказательств и фактов, из головы. На странице 16, приведя мнение полиции о составе соц.-демократических организаций в Закаспии в 8—10 тысяч, автор так и оставляет эту цифру не раз'ясненной: верна она или нет. Там же: „Рабочие массы (в 1906 г. П.) попадают под влияние социалистов революционеров". Почему сие произошло, следовало бы все-таки пояснить. На стр. 1-й: „ссыльные вели среди солдат агитацию". Откуда это автор узнал—неизвестно. И таких мест в работе чрезвычайно много. Совещание участников революционного движения в Закаспии при обсуждении этой работы также отметило, что имеются неправильные даты событий, а кое-где и их фактическая сторона. Примеры: вопрос о ноябрьской забастовке и неправильности в причислении ряда упомянутых автором лиц к социал-демократам.

Несколько слов о последней главке „Национальное движение среди туркмен". Она политически безграмотна. Первый шедевр: „Политика царского самодержавия в Средней Азии, а в частности в Закаспиской об-

ласти, занимавшаяся исключительно поборами с населения, в значительной мере способствовала созданию предпосылок среди туркмен к национально-освободительному движению". Думается, что сплошная несуразность этой фразы расшифровки не требует. Различные позиции туркменских правящих групп, как в период февраля, так и октября автором затушеваны следующей, совершенно путанной фразой: „либеральное движение получило определенную форму лишь после свержения царизма и вылилось в тяготении местной мусульманской буржуазии в союзе с духовенством к автономии и организации самостоятельного мусульманского государства".

На той же 18-й странице автором придуман новый термин „национально-религиозно-освободительное движение". Термин, понятно, никакой критики не выдерживающий. Думается, что эта главка попала в работу просто по недосмотру. И к теме работы она отношения не имеет и вся— сплошная путаница. Взамен этой главы автору следовало бы несколько подробнее выяснить деятельность одного из первых революционных агитаторов из местного населения, узбека Хатынтаева среди туркмен, а затем изучить отношение к революции 1905 года все-таки имеющейся небольшой прослойки туркмен-рабочих, главным образом железнодорожников.

Резюме: С поставленной задачей выявить и изучить „зачатки большевизма" автор не справился. Научно-исследовательской, в точном значении слова, работа квалифицирована быть не может. Работа имеет значение только с точки зрения хроники рев. движ. 1905—7 годов, да и то с оговорками: имеются неточности в датах, частично фактах и списках участников с.-д. кружков.

Выводы и обобщения книги слабы, а подчас неверны. Революционный процесс взят поверхностно, без соответствующего углубленного анализа. Много таких мест, которые нужно отнести или к неряшливости или недостаточной политической грамотности автора. Главка о нацдвижении среди туркмен в работу попала по какому-то недоразумению. А сама по себе—шедевр политической путаницы.

Туркмен. Испарту следовало бы эту работу в таком виде не печатать.

По затронутому автором вопросу нужна новая, более основательная работа.

ПЭН

Н. Хаймин. Ленинский комсомол Туркменистана.

Туркменгиз. Ашхабад, 1929 г., 71 стр., тир.—1070.
Цена 70 коп. На русск. языке.

История комсомольских организаций Средней Азии еще совершенно не разработана. Нет не только серьезных исследовательских работ, но и крайне мало опубликовано воспоминаний участников комсомольского движения. И совершенно прав т. Хаймин, когда в предисловии к рецензируемой работе пишет, что в этой области „надо все же положить конец заговору молчания. Растущая смена должна знать историю своей работы". С этой точки зрения сделанный тов. Хайминым прорыв в „заговоре молчания" нужно горячо приветствовать. Несомненно, его книга должна вызвать и у старых и у теперешних комсомольцев интерес к истории КСМ, должна напомнить уже начинающие забываться страницы революционной борьбы у одних и вызвать желание изучать революционное прошлое своих организаций—у других. Посмотрим, в какой степени т. Хаймин с поставленной задачей справился, т.-е. можно ли эту работу считать научно-марк-

систским исследованием. Правда, и сам автор считает работу „пробной сводкой", но это не обязывает нас ни в какой мере умалчивать о имеющихся в работе недостатках.

Тов. Хаймин поставил перед собой задачу—охватить историю юношеского движения в Туркмении периода 1905—1928 годов. А так как по этому вопросу ранее ничего не было написано, то автору приходилось весь материал разрабатывать самостоятельно и почти исключительно по сырым архивным материалам. Понятно, такая работа для начинающего автора оказалась весьма трудной. Добросовестно собрав довольно богатый архивный материал, обработать его должным образом автор не сумел. Тов. Хаймин смог дать только распространенно изложенную хронику комсомольского движения с весьма детальными указаниями на состав организаций, повестки дня разного рода собраний, заседаний, с'ездов и конференций и т. д. Что же касается анализа приводимого материала—расстановки его в порядке значимости, то в этом отношении автором сделано весьма мало. Главное и основное в работе не выделено из второстепенного и третьестепенного. Наряду с этим приводимые автором разного рода уклоны и течения в комсомоле, требующие к себе весьма внимательного изучения, соответствующего анализа не находят ни с точки зрения отыскивания их причин, ни дачи их оценок. Социально-экономического и политического фона, в условиях которого в соответствующие периоды жил и развивался комсомол, в книге нет. В этом основные, главные недостатки работы, в силу которых история комсомола, как история этапов его ленинской закалки в борьбе с уклонами, как история его большевизации и роста, соответствующего выявления в книге не находит. А в силу этого воспитательное значение книги для растущей смены в значительной степени обесценивается.

Несколько конкретных иллюстраций к сказанному.—Во всей книге почти что совсем отсутствует описание внутренней работы в комсомоле. Отсюда упоминаемые автором те или иные внутренние кризисы (наприм., описанные на 43 странице) происходят по непонятным каким-то причинам. Тоже самое можно сказать и в отношении перечисленных в книге уклонов. Подоплеки их не выяснено. Вывод здесь один: во втором издании книга потребует кардинальной переработки. Историей ленинского комсомола, в прямом значении этого слова, книгу считать нельзя. Она—расширенная хроника КСМ Туркменистана—не больше. И с этой точки зрения книгу нужно использовать, а первое начинание т. Хаймина, несмотря на перечисленные здесь недостатки,—приветствовать. Несколько слов о вводной части, написанной т. Карпычем. Уж очень оно размашистыми, утрирующими, мягко выражаясь, штрихами написано; пример: „Программа Коминтерна" замечательное произведение лучших литераторов современного коммунистического движения мира. В программе, написанной весьма легко и популярно, звучит музыка идущего к победе пролетариата".

Думается, что воспитывать в комсомоле представление о программе Коминтерна, кстати сказать, почему-то Карпычем взятой в кавычки, в первую очередь, как „замечательном произведении литераторов", было бы неверно и даже вредно. Перехвачено, несомненно, и на счет легкости и популярности программы. Лицу, дающему к работе т. Хаймина установочную статью, следовало бы отнестись к ней более серьезно и ответственно.

П. А.

Редакционная коллегия: *Антропов, Нодель, Письменный, Финкельштейн, Ходжанов.*

Цена 1 руб 25 коп.

Вышли в 1928—29 годах и имеются в продаже следующие издания Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б)

Ходжанов. 10-летие Советской автономии Туркестана.

Резцов. Октябрь в Туркестане.

Алексеенков. Крестьянские восстания в Фергане.

Финкельштейн. Январское восстание.

Антропов. Что и как читать по вопросам рев. движения и партии в Ср. Азии.

Революция в Средней Азии. Сборник Истпарта № 1.

Готовятся к печати:

Гиясов. Джадиды (на узб. яз.).

Его же. Библиографич. справочник (на узб. яз.).

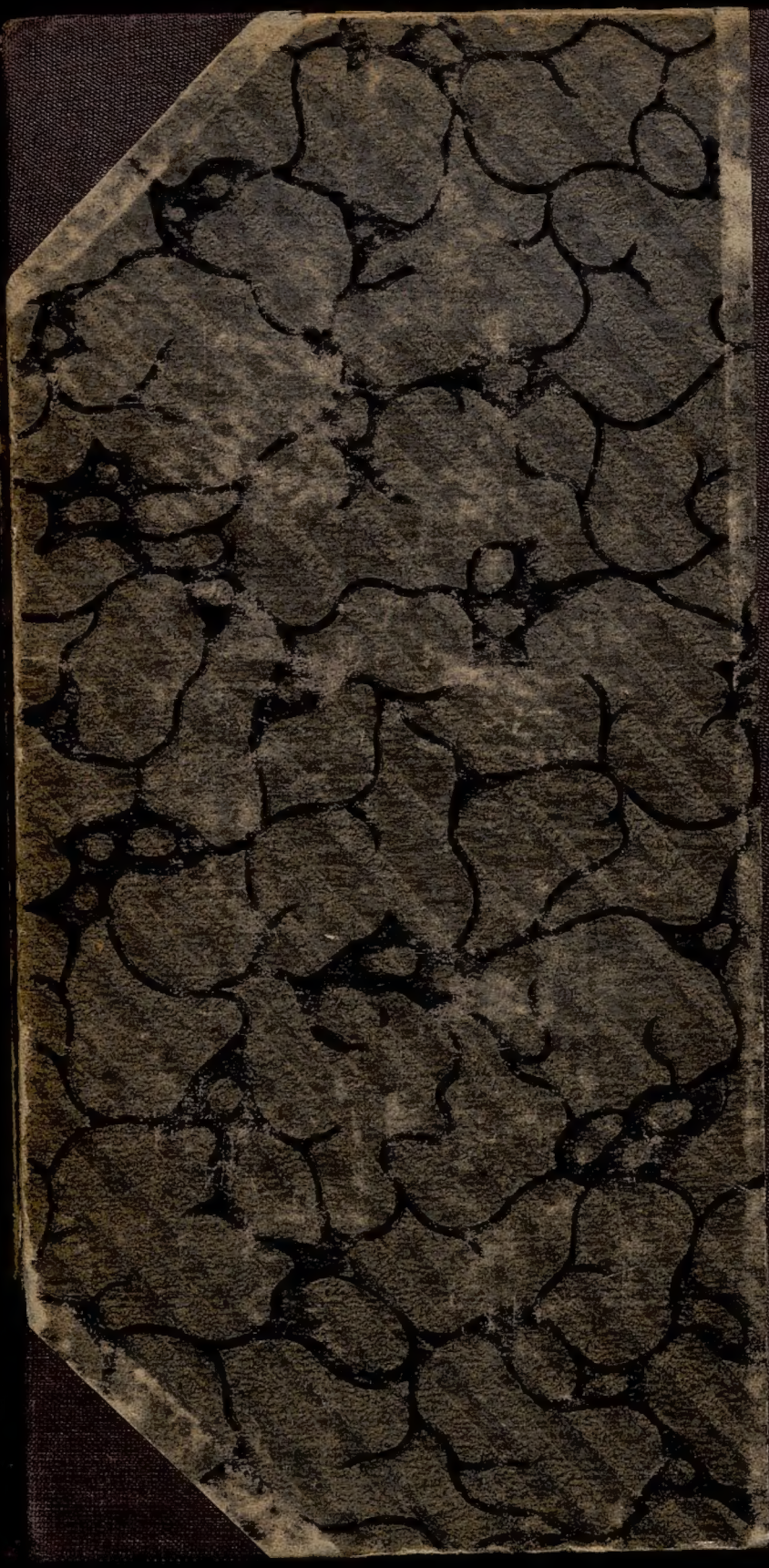
Алексеенков. Кокандская автономия (на узб. яз.).

Рябинский. О слиянии с левыми эсерами.

Хроника событий 1919—20 г. г. в Ср. Азии.

Сборник «Красный Восток» (на узб. языке).

Сборник «Револ. в Ср. Азии» № 3.

Антропов. Как партия разрешает в Ср. Азии национальный вопрос.

119